

ТЕМА: ЧЕРНОБЫЛЬ

ТЕМА: К ПРЕДСТОЯЩЕМУ ШИРОКОМАСШТАБНОМУ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ ЛЮДЕЙ ИЗ ОТРАВЛЕННЫХ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АВАРИЕЙ РАЙОНОВ — ГДЕ БУДУТ ЖИТЬ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ?

Наша боль—Чернобыль

2 стр. ● Знамя юности ● 4 января 1990 г.

Потерянный кров

— что получают взамен переселенцы из пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС районов?

Не по доброй воле вынуждены покидать дома своих предков жители загрязненных радионуклидами районов Гомельской, Могилевской, Брестской областей. У кого-то неизбежность переезда рождает нетерпение, у кого-то—тревогу или апатию. Вопросы у наших читателей эта болезненная тема вызывает множество. На некоторые из них наш корреспондент попросил ответить заместителя начальника Главархитектуры Госстроя БССР, секретаря правления Республиканского Союза архитекторов Р. И. БЕЛОГОРЦЕВА.

— Руслан Игоревич, по мере расширения границ гласности стало очевидным, что масштабы чернобыльской беды выходят далеко за произвольно определенные «границы» так называемой 30-километровой зоны. Не будем вдаваться в причины, почему размеры необходимого отселения как сразу после аварии, так и до последнего времени упорно преуменьшались. Но есть ли гарантия, что предстоящее широкомасштабное отселение будет достаточным и окончательным?

— Главное — избежать прежних ошибок. Переселенцы из 30-километровой зоны, а позднее — и из других районов нередко получали новое жилье на загрязненных территориях, попадали из зоны в зону. И кому-то теперь предстоит пережить драму переселения во второй раз... Но сегодня критерий твердый — радиационная обстановка в новых поселках должна быть в пределах естественного фона — без малейших превышений, ответственность возложена на Минздрав БССР и Белгидромет. И медики стали проявлять принципиальность: недавно, к примеру, по Гомельской области отказались согласовать размещение четырех новых поселков, для которых теперь будут найдены чистые площадки.

Другая ошибка: раньше хозяйства дробились на части, и новая прописка разбрасывала людей на многие километры. Разрывались родственные, соседские связи, отлаженные производственные отношения, а освоиться на новом месте переселенцу было тем сложнее, что зачастую он наталкивался на недоброжелательную заботу «гостеприимных»

хозяев: мол, у нас и своим жильем не хватает, а эти сразу попадают на все готовенькое... Теперь же каждое хозяйство переезжает целиком, а новый адрес согласовывается с самими переселенцами. Новые поселки возникнут не в чистом поле, а на базе принимающих хозяйств, значительно укрупняя и усиливая их. А чтобы избежать нездоровой напряженности в отношениях «хозяев» и «гостей», помимо строительства новых благоустроенных поселков планируется цивилизовать, наладить полноценный социальный быт, проложить дороги, облегчить жилищный вопрос также и в базовых, принимающих деревнях. По крайней мере такова твердая позиция Госстроя БССР.

— Наверное, любого из жителей районов, подлежащих отселению, волнует вопрос: «Когда наступит моя очередь?»

— Конкретно — кто уезжает в первую, кто во вторую очередь — решают местные Советы. Они же должны постоянно информировать людей по всем вопросам переселения — что, увы, делается не везде добросовестно, а отсюда беспокойство, нервозность, конфликты.

А в более широком плане этапы отселения определяет Государственная программа по ликвидации в Белорусской ССР последствий аварии на Чернобыльской АЭС, принятая на последней сессии Верховного Совета БССР. Выделены три этапа. Первый, рассчитанный согласно программе на два ближайших года, предполагает отселение по чисто медицинским показаниям —

CODE: ЧЕРНОВЫЛЬ

ТЕМ: К ПРЕДСТОЯЩЕМУ ШИРОКОМАСШТАБНОМУ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ ЛЮДЕЙ ИЗ ОТРАВЛЕННЫХ ЧЕРНОВЫЛЬСКОЙ АВАРИЕЙ РАЙОНОВ - ГДЕ БУДУТ ЖИТЬ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ? (2)

из районов, где человек получает 35 бэр и более за 70 лет. Второй этап, рассчитанный на 1992—1993 годы — из районов с меньшими уровнями радиации, но где невозможно добывать «чистую» сельхозпродукцию. И на третьем этапе (1994—1995 гг.) смогут выехать все желающие из районов, в той или иной степени «присыпанных» радионуклидами.

Заостряя внимание, что после сессии в программу продолжали поступать коррективы и уточнения. И сегодня правительство республики видит возможность и принимает меры к тому, чтобы ускорить первый этап отселения и завершить его уже в нынешнем году, построив вместо 2500 домов по программе — 5029. Соответственно должно приблизиться и выполнение двух последующих этапов. Лично от себя я бы поддержал мнение белорусских ученых о том, что непригодные для сельхозпроизводства земли нужно вывести из оборота и засадить лесом, чтобы тем самым предотвратить выдувание почвы и дальнейшее распространение радионуклидов.

Государственная программа предварительно согласована с союзными ведомствами. Однако известно, как быстро они — особенно Госснаб и Госплан — забывают о своих обещаниях, когда доходит до дела, до конкретных поставок. Поэтому сейчас стоит задача добиться одобрения программы высшим органом власти страны, что придаст ей силу закона. Защита программы ведется по разным каналам, в частности, президиум правления Союза архитекторов БССР принял соответствующее обращение ко второму Съезду Советов. Что ж, подождем, как откликнется Верховный Совет СССР.

— Руслан Игоревич, следующий вопрос к вам, скорее, как к архитектору, нежели к государственному служащему. В ходе выездного президиума Союза архитекторов БССР мы с вами побывали на севере Могилевщины, где вскоре возникнут новые поселки для переселенцев. Места привольные, пленяющие своей красотой. Дополнят ли гармонию ландшафта архитектурные решения? Окажется ли новый кров уютнее прежнего!

— Именно такая задача ставится. Союз архитекторов через систему консультативной помощи проектировщикам и кураторского контроля выступает гарантом высокого качества проекта застройки, обеспечивает, так сказать, идеологию и философию вопроса. Человек, переживший чернобыльскую трагедию, вправе ждать, что на новом месте получит не времянку, а постоянное, причем комфортное, уютное и радующее глаз жилье. Как вы помните, в ходе выездного президиума остро встал

вопрос о деревянных щитовых домах. Фактически это неказистые продуваемые сараи, алчно пожирающие уголь для отопления. Обкладывать их кирпичом!.. Не проще ли строить кирпичные, разнообразные по архитектуре коттеджи...

Несколько тысяч щитовых домов выделили республике союзные ведомства в счет помощи в ликвидации последствий аварии. В Минстрое БССР и Белсельстрое считают, что в таких домах вполне могут жить переселенцы — мол, не отказываться же от того, что дают. Но твердая позиция Союза архитекторов — и в этом нас поддерживает Госстрой БССР, это мы доказываем правительству республики — щитовые дома разумно использовать лишь под временное жилье строителей или, к примеру, под фельдшерско-акушерские пункты. А для переселенцев — строить комфортные, разнообразные, привлекательные дома, малосемейные однокомнатные квартиры для престарелых одиноких ветеранов (а иначе, говорят старики, из зоны не двинемся). Одновременно можно переработать и проекты щитовых домов под более комфортные.

Точно так же ставится вопрос не только на селе. К примеру, в Дрибине (будущий центр нового, 118-го административного района БССР, создаваемого на севере Могилевщины в основном за счет переселенцев из Краснопольского района) мы рассчитываем избежать типичного для райцентра симбиоза пяти-девятиэтажек среди одноэтажных домов. Основой Дрибины станет высокоплотная застройка, состоящая из двух-четырёхэтажных домов. Такая застройка создаст не меньшее число квартир на той же площади, что и в любом столичном микрорайоне с его зияющими, неуютными пустотами. Прогрыша нет, зато какое выигрыш! Неповторимое лицо Дрибины определят изящные дома с пластичными оригинальными фасадами, чердачными стропильными крышами, уютными двориками.

В заключение, вернувшись в роль «чиновника», замечу, что особые условия для переселенцев создаются и в области контроля за состоянием здоровья. Бассейн при каждом детском саде, бассейн для взрослых и баня повышенной комфортности в каждом поселке, физиопроцедурные кабинеты при каждой школе, расширенная сеть поликлиник и больниц, постоянный контроль за здоровьем каждого человека, решения по переработке проектов домов для возможного проживания инвалидов — этого мы не можем обеспечить пока для всех жителей республики, но для чернобыльцев — обязаны.

С: ЧЕРНОБЫЛЬ

ТЕМ: К ПРЕДСТОЯЩЕМУ ШИРОКОМАСШТАБНОМУ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ ЛЮДЕЙ ИЗ ОТРАВЛЕННЫХ
ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АВАРИЕЙ РАЙОНОВ - ГДЕ БУДУТ ЖИТЬ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ?

Созмин республики по поручению XII сессии Верховного Совета БССР решает вопрос об отъезде всех белорусских строительных подразделений, работающих в других регионах страны, в том числе в Армении, где они уже поработали на совесть. На потребности переселенцев откликнулся Международный фонд славянской культуры, предлагающий поставить в республику готовые срубы домов. Помимо, как уже говорилось, Союза архитекторов разворачивает работу Союз художников БССР, взявший на себя эстетическое оформление новых поселков и очагов культуры. Надеемся, что этот список будет постоянно расширяться — Чернобыль не вина, а беда белорусского народа и если не возьмется всем миром ее лечить, то беда эта неизбежно станет всеобщей.

Вел беседу
Ю. СМЕРНОВ.

1310

USSR TODAY
SOVIET MEDIA FEATURES DIGEST
COMPILED BY RADIO LIBERTY MONITORING

DAY MONTH YEAR

No. **F-** 53

CODE:

ITEM:

CODE: ЧЕРНОБЫЛЬ

ИТЕМ: ИНТЕРВЬЮ С АКАДЕМИКОМ Е.ВЕЛИХОВЫМ О СЕГОДНЯШНЕМ ПОЛОЖЕНИИ
ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС, ОБ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ И ГЛАСНОСТИ

"Комсомольское знамя" 9.01.90 стр.3

Академик Е. ВЕЛИХОВ:

«Пусть люди сами решают...»

Евгения Павловича Велихова я увидел впервые в Чернобыле. В мае. На самой станции. Он вошел энергичной походкой в «стекляшку»-фойе, на окнах которого висел плакат: «Находясь в помещении, вы получаете дозу радиации в 10 раз меньше, чем на улице». Велихова, похоже, ни плакат, ни собственная доза не интересовали. В те страшные дни все еще висело на волоске, и он, на ходу перекусив в штабе, спешил на АЭС координировать действия дозиметристов и монтажников. Тогда сменялись председатели правительственной комиссии, инженеры, реакторщики, воины, даже журналисты. И только один из немногих был бессменным на ЧАЭС — Евгений Павлович.

В фойе станции он заметил парня, забившегося в угол. Был написан на лице того жуткий страх. Велихов остановился, подошел. Оказалось, водитель, приехал на станцию впервые. Поговорил с ним несколько минут, успокоил, как мог.

— Кто это! — поинтересовался парень, когда академика уже и след простыл.

— Велихов.

— А-а-а. Чего ж тогда врут, что он в бункере сидит.

— Да нет. Этот в бункере не прячется, все больше в третьей зоне работает.

...События тех напряженных дней теперь — история. Но проблемы с Чернобылем остаются, а проблем энергетических еще и прибавилось. Где брать ее, энергию, как ее рационально расходовать, на каких блоках производить! С этого и началась наша беседа с Евгением Павловичем.

— СТРАНА попала в тупик, в который весь мир попал. Конечно, мы имеем большую вину перед перестройкой и народом — и ученые, и энергетики — за Чернобыль. Он, да и вся экологическая система, превратились в политическую категорию. Сегодня не нужно кандидату в депутаты рассказывать, как он решит вопросы насущные. Что-то сказать против атомной энергетики: 50 процентов дела сделано. Сегодня практически все кандидаты выступают против развития атомной энергетики. А за атомной идет угольная, потому что на самом деле угольная хуже, чем атомная. По смертности, по экологии — намного хуже, на порядки...

— Хочу повторить вопрос, который задавал вам три года назад там, в зоне: как видятся перспективы полной ликвидации чернобыльской аварии?

— Понимаете, я вижу эти перспективы достаточно оптимистично. Была создана напряженная атмосфера, звучала справедливая критика в адрес медиков и за многие упущения, которые были тогда, — и по йоду, и по детям, вы знаете, по переселению. Местные власти, в частности, в этом виноваты. Эти упущения лежат далеко от Чернобыля. Тут нам надо приложить усилия, чтобы вселить уверенность в людей, исправить положение. Я уверен, что эти земли можно будет быстро вернуть в сельскохозяйственное производство. Мы сегодня совсем не используем печальный опыт 57-го года, аварии в Киштыме. Я добивался три года, начиная с Чернобыля, чтобы все данные по Киштыму были опубликованы. Наконец мы вместе этого добились, за что я благодарен средствам мас-

совой информации. Но, с другой стороны, несерьезные публикации о такой чуши, как атомный СПИД, восьминогие жеребцы и т. д. Поэтому, я считаю, технически мы постепенно ликвидируем все последствия чернобыльской аварии.

— Вы сторонник закрытия Чернобыльской АЭС? Или за то, чтобы она все-таки продолжала функционировать как станция?

— Я не думаю, что сейчас Чернобыльская АЭС в худшем положении, чем другие реакторы РБМК. Как вы знаете, приняты все меры для повышения их безопасности. Но

CODE: ЧЕРНОБЫЛЬ

ITEM: ИНТЕРВЬЮ С АКАДЕМИКОМ Е.ВЕЛИХОВЫМ О СЕГОДНЯШНЕМ ПОЛОЖЕНИИ
ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС, ОБ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ И ГЛАСНОСТИ

(2)

закрывать эти реакторы сейчас невымыслимо. Мы нынче ведем борьбу на другом фронте — даже на порядки более безопасный реактор атомной станции теплоснабжения вызывает борьбу. Поэтому, конечно, лучше бы было перейти на реактор такого типа. Но их мы не сумеем быстро делать. Еще не организованы, к сожалению, работы по быстрому переходу на реакторы нового поколения. Но и во всем мире это делается недостаточно быстро. Я вижу несколько технических решений, но не панацею. Предполагаю, что ждет нас тяжелая жизнь, прежде всего потому, что село у нас не электрифицировано, как следует. Оно требует больших затрат энергии. Другого выхода нет. И на Севере, и на той же

Украине, и в Воронежской области, всюду...

— Евгений Павлович, движение за закрытие и прекращение строительства АЭС на Украине нынче приобрело очень широкое звучание. Пресса, общественные организации выступают против атомных станций...

— Здесь такая вещь: Украина мечтает, что она с газом справится. Что ей кто-то даст газ, потому что свой на исходе. Все думают, что им кто-то что-то даст.

— Но есть такие данные: на жителя Украины приходится в 30 раз больше атомных станций, чем в среднем по стране.

— А если возьмете Францию, то будет все наоборот.

Там реакторов еще больше, чем на Украине. Я о другом хочу сказать. Очень крупной ошибкой было, что центр взял на себя не только право, но и обязанность обеспечить каждого энергией. Сегодня он это сделать не может. Но это до сих пор не понято в регионах. Мы все твердим, что топливно-энергетический комплекс по-прежнему останется общегосударственным. Я здесь не очень согласен. Считаю, что определенная часть его должна оставаться общегосударственной, но компании, фирмы, которые обеспечивают энергией, должны быть региональными. На определенных, естественно, больших регионах. И тогда местные власти должны отвечать за энергетическую политику. Пусть люди принимают решение: уголь, атом или что-либо еще. Потому что АЭС — это определенный риск. Он никогда не

будет равен нулю, хоть мы его постоянно уменьшаем. Надо, чтобы его принимали или отвергали, выдвигая альтернативу. Люди должны иметь при этом правильную, точную и полную информацию. Я не говорю, что все упирается только в атомную энергетику. Мы должны развернуть сейчас производство газовых турбин. При существующих запасах газа их количество поднять нам не удастся —

мы сможем процентов на 30 поднять производство энергии. В некоторых районах, в Армении, например, это будет иметь огромное значение. На Украине? Не знаю, надо все проверить. В Крыму — не уверен совсем, потому что газ трудно подать туда.

— Кстати, АЭС в Крыму — очень большой вопрос для Украины. Ваше мнение по поводу этой станции?

— Я участвовал только в изучении одного вопроса: оценке сейсмичности. Я считал, что старая оценка — 6 баллов, — совершенно не обоснованна, но и новая оценка — 9 баллов — тоже не обоснованна.

Сейчас мы активно работаем, думаю, что оценка сейсмичности будет достаточно скромной. Так что с точки зрения техники такая станция может быть построена. Все остальное должны решать местные власти вместе с населением полуострова. Но — просвещенно, не спеша и обдуманно. Думаю, идея собрать станцию до конца, а попутно решать, как ее использовать (как тренажер или собственно как АЭС), — правильная.

— Недавно я готовил интервью с Б. Е. Патонем. Зашел у нас разговор об атомной энергетике. И он резко выступил против навязывания Украине АЭС. Прокомментируйте это мнение, пожалуйста.

— Я не вправе его мнение комментировать. Пусть он его сам обосновывает. Если украинцы найдут возможности удовлетворить свои энергетические потребности — хорошо, пусть обходятся без АЭС. Когда более четким станет региональный хозрасчет, многие всерьез задумаются над своей позицией.

— Сейчас на Украине просчитываются и другие варианты: не увеличение энергопотребления, а, наоборот, снижение. За счет вывода устаревших энергоемких мощностей...

— Да, да... Надо сказать, что есть три пути в энергосбережении. Один — структурный. Очень простой. Японцы производят такой диктофон, как у вас в руках, он стоит 1000 рублей килограмм. А мы

CODE: ЧЕРНОБЫЛЬ

ИТЕМ: ИНТЕРВЬЮ С АКАДЕМИКОМ Е.ВЕЛИХОВЫМ О СЕГОДНЯШНЕМ ПОЛОЖЕНИИ
ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС, ОБ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ И ГЛАСНОСТИ

(3)

производим трактор — он стоит 3 рубля килограмм. Ясно, сколько энергии здесь и там. Нам нужны тракторы, бесспорно, но не в таком количестве. И мы почти не производим такой техники, как диктофоны. Но это структурное направление требует другого развития всех производительных сил. Это неизбежно для нас. Мы по этому пути пойдем, но скоро там еще не будем. Надо быть реалистами. Второй момент — это изменение технологии, о чем говорит Б. Е. Патон. Наши все технологии в металлургии, химии в 3—4 раза более энергоемкие, чем аналогичные в Европе, в 6 раз — чем в Японии. Нет слов, переход на энергосберегающие технологии — неизбежность. Но надо иметь в виду: это требует капиталовложений примерно в 50 процентов от добычи энергии. При том плане, который разработал Рыжков, у нас нет шансов на этом пути много сделать.

Есть третий момент: использование вторичных источников тепла, 25—30 процентов всей энергии, в производстве дополнительной продукции, в основном сельскохозяйственной. И холода, кстати. Вот здесь у нас потенциал больше, потому что все это дешевле, но и, конечно, более эффективное использование газа, например, — здесь есть хороший потенциал. Но его надо реалистически оценивать.

— И последнее. К сожалению, о деятельности наших ученых мы знаем по-прежнему мало. Зачастую народу предлагаются уже готовые какие-то проекты, подготовленные анонимными учеными. Все это вызывает недовольство в стране. Как гласность сказывается на деятельности АН СССР?

— Академия сама начинает проявлять интерес в выходе на прессу, в информировании общественности. Я был инициатором создания совета по связи с прессой. Он, по-моему, неплохо работал. Потом другие дела захлестнули. Поначалу мы давали информацию для прессы, сообщали о различных советах, заседаниях президиума. Затем это на убыль пошло, несомненно, большая наша ошибка. Надо было развивать этот совет. Его остатки еще как-то существуют. Надо нам прессе помогать. Но самое главное — у нас нет другого канала связи с народом. И с молодежью в том числе. У нас и свои внутриакадемические связи с молодежью, к сожалению, неважные. Надо это развивать...

Беседу вел
В. ДОЛГАНОВ.

Москва.

1310

USSR TODAY
SOVIET MEDIA FEATURES DIGEST
COMPILED BY RADIO LIBERTY MONITORING

, DAY MONTH YEAR

No. **F-** 53 10

CODE:

ITEM:

CODE: ЧЕРНОБЫЛЬ

ITEM: ПИСЬМО В. ШИЛОВА — УЧАСТИКА ЛИКВИДАЦИИ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АВАРИИ, В КОТОРОМ ОН В ЧАСТНОСТИ ПИШЕТ: " МЫ СВОЙ ДОЛГ ПЕРЕД РОДИНОЙ ВЫПОЛНИЛИ, А ВОТ РОДИНА НЕ ХОЧЕТ О НАС ЗАБОТИТЬСЯ"

111

"КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА", 2.2.90. стр. 1

Я, Владимир Шилов, чернобылец

Извините, дорогая редакция «Комсомольской правды», что я побеспокоил вас, я знаю, что вы мое письмо не напечатаете. Но я хочу, чтобы вы исполнили мое желание (правда, я волнуюсь — пишу впервые). Я хочу вам написать истинную правду про Чернобыль.

Меня и ребят, моих товарищей по шахте «Новодзержинская», забрали от военкомата. Это было, как я сейчас помню, 20 августа 1986 года. Повезли нас военными самолетами «АН-12», там нас было очень много. Прилетели в город Белая Церковь. Потом нас переодели в военную форму, затем машиннами ночью привезли, как я потом узнал, в Иванковский район, село Ораное. Когда впервые всех повезли для ликвидации аварии на 4-й блок, я видел собственными глазами, как ели и другие деревья стояли красные, но мне, конечно, не было страшно, потому что я выполнял долг перед Родиной и этим очень гордился. И не я один.

Работали мы без всяких защитных средств, только от пыли радиоактивной у нас была марлевая повязка. Нас всех называли здесь зелеными роботами. Мы там работали в сверхзараженной зоне, которая была опутана колючей проволокой, везде стояли посты, чтоб лишний человек не мог попасть в эту зону. Работу нам давали по наряду. Кого кирпичи тягать, кому стены мыть на 4-м блоке — нам доставалось везде работать. И на крыше — скидывать графито-

вые стержни, и в подвале — грязь радиоактивную с водой вычерпывать ведрами. В этой грязи была большая доза заражения, а мы, повторяю, без всяких защитных средств... Всякое бывало.

И так почти месяц в этой зоне. За это время нас никто из врачей не обследовал. Кормили неважно, зато минеральной воды пей, сколько хочешь. После каждой поездки на 4-й блок мы там в бане мылись по нескольку раз. Сапоги и роба приходили каждый день в негодность, нам выдавали новую робу, а эту, зараженную, палили. Это только подумать, сколько денег государство истратило на ликвидацию аварии!

И вот я вам что скажу. Мы работали, как я уже писал, в зоне повышенной зараженности. За каждую такую поездку на четвертый блок нам писали по 0,5 рентгена в час, а когда и 1,5 рентгена в час. Работали порой в таких местах особенных, что там можно было находиться только по 5—10 минут. Был такой случай, когда мы вшестером носили воду из подвалов, где стояли фильтры (мы там работали 1 час — я засек), и я как старший группы замерял зараженность — так вот в грязи было до 70 рентген, а в воде — до 45. А старший, кто давал нам этот наряд, всем записал 1,5 рентгена в час. Я стал ему доказывать: «Как вы можете писать такую дозу заражения, если мы работаем почти час в этом подвале! Вы нам должны написать правду, сколько оно и есть». А он нам сказал: «Я не имею

права писать такую дозу. Я вижу это, но не могу этого сделать, меня будет ругать начальство».

Мы жили в палатках в поле. Часто видели реку Припять и как по ней плыла рыба. Здесь же, где жили, не слышно было птиц. Комары, и те вымерли. Я видел, как машины — «КрАЗы», «КамАЗы», а также легковые — закапывали в землю. Село Ораное стояло тогда пустое, магазины были закрыты, в домах никто не жил. Колдодцы тоже все были закрыты.

Прошло больше трех лет. Здоровье наше ухудшилось.

Мы свой долг выполнили и потихоньку в тишине умираем. Мы даже детей иметь не можем, а хочется. Но дети рождаются калеками. Неужели государство не видит этого — что пацаны молодые уходят из жизни? Лежал я в больнице в Донецке и видел, как вся больница была переполнена чернобыльцами. А помочь им никто не может. Годы уходят, и ребята уходят. А дети остаются сиротами. Надо срочно браться лечить нас. Но когда я при обходе сказал профессору, что не один я здесь такой, что таких нас много и что мы не получаем нужного лечения,

CODE: ЧЕРНОВЫЛЬ

ITEM: "Я, ВЛАДИМИР ШИЛОВ, ЧЕРНОВЫЛЕЦ" /2/

он только улыбнулся и ничего не сказал, а потом на второй раз сказал, что нет такой аппаратуры.

Я сейчас в шахте работаю ГРОЗом (горнорабочий очистного забоя). Мне, конечно, тяжело, но я пока держусь. Но здоровье мое неважное. Начал память терять, забывать имена друзей, даже свой табельный номер забываю. Ноги стали болеть, часто бывает головокружение. Люди смотрят на меня с удивлением.

Да, мы свой долг перед Родиной выполнили, а вот Родина не хочет о нас заботиться. У нас никаких нет льгот. Удо-

стоверений участника чернобыльских событий нет. Их отменили. А надо бы нам выдать удостоверения на льготы, чтобы хоть что могли взять покушать или получить стиральную машину, или встать на льготную очередь на квартиру. Както я оттуда получил поощрительное письмо и отдал бывшему директору шахты Глебову, который сказал: как-нибудь поощрим. И вот я ждал три года своего поощрения, и только забастовка шахтеров мне помогла его выбить. Вот так мы нужны всем.

Дзержинск,
Донецкая область.

ОТ РЕДАКЦИИ: _____

Мы не раз обращались к проблемам Чернобыля, рассказывали о людях, вольно или невольно связавших с ним свою судьбу. Среди них и В. Шилов, и солдаты полка внутренних войск, несущих охрану ЧАЭС и зараженной зоны вокруг нее («Забывтый гарнизон», «КП» от 23.07.89).

Уже в конце июля Советом Министров СССР Минатом-энергпрому, МВД, Минздраву и МО СССР было поручено «принять необходимые меры и о результатах доложить». Разработали предложения МВД и МО, отошли в сторону медики, а главному виновному — хозяину АЭС — постоянно требовалось дополнительное время на раздумье он все пытался взвалить дополнительные расходы по охране станции на войска... Пока наконец бригадой Главной военной прокуратуры в полку не была произведена проверка, полностью подтвердившая приведенные нами факты.

Вчера состоялась коллегия ГВП, затронувшая в числе множества фактов использования армии вопреки уставам и законодательству, вопрос о пребывании в Чернобыле ребят 18—20 лет. Главный военный прокурор СССР, генерал-лейтенант юстиции А. Катусев вынес предписание начальнику внутренних войск генерал-полковнику Ю. Шаталину о незамедлительном устранении нарушений требований основ законодательства о здравоохранении и Конституции СССР, для чего предложено принять меры к выводу личного состава за пределы зоны. Но этим решается лишь часть проблем.

Вот почему мы приветствуем

инициативу тележурналистов Максимовых, которые берутся провести 26 апреля новый телемарафон в помощь пострадавшим от чернобыльской аварии.

Вот почему мы публикуем сегодня и обращение людей, которые решили посвятить все свое свободное время помощи жертвам Чернобыля:

«Координационный совет Всесоюзного общественного движения Союз «Чернобыль» обращается к трудовым коллективам страны с призывом посвятить Всесоюзный Ленинский коммунистический субботник в апреле с. г. целям помощи пострадавшим от последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Сотни тысяч людей нуждаются в медицинской помощи. Молодые инвалиды получают мизерную пенсию и не в со-

стоянии обеспечить свои семьи. Население, проживающее на зараженных территориях Белоруссии, Украины, России, не может использовать сельскохозяйственную продукцию

Особо мы обращаемся к советским гражданам и коллективам, зарабатывающим валюту. Вы можете спасти многих, кому нужны импортные лекарства и квалифицированная медицинская помощь.

Средства, заработанные на этом субботнике, будут направлены на индивидуальную медицинскую и социальную помощь.

Мы ждем предложений о конкретных формах помощи. Союз «Чернобыль» надеется, что «Комсомольская правда» будет советоваться со своими читателями и обеспечит гласный контроль за расходованием собранных средств.

CODE: АЭС

ИТЕМ: ЧИСЛО ЖЕРТВ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ТРАГЕДИИ ПРИБЛИЖАЕТСЯ К ПОЛУТОРА МИЛЛИОНАМ

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ● 2 февраля 1990 г. ● № 28 (10179) ● 2

КОМПЬЮТЕР ИЩЕТ ПОСТРАДАВШИХ

Создается регистр облученных после чернобыльской катастрофы

В России зарегистрировано 71313 человек, принимавших участие в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Эвакуировано 1972 жителя. На загрязненных территориях сегодня проживает 24855 человек. По данным Всесоюзного регистра пострадавших, у них родилось 562 ребенка.

Да простит читатель обилие цифр. Они кровоточат, как сводки с поля боя, за каждой — не только судьбы ныне живущих, но и их будущих внуков, и внуков внуков. Точка отсчета — 28 апреля 1986 года, когда над спящей Припятью поднялось адово зарево 4-го энергоблока. Скольким еще поколениям нести страшный крест повышенного риска генетических отклонений, онкологических и эндокринных заболеваний? Ясно одно: Чернобыль не кончится ни завтра, ни в обозримом будущем. И чтобы оказать действительную помощь пострадавшим, нужно как минимум знать, кто они, сколько их, каковы дозы облучения.

Как же наладить такой учет? Об этом и шел разговор на совещании по проблемам Всесоюзного регистра пострадавших, проходившем на днях в Обнинске. В нем приняли участие ученые России, Белоруссии, Украины, а также других республик, ибо в каждой из них живут «ликвидаторы» (такое вот мрачноватое слово придумано для сражавшихся с бедой). Но в России, Украине, Белоруссии есть и другая боль — люди, продолжающие и сегодня получать дозы облучения на зараженных территориях.

Исходные документы на пострадавших заполняются в центральных районных и городских больницах. Затем после экспертизы сведения переводятся в память ЭВМ. Естественно, в базу данных

должны входить не только фамилии, но и индивидуальные дозы облучения. Увы, эти данные пока имеются лишь на четвертую часть всех включенных в регистр. Да, в первые послечернобыльские месяцы не хватило ни сил, ни возможностей провести такие исследования. Что же мешает заняться ими сегодня? Причина довольно проста: «под приказ» Минздрава СССР о Всесоюзном регистре не выделено средств. Четыре года минуло после аварии, а осадное положение вычислительных центров при республиканских министерствах длится и по сей день. Ведь вся работа ведется на общественных началах.

Впрочем, не будем спешить с упреками Минздраву. Разве это он виновник тяжелого положения на загрязненных территориях? Разве медиками спровоцировано ухудшение здоровья ветеранов Чернобыля? Если уж по справедливости, деньги на содержание регистра должны идти не из тощего минздравовского кошелька, а из бюджетов атомных ведомств.

А вот другой аспект проблемы. Директор НИИ медицинской радиологии АМН СССР, член-корреспондент АМН СССР А. Цыб приводил такие цифры: из 198 тысяч поставленных на учет «ликвидаторов» лишь 4 процента относятся к возрастной группе до 25 лет. Как же так? Вспомним кадры телепередач лета 1986-го —

сколько там безусых, совсем мальчишеских лиц! Как ни печально. 18-, 20-летние «ликвидаторы», проходившие тогда срочную службу в армии, а также штатные военнослужащие до сих пор не учтены Всесоюзным регистром. Правда, существует Всеармейский регистр на базе Военно-морской академии имени Кирова в Ленинграде. Еще часть информации содержится в ведомственных архивах Министерства обороны, МВД, КГБ. Но кому на руку эта ведомственная разобщенность?

Нажать несколько клавишей — и умная машина выдаст динамику заболеваемости, карты радиоактивного загрязнения, всевозможные таблицы и графики. Сухая эта статистика крайне необходима органам Советской власти и медицинским учреждениям на местах, чтобы точно и взвешенно принимать меры для ослабления последствий трагедии. Статистика буквально кричит: смертоносным дыханием радионуклидного пожара в России оказались опалены не только Брянская область, о чем сегодня известно всем, но и Калужская, Тульская, Орловская.

Еще и сегодня в некоторых населенных пунктах Ульяновского района Калужской области отмечается повышенный фон радиоактивности. Вплоть до последнего времени в Жиздринском, Хвостовичском, Ульяновском районах в 14—18 процентах проб молока из личных хозяйств фиксировалось превышение допустимого уровня радионуклидов. По словам руководителя лаборатории дозиметрии внутреннего об-

лучения института В. Степаненко, ученых беспокоят отдаленные последствия радиационной нагрузки. Кстати, определяются они не индивидуальной дозой облучения, как принято думать, а коллективной, когда средняя доза, полученная определенным контингентом, умножается на количество людей. Заметим: коллективная доза на щитовидную железу, полученная детьми семи калужских районов, равна 1 миллиону человеко-рад, это страшный показатель! Но лучше эти цифры знать, чем оставаться в неведении.

Опираясь на точные данные, ученые НИИ медицинской радиологии дают рекомендации лечебным учреждениям. Кстати, самый, пожалуй, важный вывод ученых, сделанный ими при создании регистра, заключается в том, что правительство России в отличие от высших органов власти Украины и Белоруссии безразлично к бедам пострадавших районов. Завтра это обернется новыми затратами и, что куда страшнее, непоправимым ущербом здоровью людей.

По оценкам ученых, общее число жертв чернобыльской трагедии приближается к полутора миллионам. Уйдут люди, пережившие Чернобыль, но сама трагедия будет памятна еще многие десятилетия, ибо даже дети, не появившиеся на свет, уже обречены попасть в чернобыльский поименный список. Регистр — беспрецедентная по масштабам попытка спасти их. Но может ли он держать только энтузиазмом помнящих о своем долге ученых?

О. ПЛАХОТНИКОВА.

CODE: БЕЛОРУССИЯ

ИТЕМ: КАК ВЫГЛЯДИТ БЕЛОРУССИЯ НА ФОНЕ ДРАМАТИЧЕСКИХ И ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДИЛИ И ПРОИСХОДЯТ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В РАЗНЫХ РЕГИОНАХ СТРАНЫ

1
ЯНВАРЬ
ИЗДАЕТСЯ
С 1972 ГОДА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ВССР
НЕМАН
Ежемесячный
литературно-художественный
и общественно-политический
журнал
90
ИЗДАНИЕ «ВОЛЫН»

РЕДАКЦИОННЫЙ ДНЕВНИК

ЗАЛОЖНИКИ ЧЕРНОБЫЛЯ

«Революция...», «Мы переживаем революционное время...», «Время больших перемен...» Завороженные магией этих оптимистических слов, люди в который раз уже готовы были сами обмануть себя — поверить в то, чего нет, но чего так долго ждали и что хотелось бы иметь. И настоящую революцию. И действительно большие перемены. Ибо микроскопические перемены, как новые заплатки на старых брюках, лишь подчеркивают несовместимость и недолговечность и старого целого, и его новых частей.

Люди уже готовы были поверить в магию этих многообещающих слов, но суровая реальность и жизненный инстинкт заставляют задуматься. Позади — десятилетия горького опыта неосуществленных надежд, загубленная вера в близкую справедливость, впереди — все та же неуверенность и усталость.

Неуверенность: «Куда мы идем?» и «Туда ли мы идем?»

Усталость: столько было экспериментов, замешанных на несоместимом — на крови и самых красивых лозунгах, а в результате — бедность духа, пустой желудок, нищета общества.

Действительно революционное, что сделала Перестройка, это разбуженное общественное сознание и возможность говорить вслух о самом важном, о самом наболевшем. Но этого мало, очень мало, и это знают все — от школьника до отдающего себе отчет политического деятеля.

Воспрянувший здравый ум ищет приложения своей энергии, стремится взорвать стереотипы, которые на протяжении десятилетий заковывали жизнь в железобетонные формулы идеологического догмата и бессловесного послушания.

Притягательный в теоретическом плане и проблематичный в аспекте человеческой практики замысел — одним революционным рывком построить коммунистическое общество — семидесятилетними стараниями крупнейшей по территории и одной из крупнейших по населению в мире страны отброшен в область абстракции. Потеряна вера в саму идею. Начертанная на красном знамени, под которым миллионы наивных подвижников шли в бой за светлое будущее, она не только не конкретизировалась, а наоборот — размылась в бесконечности.

Призванная осчастливить человека, она вознеслась над ним и пошла войной на него. Человек — истина всех истин — потерял свою самооценку и превратился в материал для проверки недоношенных прожектов. Человек — винтик, человек — щепка, человек — ничто. (Десятки миллионов жертв — вот цена этого селекционного экспериментаторства. Духовный урон этих вселенских экспериментов еще более страшен — он уходит в необозримую перспективу).

Предлагая читателям публицистический материал А. Кудравца «Заложники Чернобыля», редакция хочет сказать, что она тем самым дает начало жизни новой рубрике, под которой намеревается печатать выступления писателей, журналистов, общественных и государственных деятелей, посвященные злободневным вопро-

CODE: БЕЛОРУССИЯ

ИТЕМ: КАК ВЫГЛЯДИТ БЕЛОРУССИЯ НА ФОНЕ ДРАМАТИЧЕСКИХ И ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДИЛИ И ПРОИСХОДЯТ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В РАЗНЫХ РЕГИОНАХ СТРАНЫ

(2)

Разрыв между словом и делом стал таким большим, что слово и стало почти единственным делом.

Столетиями человечество искало бога, верило в бога. Небесное и земное шло рядом, не смешиваясь и не противореча друг другу.

На небе бог — человек, на земле человек — бог. Низринув бога в бытовой мусор и не имея адекватной замены ему, мы сознательно или несознательно бросили человека в мир бездуховности и поиска осязаемого материального эквивалента.

Материальное, сиюминутное угрожающе подмяло духовное, вечное. Оракулы беспощинного служения человечеству на глазах у того же изумленного человечества начали превращаться в примитивных крохоборов, бессовестных мотов народной собственности — золота, идей, духа. Силовой сдвиг акцентов во взаимоотношениях народа и партии в пользу партии сделал то, чего больше всего следовало бояться: культ слуги народа трансформировался в поклонение слуге народа. Так вырос культ личности. Фарисейство из кабинетов и библиотек выплеснулось на улицы и площади. Чем сильнее звучали голоса микрофонов, тем глуше слышался голос народа, тем труднее было правде.

Заявив миру, что мы владем истиной в последней инстанции, мы не позаботились о духовном и гуманистическом наполнении ее, о ее материальном обеспечении.

Отдавая приоритет структурам военного образца, государство создало огромное количество войскоподобных образований — от армии и милиции до всяческих товариществ и союзов, превратив страну в подобие военизированного по вертикалям и горизонталям лагеря. Трудноразрешаемый во все времена вопрос, кто и как оденет и накормит все эти прожорливые армии (восемнадцать миллионов управленцев, видимо, не самая верная цифра), в последние десятилетия стал хронически трудноразрешимым.

Отняв у человека право собственности на землю и орудия производства, отделив его от созданного им же, государство отняло у него и обязанность ответственности, заставило отказаться от права самому думать о себе.

Трудно определить меру духовной и моральной деградации, в которой оказалось общество. Отцы забывают детей, дети идут на отцов, и это признается нормой.

Страна приблизилась к той черте, за которой стоит ужасающий кризис всего общества — экономики, идеологии, экологии, морали, права. Это уже были не прогнозы, а жестокая реальность, предопределившая Перестройку. Перестройку как Революцию, как отчаянную решимость использовать, может быть, последний шанс, оставленный нам историей.

Как же выглядит Белоруссия и мы, белорусы, на этом общем, деликатно говоря, не совсем радостном фоне? На фоне драматических и трагических событий, которые происходили и происходят в последние годы в разных регионах страны, — в Прибалтике и Грузии, Армении и Азербайджане, Узбекистане и Казахстане, в Молдавии и на Украине.

Думается, одно из главнейших заблуждений, в котором пребывают некоторые местные руководящие товарищи и которые в значительной мере перекочевало в Москву, это то, что в Белоруссии так хорошо, что ничего или почти ничего не надо перестраивать. Иначе говоря, Белоруссия — тот благодатный край, где Перестройка началась (и окончилась!) задолго до того, как Горбачев провозгласил ее начало. А коль так, то что еще можно изменить, да и зачем менять?

Оговоримся, что мы смотрим на Перестройку не как на самоцель, не как на желание ломать только потому, что ломает сосед, кричать

CODE: БЕЛОРУССИЯ

ТЕМА: КАК ВЫГЛЯДИТ БЕЛОРУССИЯ НА ФОНЕ ДРАМАТИЧЕСКИХ И ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДИЛИ И ПРОИСХОДЯТ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В РАЗНЫХ РЕГИОНАХ СТРАНЫ

только потому, что кричит сосед, а как на внутреннюю необходимость, как на невозможность жить без нее.

Относительно лучшая по сравнению с некоторыми регионами страны экономическая ситуация, в которой не последнее место занимает исконное трудолюбие и добросовестность белорусского работника, создает относительное и уже поэтому неверное представление о действительном положении дел в республике, если иметь в виду не только тонны мяса, молока, калийных удобрений, а и чистоту общественно-морального климата, духовную, культурную, интеллектуальную жизнь. Тут проблем не меньше, а может быть, и больше, чем в любой другой республике.

То, что Перестройка в Белоруссии требует самого активного, самого действенного участия в ней народных масс, максимальной поддержки ее интеллектуальными силами, говорят сложнейшие экологические проблемы, с которыми не сегодня столкнулись Гомель, Гродно, Могилев, Бобруйск, Солигорск, Новополоцк и многие другие города, многие сельскохозяйственные районы, отдавшие свои земли под 50- и 100-тысячные свинарники (какое красивое слово — «комплекс»!) — эти гигантские суперклозеты, отстойники тысяч тонн аммиака, ни утилизировать, ни использовать который мы не умеем и спускаем в ближайшие речки и озера, а где нет таковых — в грунтовые воды, и без того перенасыщенные нитратами и всякой другой химией.

О том, что надо открывать двери запасников народной инициативы, говорит опыт прошлогодней избирательной кампании в народные депутаты СССР. Вряд ли можно считать демократичными выборы, когда выдвигается одна кандидатура на один мандат. И то, что даже эти кандидаты прошли не во всех округах, лишний раз подчеркивает, что люди уже проснулись от спячки, им не все равно, кто говорит от их имени и их голосом. И принятый новый Закон о выборах в Верховный Совет и местные Советы республики, более демократичный, чем действовавшие ранее, все же оставил право на недемократичное преимущество за некоторыми общественными организациями в вопросе прохождения кандидатов в депутаты, против чего так яростно выступали избиратели и от чего отказались все республики.

О том, что настало время максимальной консолидации всех сил, говорит живущая долгие годы на полуголодном пайке культура, больше показная, чем всенародная, катастрофическое положение нашего родного белорусского языка. Хотя оно (если судить по печати) как будто и сдвинулось с мертвой точки (правда, как и куда сдвинулось, сказать трудно), но проблема языка — первоэлемента национальной культуры, носителя национальной генной памяти, еще не стала предметом государственной политики, как это сделано во всех других республиках, где недвусмысленно и четко определен и его государственный статус, и разработаны государственные программы его сохранения и развития.

Попробуйте купить белорусский «Буквар» — книгу, с которой начинается грамотность и которая должна быть в каждой семье, в каждой группе детей и садиков. Не купите! Их нет в магазинах!

Попробуйте купить дешевый и малогабаритный белорусско-русский или русско-белорусский словарик — и вы увидите, что это дело безнадежное. И все это при громких разговорах о необходимости развития белорусского языка. И это при наличии в республике полиграфкомбината, как мы любим хвастаться, — одного из крупнейших в Европе, и при наличии комитета по печатному делу, тоже одного из крупнейших в Союзе.

При всей сложности настоящего момента: человек и человечество легче пристраивается, чем перестраивается, — вызывает тревогу, словно специально подогреваемое кем-то размежевание руководя-

CODE: БЕЛОРУССИЯ

ИТЕМ: КАК ВЫГЛЯДИТ БЕЛОРУССИЯ НА ФОНЕ ДРАМАТИЧЕСКИХ И ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДИЛИ И ПРОИСХОДЯТ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В РАЗНЫХ РЕГИОНАХ СТРАНЫ

141

щего государственного аппарата с творческой интеллигенцией. Оно и видимо, и слышимо.

Чем можно оправдать критику, а если быть более точным — избиение некоторыми республиканскими изданиями нашего лучшего писателя, народного депутата Василя Быкова — человека драматичной судьбы, мировой славы. Если говорить о перестройке общественного сознания, возвращении ему статуса живого организма, то Быков был активным перестройщиком задолго до объявленного партией отправного рубежа. Своими произведениями он будоражил людскую совесть, звал к гуманизму и человечности и десять, и двадцать, и более лет тому назад. Нам бы радоваться, что у нас (вопреки всему!) есть такой писатель, есть такой мыслитель, есть такой Гражданин, а его в «пену перестройки», а его дегтем, а в него камнями! А вдруг и остановится, а вдруг испугается и замолчит!.. И это не в тридцатые годы и не в пятидесятые, и не в застойные!.. Конечно, плюрализм, конечно, гласность, но все же...

А неформальное молодежное движение. Можно и дальше делать вид, что его или нет, или оно только и делает, что сует палки в колеса Перестройки. Но это далеко не так. При всем его разнообразии и неоднозначности нельзя не видеть положительной роли, которую оно сыграло и играет как нарушитель сонной мещанской апатии, в которой еще вчера пребывало наше общество, как возбудитель интереса к переменам, к духовным основам нашей жизни, к нашей истории и культуре. Не надо при этом забывать, что это наши дети, они не лучше и не хуже самих себя — таких, какими их сделало время. Они ищут свое место в жизни и они имеют право на это место. Как имеют право и на свой взгляд на эту нашу жизнь. В сегодняшнем же отношении к ним просматривается старое — и сталинское, и домостроевское: «Вы работаете? Ну и работайте... Работайте! А мы скажем, где, когда, зачем и сколько!»

Но молодежь не хочет ждать, когда ей скажут и укажут, где и когда. Она не только хочет, она может! Это показали Куропаты, это показывает Белорусский народный фронт за перестройку «Адраджэнне». В неформальном молодежном движении надо видеть сторонников, а не противников Перестройки.

Когда-то, будучи в Белоруссии, в минуту эйфорического прозрения Хрущев сказал: «Белорусы первыми придут к коммунизму», имея в виду национальную покладистость белорусов и возможность добровольного отречения их от своего языка в пользу русского. Если отказ от родного языка, от своей культуры, истории, от извечных духовных и родственных связей не есть признак крайнего нигилизма, а признак коммунизма, то кому он нужен, такой коммунизм! Такого коммунизма должен бояться каждый уважающий себя человек, каждая уважающая себя нация.

Конечно, все выше обозначенные проблемы — проблемы общенациональные, и решить их можно только сообща, в одной дружной упряжке, запряженной по принципу народной талаки, а не по принципу крыловской тройки.

Но над всеми этими проблемами сегодня доминирует одна проблема, беда всех бед — Чернобыль. Он свалился на нашу многострадальную землю как что-то злое и апокалипсическое. Он свалился и на землю Украины, и на некоторые районы Российской Федерации, но основной удар принял на свои плечи белорусский народ, и об этом речь. Заговор административного молчания и полуправды сопровождал эту трагедию с самого начала и недели, и месяцы, и годы. Как будто речь шла не о судьбе целого народа, миллионов людей!

Спустя месяцы после той страшной ночи 26 апреля 1986 года люди поставят знак если не равенства, то близкого сходства между Чернобылем и началом Великой Отечественной войны. Та же расте-

CODE: БЕЛОРУССИЯ

ИТЕМ: КАК ВЫГЛЯДИТ БЕЛОРУССИЯ НА ФОНЕ ДРАМАТИЧЕСКИХ И ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДИЛИ И ПРОИСХОДЯТ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В РАЗНЫХ РЕГИОНАХ СТРАНЫ

рянность, та же тишина, незнание, что делать, тот же лозунг: «Не сейте панику!». То же замалчивание горькой правды, тот же радиогазетный оптимизм.

Бодряческий голос радиокomentатора из братней республики вещает на весь Союз: «К счастью, ветер дул не в нашу сторону!» (т. е. дул в сторону Белоруссии). Подул ветерок, и принес дождик, не радиоактивный, а самый милый, майский дождик. «Правда» устами Одинца успокаивает: «Соловьи над Припятью». Оказывается, несмотря на взрыв четвертого атомного блока, соловьи на белорусском и украинском Полесье еще поют. Так и просится жуткое продолжение: «... вот если бы... еще парочку блоков... вот бы они запели!..»

Зловещая, невидимая смерть ползет по земле, висит в воздухе, а детки Гомеля и Минска, Хойников и Славгорода, как и во все предыдущие годы, идут на демонстрацию, на праздник. Не мешайте проводить праздник! Они, дети, они ничего не знают. Они не знают, что им нельзя выходить на улицу, что им лучше побыть дома. Все это знают партийные и советские дяди, знают — и молчат. А кто начинает говорить, тому затыкают рот: «Не сейте паники!»

Министр здравоохранения республики Савченко успокаивает встревоженных жителей республики, мол, ничего страшного не произошло, ну немножко взорвался, немножко засыпало, но это не опасно для здоровья. (Позже министр возглавит республиканский фонд милосердия. Ура! милосердному экс-министру и врачу!)

Вся Европа притихла в ожидании. Польша и Скандинавия «замуровывают» окна и двери, принимают профилактические лекарства, а на Гомельщине, Могилевщине, Брестчине всюду идет весенний сев, ширится социалистическое соревнование. Смотрите, какие мы советские! Нам все нипочем. Нипочем даже радиация.

Американец Гейл предупреждает о тяжелых последствиях взрыва. Это не Хиросима, это десятки Хиросим. Что нам Гейл! Он «оттуда», он из «этих», из капиталистов. А мы...

А что мы? Ничего мы. Мы знаем, что Чернобыльское облако накрыло Белоруссию, а какие районы, что надо делать — не знаем.

Радиацией поражена треть? Две трети территории республики? Это люди узнают лишь через три года, когда наконец будут опубликованы «грибные» карты. Карты, показывающие, где можно и где нельзя собирать грибы. А как со скотом, который там пасется? И пастись все эти три года? Как с продуктами, которые там выращивались и выращиваются все это время? Как с индивидуальными дозиметрами? За три года не сумели организовать их производство. Сколько понадобится еще лет?.. Вопросы и сегодня без ответов.

Конечно, этого взрыва никто не планировал. Хотя он должен был произойти рано или поздно. Не в Чернобыле, так в другом месте.

Но пришла беда. Так надо и говорить: «Дорогие товарищи, братья и сестры!»

Люди понимают, люди поймут. Не первая беда и, наверно, не последняя.

Но почему кругом такая тишина? Почему в период Перестройки, во время Гласности правда о такой страшной трагедии так медленно шла к людям? Только благодаря Алесю Адамовичу («Новый мир») люди узнали о катастрофическом положении в районах Могилевской области. На страницы республиканской печати с этой правдой нельзя было пробиться. Почему? Потому что суверенитет республики не такой весомый, чтобы противостоять союзным ведомствам, тому же Минатомэнерго? Оно принесло трагедию целому народу, поставило под вопрос его физическое выживание, его будущее, и оно диктует, что и как говорить об этом. Вы умирайте, но об этом никто не должен знать! Это мужественно! Это по-нашему!

Вот эти ведомства! Они и на несчастье, ими же содеянном, могут погреть руки. Читаем, что из 542 миллионов 922 тысяч рублей, добро-

CODE: БЕЛОРУССИЯ

ИТЕМ: КАК ВЫГЛЯДИТ БЕЛОРУССИЯ НА ФОНЕ ДРАМАТИЧЕСКИХ И ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ,
КОТОРЫЕ ПРОИСХОДИЛИ И ПРОИСХОДЯТ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В РАЗНЫХ РЕГИОНАХ
СТРАНЫ

вольно пожертвованных людьми в фонд помощи потерпевшим от аварии, Совет Министров СССР перевел на счёт Минатомэнерго 65 млн. 853 тыс. 136 руб. 60 коп. для компенсации понесенных этим министерством расходов на четвертом (взорванном) энергоблоке. О ком думаем, товарищ Совет Министров, о ком печемся? О тех десятках (а может, сотнях?) тысяч людей, ставших жертвами радиоактивного заражения и которых надо было сразу же переселить в безопасное место и на что не хватает денег? Ан, нет.

А что же республика, ее правительство? Они очень боязливы, очень осторожны. Как бы не обидеть товарищей из Москвы!..

Даже на съезде народных депутатов, где надо было кричать криком на весь свет, о нашей страшной трагедии говорилось с оглядкой, с реверансами в сторону союзных ведомств. Вот уж деликатность, вот уж вежливость! По-видимому, именно эта нерешительность и явилась причиной, что на съезде так и не была создана союзная депутатская комиссия по ликвидации последствий чернобыльской аварии.

С доброй помощью наших ученых наконец разработана республиканская программа по переселению людей из загрязненных районов и ликвидации последствий. Хоть бы тут уже нам набраться настойчивости и требовательности, ведь для реализации программы нужны не только деньги, не только материальные ресурсы, но и многие строительные подразделения, которые в настоящее время строят и в Сибири, и в Армении, и в других регионах. Домой, всех домой! Надо спасать людей. Надо спасаться!

И еще. Мы любим говорить о партийных и государственных деятелях, принимавших ответственные решения и семьдесят лет тому назад, и пятьдесят, и двадцать. И правильно, что говорим. Вчерашняя реальность — сегодняшняя история. Но мы не имеем права обойти молчанием и не сказать, что в те драматические дни и месяцы 1986 года и позже партийную организацию республики возглавлял т. Слюньков Н. Н., во главе Совета Министров БССР стоял т. Ковалев М. В., а во главе Президиума Верховного Совета — т. Таразевич Г. С. У людей много вопросов, и они должны знать, кто на них должен ответить.

Когда-то, в 1913 году, наш классик Максим Богданович написал одно из самых жестоких и самых горьких своих стихотворений:

Народ, беларускі народ!
Ты цёмны, сляпы, быццам крот.
Табою ўсягды пагарджалі,
Цябе не пушчалі з ярма
І душу тваю абакралі,—
У ёй нават мовы няма.
Збудзіўшысь ад грознай бяды
Ўвесь поўны смяротнай жуды,
Ты крыкнуць не вольны «Ратуйце!»
І мусіш ты «Дзякуй» крычаць.
Пачуйце жа гэта, пачуйце,
Хто ўмее з вас сэрцам чуваць.

Наверное, Максим Богданович был прав, говоря о прошлом белорусского народа. Неужели он прав и сегодня? Неужели он прав навсегда?!

А. КУДРАВЕЦ.

CODE: ЧЕРНОБЫЛЬ

ITEM: ПРАВДА О ГЕРОЯХ ЧЕРНОБЫЛЯ

"Труд" 13.2.90 стр.2

ПЛАТА ЗА МУЖЕСТВО

Что вынудило героев Чернобыля решиться на крайнюю меру

В СВЕРДЛОВСКОЙ больнице № 21 восемь вчерашних героев — участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС (или как их ныне даже в официальных документах называют — «ликвидаторы») объявили голодовку. Ослабленные болезнью, издерганные люди решились на этот последний отчаянный шаг, чтобы хоть так привлечь внимание общества к своим бедам.

Наперебой они рассказывали мне — нет, не о своей смертельно опасной работе на крыше третьего блока и на других тяжелых участках, а о том, как у них, потерявших здоровье, распадаются семьи, как недобро косятся на них на работе, как отмахиваются от просьб и забот.

Один из них в перерывах между отлежками в больнице живет... в бане, потому что в доме, который он оставил семье, для него больше места нет. В. Новичков, рабочий камвольного комбината, в больнице уже восемь месяцев. За это время его никто с предприятия не навестил, даже профком.

Почему я упорно называю их героями? Вот мнение П. Рамзаева, директора Института радиационной медицины Минздрава РСФСР, эксперта Всемирной организации здравоохранения:

— Надо иметь большое мужество, чтобы работать в тех зонах, где были эти люди. Их выход на площадку был сопряжен со смертельным риском, и каждый это знал. Все они испытали серьезные психические перегрузки, которые ни в коем случае не могли пройти бесследно. Страшнее всего, что радиация — смерть невидимая, а это, согласитесь, требует гораздо большего мужества, чем идти навстречу опасности, которую видишь.

ЧЕРНОБЫЛЬЦЫ всюду патакаются на такое к себе отношение: «И чего они жалуются? Поехали за длинным рублем, льготами, орденами — вот теперь и расплачиваются!..» А было все совсем не так.

Но сами они поехали! Этих восьмерых, как и многих других, призвали на самые обычные сборы воинского запаса. И не спросив их согласия, забросили в Чернобыль. Уже этот факт поражает своим бездушием, проявленным на государственном уровне. Даже на войне для самых опасных дел вызывают добровольцев. Так что не за благами они ехали... А там, на месте аварии, их закормили обещаниями крупных льгот. Говорили о больших премиях, даже давали бумаги на их получение. Никто из тех, с кем я говорил, не получил ничего. Вернувшись домой, они проходили обращения в разные инстанции за льготами, но там только разводили руками...

И вот теперь они расплачиваются. За безалаберность одних, допустивших аварию. За полное пренебрежение других к их законному праву отказаться от поездки в эту зону смерти.

«Ликвидаторы» платят чужие долги. Да еще какой ценой! В Чернобыле каждому из них поставили дозу облучения — до 25 рентген. Это маленькая доза, которая не должна бы вызвать особых заболеваний. Часть из этих ребят почувствовали себя плохо сразу же после возвращения домой, другие — через год-два. Начались сильные головные боли, ослабли мышцы рук и ног, участились внезапные обмороки. В Свердловске их поставили на учет в 21-ю больницу, где они проводят теперь куда больше времени, чем дома. Выпишут, а через месяц — другой опять в палату, обшарпанные стены которой обрывают до тошноты.

— Вся клиническая картина указывает на то, что болезни их от облучения, — считает заместитель главного врача, главный гематолог города Л. Кохно. — Но мы не можем утверждать это официально, в диагнозе — малая доза, проставленная в их документах.

В соответствии с приказом Минздрава СССР № 731 вправо на официальное заключение о связи их болезней с работой на аварии имеет только специально созданный экспертный совет, работающий в Киеве. Единственный на всю страну. Попасть туда почти невозможно, нужен вызов. Л. Кохно много раз посылала в Киев запросы, чаще всего они оставались без ответа.

«Ликвидаторы» с Урала сами ездили в Москву. Лишь одному из них, В. Заварзину, удалось добиться с огромным трудом, чтобы ему «поменяли дозу». Но и это ничего не изменило в его бедственном положении.

Официально поставленная доза — камень преткновения не только при получении льгот. Малая доза — значит, болезнь не связана с облучением и лечить ее следует как обычное заболевание.

— Я не могу их лечить, — говорит Л. Кохно, — и никто, кроме специалистов главного 3-го управления Минздрава, не может.

3-е управление — особая зона нашего здравоохранения. Там все секретно, все — тайна. В том числе и способы лечения последствий облучения. Подумать только, есть больные — живые, страдающие люди, есть врачи, которые могут их вылечить, есть лекарства, наверное, и какие-то достижения в этой области медицины. А люди продолжают страдать — над ними пресс какого-то непонятного секрета, необъяснимой тайны.

Иначе, как дикой, эту ситуацию не назовешь.

О ТОМ, как «ставили дозы» в Чернобыле, рассказывают сами «ликвидаторы». Серьезного контроля не было, многим ставили так, на глазок. Там были участки, на которых можно находить считанные минуты, даже секунды. Серьезно за этим тоже никто не следил. И если ты замешкался, считалось, что все равно пробыл лишь столько времени, сколько положено, и

CODE: ЧЕРНОБЫЛЬ

ITEM: ПРАВДА О ГЕРОЯХ ЧЕРНОБЫЛЯ (2)

дозу получили только те, которая разрешена. Да и сами «ликвидаторы» не обрадовали внимания на то, какие цифры пишут в их бумагах. Не до того было. И кто же мог тогда подумать, что эти цифры, проставленные равнодушной рукой, так скажутся на их дальнейшей судьбе?

Малая доза — значит, инвалидность получают лишь на общих основаниях. 30—40-летним инвалидам выплачивают пенсию в 70—120 рублей. Да они на лекарства тратят больше! Работать? Найдите для сварщика, водителя, токаря такую работу, где можно не напрягаться, периодически падать в обморок, месяцами лежать в больнице. Пенсию же размером в средней зарплатки по прежнему месту работы могут получать лишь те, у кого болезнь связана с ликвидацией аварии. Чтобы «связать», нужна большая доза в документах...

В этом заколдованном круге, колесе, перемалывающем судьбы, находятся и льготы. Но никто их не видел, ибо они тоже «секретные».

Я видел список льгот для лиц только с лучевой болезнью. На нем действительно стоит гриф «секретно». Это уму непостижимо — засекреченные льготы! Для кого же постановления правительства, где эти льготы перечислены? Для работников спецчастей, первых отделов, которые, расписавшись за эти документы, никому больше их не покажут? Никому — ни самим больным, ни их профсоюзам, ни работникам тех учреждений и организаций, которые и должны эти льготы предоставлять.

Много чего есть в этих бумагах — и квартиры вне очереди, и телефон, и санаторно-курортное лечение, и т. д. Больные во всем этом действительно нуждаются — вспомним того, который живет в

бане, подумает о частой необходимости вызывать «скорую».

— Люди, работавшие в Чернобыле в 1986—1987 годах, подверглись значительному, плохо контролируемому облучению, — говорит Г. Зубовский, главный радиолог Минздрава РСФСР, заместитель директора Института рентгенологии и медицинской радиологии Минздрава РСФСР. — У них могут быть самые разные болезни, но чаще всего они связаны именно с облучением. Они нуждаются в медицинском контроле, в обследовании, вынуждены часто отвлекаться с работы, где это, конечно же, не приветствуется. Необходимо для них установить срок пребывания «на больничном» минимум до пяти месяцев в году и не менее четырех месяцев непрерывно. Им нужно усиленное питание, санаторно-курортное лечение и многое другое.

Пакет таких льгот, разработанных в Минздраве, Г. Зубовский привез в Свердловск показать голодающим. Их это мало в чем убедило: пакет этот надо еще «пробивать» в правительстве.

Позже они все-таки согласились прекратить голодовку, после того как заместитель председателя Свердловского облисполкома А. Леонов твердо пообещав им удовлетворить требования каждого. А кроме того, сообщил, что вот-вот выйдет постановление облисполкома, распространяющее льготы для больных лучевой болезнью также и на тех, у кого заболевание другого характера, но связанные с работой в Чернобыле. Может быть, теперь и правительство страны наконец по-настоящему обратит внимание на беды чернобыльцев?

Только в Свердловской области, по неточным данным, около 3200 «ликвидаторов». А во всех концах нашей необъятной

Родины их, вероятно, сотни тысяч. Нужны для них и реабилитационные центры, и, конечно же, специалисты. Если их не хватает, то просто необходимо вытащить на свет тайны 3-го управления, обучить методам лечения последствий облучения и обычных, «несекретных» врачей.

— Мы, да и специалисты 3-го управления, тоже не можем установить истинную степень облучения, а без этого невозможно грамотное лечение больных, — считает Г. Зубовский. — Чтобы узнать действительную дозу, нам нужны материалы, касающиеся работы на аварии. Эти документы хранятся в Министерстве обороны и в Минатомэнергопроме. Минздрав не раз обращался туда с просьбой дать эти материалы врачам. Всякий раз — отказ. Единственное, чего мы добились, — разрешения военкоматам получать какие-то данные. Но вот мы прилетели в Свердловск, в обливоенкомате ничего нет. Да и при чем здесь военкомат? Это же только лишняя волокита. Врачам нужны материалы, без них мы не можем по-настоящему помочь больным.

Мы столько лет гордились правами советского гражданина, зафиксированными в нашей Конституции. Сколько из них лишены вчерашние герои Чернобыля? Они лишены и, так сказать, неписаных прав, потому и неписаных, что естественных в любом обществе. Права на признательность и благодарность государства гражданам, жизнью рискующим для выполнения его задания. Права на доброе отношение окружающих к людям, пострадавшим не по своей вине. А право на сочувствие имеют ведь и те, кто попал в беду по своей вине...

И еще один страшный факт: трое «ликвидаторов» в Свердловске покончили с собой.

А. ДЖАПАКОВ.
[Соб. корр. «Труда»].
СВЕРДЛОВСК.

ВАС

CODE: CCCP

ИТЕМ: ГОЛОДОВКА "ЧЕРНОБЫЛЬЦЕВ" В ЗНАК ПРОТЕСТА ПРОТИВ ПРОИЗВОЛА
ВО ВСЕСОЮЗНОМ НАУЧНОМ ЦЕНТРЕ РАДИАЦИОННОЙ МЕДИЦИНЫ В КИЕВЕ

4 стр. Рабочая трибуна. 24 февраля 1990 г.

В ЗОНЕ БЕЗДУШИЯ

оказались 18 участников ликвидации аварии на АЭС — и объявили голодовку

*Их называют ликвидаторами.
Скоро минет четыре года,
как по зову Родины,
не задумываясь, они
бросились в атомное пекло,
чтобы защитить всех нас
от смертоносного излучения.
Их мужеству, трудовым
подвигам не было предела.
Перечитал свои же
репортажи той поры — и
перед глазами еще раз
остало пережитое тогда.*

ОТ ТРАГЕДИИ отделяли минуты. Прогорала толстенная плита под реактором, и он мог в любой миг провалиться в затопленный барбатор. Страшно даже представить, что могло случиться. Нашлись смельчаки, которые откачали воду, залили пустоту бетоном. А чтобы укрепить фундамент под будущим саркофагом, решено было продолжить туда штольню под землей и, постепенно вынимая землю из-под блока, тут же бетоцировать полость. Сделать это могли только шахтеры. И они справились с труднейшей задачей.

Вглядываюсь в фотографии. На них улыбки, жизнерадостные парни в робах и белых шапочках. Как восхищалась ими тогда страна!

И вот они, герои Чернобыля, сидят в холле Всесоюзного научного центра радиационной медицины АМН СССР в Киеве. На лицах нет

улыбок. Да и чему радоваться? Вернувшись домой и через какое-то время почувствовав себя плохо, они натолкнулись в разных служебных кабинетах на стену равнодушия, а иногда и неприкрытого хамства: идите к тем, кто вас посылал в Чернобыль.

Каплей, переполнившей чашу терпения, стал случай с офицером милиции Ю. Сологубом. Семь месяцев он пробыл в зоне, где в составе особой группы вылавливал мародеров из Припяти и покинутых сел. Кто тогда думал о дозиметрах? В документах у него оказалось 28,9 рентгена. И вот теперь, когда он, бывший мастер спорта по классической борьбе, стал периодически терять сознание и вынужден носить корсет — появились боли в позвоночнике, ему предложили записать общее заболевание, так как рентгенов оказалось в пределах допустимого. Приехавшие в центр радиационной медицины представители медслужбы и политорганов МВД УССР, казалось бы, все уладили, но как только за ними закрылась дверь, профессор И. Хамазюк стала оформлять тяжелобольного парня на выписку.

Это возмутило даже пообтертых в тяжбах ветеранов. Вот тогда, в день выписки Ю. Сологуба, 21 февраля, восемнадцать чернобыльцев объявили голодовку, предъявили администрации центра ультиматум из одиннадцати пунк-

тов и потребовали создать комиссию Верховного Совета страны, куда направили телеграмму.

А. Парфенюк, горнорабочий шахты «Комиссаровская», Донецкая область:

— Отношение к нам руководства центра прескверное. Смотрят на нас, как на нежеланных просителей. А Хамазюк ведет себя здесь, как бог и царь. Обратился, к примеру, один человек к министру — так она накинулась на него: как посмел, я не разрешала! В другой раз она бросила всем через плечо: какой мне от вас толк, если я за каждого получаю по 20 копеек. Забыла, наверное, клятву Гиппократу. Не место таким, как она, в центре.

О. Гура, забойщик шахтоуправления «Александр-Западное», Донецкая область:

— Сколько можно мытарствовать в добывании справок и диагнозов? Многим говорят: мол, не хватает рентгенов. А как их тогда мерили? Нам даже не говорили, сколько мы получили, чтобы задержать подольше. Положено ведь было после 25 рентген отпускать домой. Сейчас пересчитывают, и у каждого оказывается больше.

В. Бобков, призванный из Чебоксар:

— Доктора здесь часто говорят неправду, причем в открытую. Вначале у меня признали радиоактивный ожог — так оно и есть. Теперь говорят: никакого ожога не

CODE: CCCP

ITEM: ГОЛОДОВКА "ЧЕРНОБЫЛЬЦЕВ" В ЗНАК ПРОТЕСТА ПРОТИВ ПРОИЗВОЛА
ВО ВСЕСОЮЗНОМ НАУЧНОМ ЦЕНТРЕ РАДИАЦИОННОЙ МЕДИЦИНЫ В КИЕВЕ

2.

было. Кто дает указание врачам обманывать нас? И почему мы должны ехать со всей страны сюда, где нередко отклоняют заключения местных врачей?

Н. Эберс, шофер из Кокчетова:

— Я три месяца возил бетон к блоку — и вот теперь у меня поражены вены и дыхательные пути. В Казахстане такие, как я, никому не нужны. Дали мне вторую группу инвалидности по общему заболеванию и 90 рублей пенсии. И это в 33 года. А у меня двое детей. Пошли разлады в семье.

Поверьте, жутко становится от таких откровений. Католик чиновничьего безразличия уже прошелся по «афганцам», теперь вот катит войсю по чернобыльцам. На недавней сессии Верховного Совета республики, посвященной вопросам экологии, ряд народных депутатов СССР и Украины предложил создать парламентскую комиссию по расследованию всего комплекса событий на Чернобыльской АЭС и действий должностных лиц, скрывших от народа правду об аварии и ее последствиях. И что же? За него проголосовали единицы.

Я видел тот ультиматум. В нем есть такие требования: заменить руководство центра радиационной медицины в связи с грубыми нарушениями порядка приема, обследования и лечения. Изменить принципы установления связи заболеваний и инвалидности участников работ

на АЭС, эвакуированных и проживающих в зонах жесткого контроля. Обеспечить лекарствами, рассекретить все документы по аварии, возместить моральный и материальный ущерб...

В коридоре клиники я встретил только что прилетевшего из Москвы заместителя министра здравоохранения СССР А. Кондрусева.

— Требования чернобыльцев во многом справедливы, — признался он. — На днях решится вопрос о создании шести таких центров в стране с правами скоротечного определения диагноза. На киевском останутся функции арбитра при спорах. Кроме того, нужно продумать статус ликвидатора. Это сразу же избавит пострадавших и медиков от ненужной конфронтации.

Хорошие мысли. Жаль, что созрели они лишь сейчас, к исходу четвертого года после аварии. Но и сегодня такие меры необходимы. В организованный недавно союз «Чернобыль», в радиационный центр поступают сотни тревожных писем, за которыми стоят человеческие судьбы и надежды.

Г. ДОЛЖЕНКО.
(Наш соб. корр.)

КИЕВ.

КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР. Нам сообщили из Киева, что голодовка приостановлена до прибытия авторитетной комиссии из Академии медицинских наук СССР. Ее приезд ожидается в понедельник.

19

CODE: CCCP

ИТЕМ: СОСТОЯНИЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В СТРАНЕ — БЕСЕДА С ЭКОЛОГОМ КУРКИНЫМ: ПРОФЕССИОНАЛЫ ДОВЕЛИ СТРАНУ ДО ЧЕРНОБЫЛЯ, ДАННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ БЫЛИ СИЛЬНО ЗАНИЖЕНЫ

4 стр. Рабочая трибуна. 24 февраля 1990 г.

Проблемы, полемика, опыт

- Чернобыль: наши боль и долг

ИСТОРИЯ ПИШЕТСЯ ПОСЛЕ КАТАСТРОФ

О состоянии атомной энергетики в нашей стране и в мире сегодня говорится много и подробно. Однако страсти вокруг этой животрепещущей темы все равно не утихают. Что называется, масла в огонь подлила ситуационная педагогика издательства «Молодая гвардия» книга В. Куркина «Бремя «жирного» атома», сразу же ставшая бестселлером. Чем же привлекла она массового читателя? Об этом беседа нашего корреспондента с автором — экологом и историком Борисом Александровичем КУРКИНЫМ.

— Во-первых, почему вы, выпускник факультета международного права МГИМО, доцент Высшей юридической школы МВД СССР, занялись столь серьезно проблемами атомной энергетики?

— До чернобыльской трагедии ничем подобным не интересовался. В моей душе тихо была возвращена вера в лучезарное будущее атомных электростанций. Что-то вроде расхожей сентенции: «Мирный атом — в каждый дом», приобретшей ныне крайне кощунственный смысл.

А потом пришел Чернобыль... Буквально через несколько дней мои друзья рассказали, что произошла ужасная катастрофа, — совсем не та, о которой писали газеты. Речь шла не просто об утечке радиоактивности, а о жутком катаклизме, о расплавлении активной зоны реактора.

— Кто они, ваши друзья?

— Ученые, работают в области ядерной физики. Они напрямую соприкасались с Чернобылем, но даже до середины мая 86-го не представляли себе его масштабов.

— Так ведь никто не знал...

— Да, но самое чудовищное в том, что не знали те, кто обязан был знать. Ну вот, когда это все выяснилось, я испытал настоящее потрясение. Кроме того, был еще момент мистический: мне показалось, что отныне я обязан не упустить ни одного слова, касающегося того ужасного, что произошло. И еще начался собирать материалы, почувствовал, что одна ложь накладывается на другую, неправда на кривду, — и мне стало важно узнать истину.

— Ваша книга «Бремя «мирного» атома» стала библиографической редкостью. Читать ее физически мучительно, потому что теперь я не знаю, как жить: что есть, пить, чем дышать, куда бежать... Факты, которые собраны в вашей книге, — убийственны, страшны, безмолвны. И самое кошмарное, на мой взгляд, в том, что, судя по всему, атомщики не могут опровергнуть ваши теоретические выкладки. Где вы берете информацию?

— О, этот вопрос мне теперь задают в самых разных инстанциях... Все «секретные» материалы я беру из учебников и открытой печати, в том числе западной. Просто надо дать себе труд проанализировать и сопоставить факты.

CODE: СССР

ITEM: СОСТОЯНИЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В СТРАНЕ - БЕСЕДА С ЭКОЛОГОМ КУРКИНЫМ: ПРОФЕССИОНАЛЫ ДОВЕЛИ СТРАНУ ДО ЧЕРНОБЫЛЯ, ДАННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ БЫЛИ СИЛЬНО ЗАНИЖЕНЫ

2.

— Думаю, вам досталось от специалистов — за разглашение «официальной тайны»?

— Расскажу маленький анекдот. Очевидно, по ошибке, по недосмотру наш известный биофизик Маргулис опубликовал в своей книге «Атомная энергия и радиационная безопасность» сведения о том, что мы закачиваем высокоактивные жидкие отходы в грунтовые воды. В этом никто не признаётся, и когда я уверяю, что все опубликовано на страницах 214—217, не верят. Выходит, что наши атомщики не читают работы своих коллег. Так я буквально «ловлю их за руку» на неуразумках. А когда меня упрекают в том, что я человек в области атомной энергетики безграмотный, соглашаюсь.

Вообще удивительная складывается ситуация: раньше мне ставили в вину, что я «не хочу» беседовать с атомщиками, а теперь бегаю за ними, но никто не соглашается на разговор. Таких случаев очень много.

— Этих людей можно понять...

— А я не хочу их понимать. Когда профессионалы довели страну до Чернобыля, многие из них, очевидно, посчитали аварию... нормальным явлением. Вот пример такой компетентности, с позволения сказать. Оказывается, период полураспада долгоживущих радиоактивных элементов можно уменьшить «зобированием сельскохозяйственных и меллиоративных работ...» То есть за счет лучшей обработки земли!..

— Возможно, это «открытие»

сделал человек, никогда не учившийся в школе?

— Сие вычитано мною из научно-популярных брошюр, изданных в Киеве массовым тиражом в 1987 и 1989 годах. Автор известен — заведующий лабораторией противорадиационной защиты населения Всесоюзного научного центра радиационной медицины АМН СССР В. Антонов. Благословили научный шедевр Минздрав УССР и Госкоматом.

— В последнее время упорно ходят слухи, что мы за деньги принимаем на хранение радиоактивные отходы из других стран...

— Мы действительно принимаем на хранение из стран—членов СЭВ и из Финляндии отработанное топливо. Сейчас строим АЭС на Кубе и в Индии, следовательно, будем забирать отходы и у них. СССР оказывается в роли радиоактивной по-

мойки. Этого не позволяет себе ни одна страна в мире.

— Открылись ли вам новые данные до чернобыльской катастрофы?

— В заключении экспертов правительственной комиссии о причинах аварии говорится, что суммарный выброс продуктов деления составил 3,5 процента от общего количества радионуклидов на момент аварии. Однако, как явствует из «Чернобыльской тетради» Г. Медведева, в атмосферу было выброшено и испарилось (!) около 50 тонн (!) ядерного топлива. Еще 70 тонн было выброшено с периферийных участков активной зоны реактора. При загрузке реактора в 180 тонн было выброшено 120 тонн топлива. 70 процентов, а не три с половиной!

— Интересно, кто именно записал столь чудовищным образом — в 20 раз — данные?

— Да, пусть страна знает своих «героев». Это эксперты правительственной комиссии А. Абяня, Ю. Сивиницв, О. Шах, В. Сухоручкин, В. Асколов, А. Проценко, И. Кузьмин, А. Хвлев, Л. Ильин, А. Гуськова, Ю. Израэль и другие.

Именно они, если не эффективно, то весьма эффектно внушают людям, что ничего страшного не произошло. А из этих данных следует, что на страну обрушилось около 500 килограммов плутония, обладающего страшной токсичностью и астрономическим — 24.000 лет — периодом полураспада.

Совсем недавно чуть не свершилось еще одно преступление. Прошел съезд радиобиологов, на котором академик Л. Ильин и его команда пытались протащить так называемую «35-бэрную концепцию». Такова, мол, норма безопасного проживания: «35 бэр за 70 лет». Да, это международная норма, но для тех, кто живет вблизи АЭС. Теперь к ним хотят приравнять всех!

К счастью, несмотря на сильный напор на делегатов съезда, у ильинцев ничего не получилось.

— Чем же они руководствовались, предлагая столь антигуманную акцию?

— Это позволяет сделать экстраординарное положение обычным. Значит, не надо отселать людей из зараженных районов Украины, России, Белоруссии, не надо платить «гробовую» надбавку к зарплате — те несчастные 30 рублей и так далее... В Белоруссии считаются «слабозараженными» зоны, где от 5 до

CODE: СССР

ИТЕМ: СОСТОЯНИЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В СТРАНЕ - БЕСЕДА С ЭКОЛОГОМ КУРКИНЫМ: ПРОФЕССИОНАЛЫ ДОВЕЛИ СТРАНУ ДО ЧЕРНОБЫЛЯ, ДАННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ БЫЛИ СИЛЬНО ЗАНИЖЕНЫ

3.

15—40 микроюри на квадратный километр. А в Кыштыне деревни выселяли, когда было всего два! Я не знаю, на кого рассчитан этот обман. То ли на полное безгласие людей, то ли на их абсолютную неграмотность...

— Но правдивая информация все же просачивается сквозь щели

брони ведомств. В селах и городах Белоруссии сейчас чуть ли не на каждом перекрестке можно найти карту заражения местности.

— Филькина грамота! Такую карту необходимо наложить на топографическую, а та уж точно секретная. Наши почему-то думают, что во времена спутников можно что-то засекретить...

— Кто-то из ученых, рассчитывая вероятность еще одного «чернобыля» (уже слово стало нарицательным!), вывел приблизительную цифру: одна авария за 10 тысяч лет. Я, конечно, не математик, но как простой советский человек уверена, что в компьютер вряд ли можно вложить как данные для расчетов легендарное наше разительство и великое, могучее, монументальное «авось»! Авось не взорвется... Авось и радиацию переживем, как тараканы...

Ладно, оставим Брайский тон! Атомщики сейчас уверяют, что после Чернобыля надежность АЭС резко возросла...

— С чего бы? «Новый» реактор ВВЭР-1000 устарел еще на стадии проектирования. С реактором РБМК чернобыльского типа вопрос тоже ясен... Но это еще полбеды. Выяснилось, что парогенератор ПГВ-1000, ресурс которого должен равняться 30 годам, работает максимум до 7 лет. А вообще, как показывает горький опыт Южно-Украинской и Запорожской АЭС, 2—3 года. Разработки же и строительство их продолжают финансироваться.

— Говорят, что атомная энергетика самая дешевая...

— Губительное заблуждение! АЭС дает примерно 13 процентов всей энергии страны — ничтожно мало. Представьте себе, что мы с вами возделываем огород с помидорами. И половина из них гниет на корню. Вместо того чтобы как-

то спасти свой урожай, мы начинаем выписывать помидоры из Египта, причем лишь десятую часть от необходимого... Такова примерно наша политика в отношении АЭС. На развитие ядерной энергетики идут такие фантастические средства, что даже никто не решается опубликовать реальные цифры. Вообще вопрос об энергетике — это вопрос о гласности.

За последние 15 лет стоимость АЭС в СССР увеличилась вчетверо. Стоимость одного блока-миллионника составляет более 500 миллионов рублей (в США — 1,5—2 млрд. долларов). В стране построено 45 энергоблоков. Из-за низкого качества парогенераторов сейчас простаивает из них 19. Экономический эффект от работы всех советских АЭС составил за все время эксплуатации всего два с половиной миллиарда рублей.

— Да, я тут как раз цитату заранее приготовила, очень она подходит к нашему разговору. Бертольт Брехт: «На материале катастроф нам приходится позавать способ, каким функционирует наша общественная совместная жизнь... За событиями, которые нам сообщают, мы предполагаем другие события, о которых нам не сообщается. Они и есть подлинные... История пишется после катастроф». Недурно сказано, не так ли?

... Самое уродливое в том состоит, что мы вырастали тип человека, не ведающего, что он творит, с одной стороны, и человека — объекта манипуляций — с другой. Такой вот парадокс: все абсолютно, начиная от Бюро Совета Министров СССР по топливно-энергетическому комплексу до последней уборщицы на атомной станции, свято убеждены в том, что нельзя эту дрянь строить, но строят, и строят, и строят... Челябинск, Горький, Воронеж, Кострома, Ярославль... Господи, кто бы мне объяснил, что же происходит? Роем своими руками ядерные могильники для себя, для потомков и еще радуемся — ах, как много нарыли...

Кстати, при строительстве атомных электростанций грунт должен выдерживать нагрузку в пределах от 5 до 8 кг/см². Это скальный

CODE: СССР

ITEM: СОСТОЯНИЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В СТРАНЕ - БЕСЕДА С ЭКОЛОГОМ КУРКИНЫМ: ПРОФЕССИОНАЛЫ ДОВЕЛИ СТРАНУ ДО ЧЕРНОБЫЛЯ, ДАННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ БЫЛИ СИЛЬНО ЗАНИЖЕНЫ

4.

грунт. В США АЭС строили не ближе, чем на 25—30 километров от тектонически активных разломов. Армянская и Крымская АЭС строят как раз на таком разломе в зоне с сейсмичностью в 9,5 балла. Ровенская АЭС построена на карстовых грунтах, что привело к тому, что на корпусе здания АЭС появились трещины, а на площадке образовалось несколько десятков песчаных воронок, засасывающих даже буровые агрегаты. В совершенно недопустимых местах строят

Южно-Уральскую и Костромскую станции.

На подходящих грунтах построены только две АЭС — Кольская и Нововоронежская...

— Сейчас я задам вам вопрос, который (уверена) уже давно крутится в головах тех, у кого хватило терпения прочитать материал. Ну, допустим, прекратила наша страна эксплуатацию и строительство АЭС. Хотя бы в 13 процентов энергии, но потерям. Где взять? Какова альтернатива?

— Запад давно уже вкладывает огромные деньги в развитие нетрадиционных источников энергии: в малые ГЭС, солнечные, ветряные, приливные, геотермальные. В нашей стране я вижу выход во внедрении тепловых станций с глубокой очисткой, внедрении газотурбинных и парогазотурбинных установок с кпд, превышающим сорок процентов. Впрочем, это дело пятое: я реалист и прекрасно понимаю, что пока осуществить такие проекты в нашей стране трудно. Но необходимо. А еще не нужно производить того, что нам не нужно. Это и будет выигрышем энергии.

Кстати, знаете ли вы, что энергоемкость нашего национального дохода в четыре с половиной раза выше, чем в США? Вывод напрашивается: нужны энергосберегающие технологии. Но... подсчитали: чтобы провести наиболее крупные энергосберегающие мероприятия, надо затратить 30 млрд. рублей капиталовложений и выпустить машиностроительной продукции примерно на 300 миллиардов. А пока этого не произошло (и, боюсь, еще не скоро произойдет!), мы будем занимать позорное первое место в мире по энергоемкой продукции.

— Где-нибудь в мире еще строят АЭС?

— Развитые страны практически не строят. У американцев с 1977 года нет подобных контрактов.

У нас же ситуация прямо противоположная: вот-вот начнут рушиться старые тепловые станции, а мы на них вырабатываем почти всю энергию. А ведь уже сейчас можно получать путем подземной газификации канско-ачинских углей метанол — чрезвычайно экологичное топливо, — не загрязняя при этом окружающей среды!

И вообще, наука обязана предлагать, а решать «быть или не быть» должен общенародный референдум, Верховный Совет страны, наконец! На слушаниях в Верховном Совете СССР 19 октября прозвучала такая цифра: за эти годы через Чернобыль прошли более 600 тысяч человек — в основном молодые люди. Коллективная дозовая нагрузка (есть такой термин у радиологов) превысила полтора миллиона человеко-бэр, что не может не привести к тяжелым генетическим и онкологическим последствиям.

Совершенно точно установлено, что стоимость одного дня дезактивации по всем районам составляет около миллиона рублей. К настоящему моменту около 1 миллиарда рублей выброшено в буквальном смысле слова на ветер, ибо за 8—12 месяцев на «очищенных» участках доза возрастает до исходных значений. В Белоруссии постоянно дезактивируются 945 населенных пунктов, 105 из них — уже четырежды подверглись этой процедуре, 398 обрабатывались три раза.

В проекте «О ходе дезактивационных работ в районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению, есть предложение: «Ввиду низкой практической эффективности дезактивации населенных пунктов и с учетом неоправданно высоких социально-экономических затрат на ее проведение прекратить тотальную дезактивацию в загрязненных районах с 1 января 1990 года до завершения разработки научно обоснованной концепции».

CODE: СССР

ИТЕМ: СОСТОЯНИЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В СТРАНЕ - БЕСЕДА С ЭКОЛОГОМ КУРКИНЫМ:
ПРОФЕССИОНАЛЫ ДОВЕЛИ СТРАНУ ДО ЧЕРНОБЫЛЯ, ДАННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ
КОМИССИИ БЫЛИ СИЛЬНО ЗАНИЖЕНЫ

5.

— А люди-то, люди?
— Людей необходимо срочно от-
селять! Срочно! Жизненно важно
сейчас и составление общего реги-
стра участников ликвидации послед-
ствий аварии. Списки, конечно, есть,
но они раздерганы по ведомствам
и республикам. Формально существ-
вуют приказы об учете лиц, про-
шедших через Чернобыль, но они
не выполняются...

И покуда нет у ученых научной
концепции полной комплексной дез-
активации зараженных районов Ук-
раины, Белоруссии и России, ник-
то не имеет права бросать там жи-
вых людей на произвол судьбы!
Иначе просто некому будет описать
историю этой катастрофы...

Беседу вела О. КАМЕНЕВА.

CODE: СССР

ИТЕМ: МОГИЛЕВСКАЯ ОБЛАСТЬ - В РАЙОНАХ, ПОДВЕРГШИХСЯ РАДИОАКТИВНОМУ ЗАГРЯЗНЕНИЮ, СИТУАЦИЯ РЕЗКО ОБОСТРИЛАСЬ, НАСЕЛЕНИЕ НАСТРОЕНО ВЫЕЗЖАТЬ ОТТУДА НЕМЕДЛЕННО

"Известия", 24.2.90, стр.2

Михаил ШИМАНСКИЙ передает из Могилева:

ПО ТРЕБОВАНИЮ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Внеочередная сессия Могилевского областного Совета народных депутатов постановила объявить Могилевскую область зоной бедствия.

Она проведена по требованию участников многолюдных митингов, прошедших в городе. На одном из таких митингов представители Белорусского народного фронта, народный депутат СССР С. Габрусев по сути предъявили ультиматум партийному и советскому руководству области и города. Им ставился в вину затянувшееся решение вопросов, связанных с ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Ультимативный тон и митинговые страсти далеко не лучший способ решения столь серьезных проблем, но люди во многом правы, и можно понять их состояние.

— Поэтому мы и провели сессию сразу же после митингов, — рассказывает заместитель председателя облисполкома Б. Иванов. — Главный вопрос повестки дня, как и требовали участники митингов, — выполнение программы по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. В районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению, ситуация крайне обострилась, население настроено оттуда выезжать немедленно,

особенно — семьи с детьми. Но куда переселяться? в постановлениях, принятых правительством республики, кажется, все четко расписано — в каких областях и сколько должно быть выделено переселенцам жилья. Но это на бумаге, на деле же — никакой ясности. Те дома, которые нам предлагают, к примеру, в Витебской области, в Минской, как правило, необустроенные, они нуждаются в серьезном ремонте. А ведь только в нынешнем году нам надо переселить не менее 7 тысяч семей, это примерно 15 тысяч человек.

Сессия постановила: объявить Могилевскую область зоной экологического и радиационного бедствия. Депутаты обратились к проходящей сейчас сессии Верховного Совета СССР, товарищу М. С. Горбачеву с просьбой рассмотреть одним из первых вопрос ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Сессия областного Совета также обратилась к ООН, к международной общественности, к людям доброй воли оказать любую возможную помощь.

-ая-

CODE: ОБЩЕСТВО-МОРАЛЬ

ИТЕМ: НА ВАЛЮТУ, ПОЛУЧЕННУЮ ПОД ПРЕДЛОГОМ ОЗДОРОВЛЕНИЯ ЧЕРНОБЫЛЬЦЕВ, В ОБЪЕДИНЕНИИ "МИНСКТУРИСТ" ОРГАНИЗОВАЛИ ЗАРУБЕЖНЫЕ КРУИЗЫ ДЛЯ "НУЖНЫХ ЛЮДЕЙ"

3 стр. Рабочая трибуна. 28 февраля 1990 г.

Возвращаясь к напечатанному
«Вояж для избранных» (14 февраля с. г.).

Точку ставить рано

Поистине горячим стал телефон корпункта в Минске после публикации в «Рабочей трибуне» статьи «Вояж для избранных». Напомню, что в ней шла речь о неприглядных фактах: на валюту, полученную под предлогом оздоровления чернобыльцев, в объединении «Минсктурист» организовали зарубежные круизы для «нужных людей». Большое количество путевок было распределено с грубым нарушением установленного порядка.

ВСЕ ЭТО буквально взбудоражило общественность города и республики. Возмущенные читатели требуют принятия самых строгих мер к организаторам и «блатным» участникам круиза. Звонят и обиженные, упирая на то, что в статье якобы неправильно расставлены акценты, а также недовольные тем, что публикация, мол, только подогрела излишние страсти накануне выборов. Упрек этот редакция принять не может, хотя бы потому, что сами-то злополучные круизы в канун выборов и состоялись. Лишь одну неточность я как автор должен исправить: фамилия председателя инспекции рабочего контроля Белсовпрофа — принципиального и смелого человека — Осипчик Анатолий Николаевич.

Как и было обещано читателям «Рабочей трибуны», сообщаю о принятых мерах. В субботу, 17 февраля, состоялось заседание Бюро ЦК Компартии Белоруссии — специально по фактам этих круизных путешествий. Бюро исключило из членов КПСС главных организаторов подложного вояжа — генерального директора объединения «Минсктурист» Ф. Соляника и председателя Белсовета по туризму и экскурсиям Е. Рослика, рассматривается вопрос о целесообразности использования их на занимаемых должностях. Строгий выговор с занесением в учетную карточку объявлен заместителю генерального директора «Минсктуриста» А. Критченкову. Как и Ф. Соляник, он являлся руководителем круиза и в основном занимался распределением путевок. Решением президиума Белсовпрофа Критченков освобожден от занимаемой должности.

За попустительство и бесконтрольность, низкую требовательность к кадрам строгие выговоры с занесением в учетную карточку объявлены членом КПСС секретарю Белсовпрофа С. Соболевой, председателю Минского облсовпрофа А. Мартысюку, секретарю этого же облсовпрофа Р. Давидович

CODE: ОБЩЕСТВО-МОРАЛЬ

ИТЕМ: НА ВАЛЮТУ, ПОЛУЧЕННУЮ ПОД ПРЕДЛОГОМ ОЗДОРОВЛЕНИЯ ЧЕРНОБЫЛЬЦЕВ, В
ОБЪЕДИНЕНИИ "МИНСКТУРИСТ" ОРГАНИЗОВАЛИ ЗАРУБЕЖНЫЕ КРУИЗЫ ДЛЯ
"НУЖНЫХ ЛЮДЕЙ"

(кстати, кандидатам в народные депутаты). Бюро поручило рассмотреть вопрос о пребывании их на должностях на соответствующих пленумах, но... Как показал состоявшийся несколькими днями позже пленум Минского облсовпрофа, его члены фактически защитили своих руководителей и даже требовали призвать к ответственности... автора публикации.

За нарушение порядка использования валютных средств предприятия и направление в круиз своей дочери строгий выговор с занесением в учетную карточку объявлен генеральному директору НПО «Белмедбиопром» В. Вааксу.

По фактам, о которых шла речь в «Рабочей трибуне», состоялось заседание Минского горкома партии. На нем за злоупотребление служебным положением, приобретение путевки по связям и покупку за границей автомобиля исключен из партии директор базы «Спорткультурторг» В. Васильев. Строгий выговор с занесением в учетную карточку объявлен также членам КПСС П. Саковичу, заместителю председателя Белсовета по туризму и экскурсиям; А. Дичковскому, председателю обкома профсоюза Госторговли; В. Кашевскому, заведующему отделом объединения «Минсктурист».

Ректор Минского института повышения квалификации руководящих кадров Э. Дечко при оплате стоимости туристической путевки, используя свое служебное положение, преступил нормы партийной морали, за что и получил строгий выговор. Остался открытым вопрос — может ли он дальше пребывать в должности ректора.

Бюро горкома объявило строгий выговор участнику круиза—секретарю облсовпрофа Н. Филиппову, приняло также к сведению, что партийными организациями привлечены к ответственности директор издательства «Вышэйшая школа» А. Жадан, председатель профкома Минского ПО индустриального домостроения В. Санько и другие члены КПСС, использовавшие связи и служебное положение для своих круизных путешествий.

Состоялось заседание президиума Белсовпрофа, на котором разговор шел в более мягких, своих тонах. Здесь было немало нападок на прессу (есть магнитофонная запись): дескать, она раздула из мухи слона, разожгла страсти там, где якобы не было оснований. К сожалению, ведомственный или, лучше сказать, кастовый эгоизм помешал некоторым профсоюзным активистам критически оценить себя и свои поступки.

Газета «Гомельская прада» опубликовала информацию о том, кому достались путевки. Выяснилось, что в круиз отправились всего лишь шесть рабочих — каждый девятый участник из области. Обладатели трех путевок почему-то в газете так и не названы. Гомельскому и Могилевскому обкомам партии Бюро ЦК КПБ поручило рассмотреть вопрос о партийной ответственности должностных лиц, допустивших нарушение и злоупотребление при организации «чернобыльских круизов».

Прокурор Белорусской ССР Г. Тарнавский сделал в республиканской печати заявление: рассмотрев представленные прокуратурой материалы, он принял решение о возбуждении уголовного дела по признакам злоупотребления служебным положением.

В. РОЩИН.
(Наш соб. корр.).

МИНСК.

CODE: ЧЕРНОВЫЛЬ

ИТЕМ: ЖИТЕЛИ ЗАРАЖЕННОГО РАЙОНА НЕ МОГУТ ПЕРЕСЕЛИТЬСЯ В ЧИСТЫЕ
ОТ РАДИАЦИИ МЕСТА, ПОКА ПАРТАППАРАТ ЗАНЯТ ВОЙНОЙ ЗА СВОИ МЕСТА

Карлик становится ИСПОЛНИМ

КРАСНОПОЛЬСКИЙ РАЙОН МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ НА 100 ПРОЦЕНТОВ ПОРАЖЕН РАДИОНУКЛИДАМИ. НЕОБХОДИМА СРОЧНАЯ МАССОВАЯ ЭВАКУАЦИЯ В «ЧИСТЫЕ» МЕСТА.

Идут разговоры не только о «закрытии» колхозов и совхозов, но и района в целом, а следовательно, и его командно-аппаратных структур. Представляете, сколько кресел вдруг зашаталось...

Но командно-административной системе свойствен неистребимый инстинкт самосохранения. Чтобы остаться, она использует испытанный метод... Дело в том, что краснопольцы котят переселяться не поодиночке, а вместе, целыми деревнями, колхозами, чтобы сохранить свои обычаи, традиции, связи.

И был выброшен в массы патриотический лозунг: «Товарищи! Не будем расставаться, создадим на месте новый район!»

И в республике была образована новая административная единица — Дрибинский район с центром в захудалой

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

7 МАРТА 1990 г. № 10. (0204)

СТР. 2

деревне Дрибинь. «Это карликовый район, — сказал в беседе со мной директор Белорусского института градостроительства Ю. Шнит. — Много средств уйдет на конторы, а не людям».

Так кто же заботится о краснопольских переселенцах, вынужденных покидать родину? Кто занимается спасением краснопольских детей, теряющих сознание на уроках? Никто! Строительство новых поселков катастрофически запаздывает, переселяться всем вместе некуда. Власти говорят людям уже без лозунгов: ищите жилье кто где может, а мы дадим денежную компенсацию. И люди, паникуя, ищут. Краснопольцам не до патриотического переселенческого единства, им главное — спастись поодиночке, с детьми. Краснопольцы расселяются по всей республике.

Так кому же нужен карликовый район?

27 февраля состоялась районная партийная карликовая конференция. Был избран первый секретарь Дрибинского райкома партии, им стал Виктор Антонович Гуца, бывший председатель Краснопольского райисполкома. Сейчас он срочно формирует свой кадровый корпус.

Организованное переселение краснопольцев задерживается, ввиду того, что начинается передислокация аппарата с целью выжить. Карлик становится всевластным исполнимом.

А. КОЗЛОВИЧ,
соб. корр. «ЛГ»
по Белорусской ССР

МИНСК

ВЮ

CODE: ЧЕРНОБЫЛЬ

ИТЕМ: ВНЕШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ ОБЛУЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛЕССКОГО МОЖНО СВЕСТИ К МИНИМУМУ, ЕСЛИ СТРОГО СОБЛЮДАТЬ ДЕСЯТЬ "НЕ": НЕ ХОДИТЬ В ПОЛЕ, В ЛЕС, НЕ КУПАТЬСЯ В РЕЧКЕ, НЕ РВАТЬ ЯГОДЫ, НЕ ДЕРЖАТЬ ПОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ... ЖИТЕЛИ НАСТАИВАЮТ НА КОМПАКТНОМ ПЕРЕСЕЛЕНИИ

● 3 стр. ● РАБОЧАЯ ГАЗЕТА ●

Эхо
Чернобыля

Прощай,

Полесское!.. Прощай?

НЕ БЫЛО бы счастья, да несчастье помогло. Только несчастье оказалось огромным — чернобыльская катастрофа. А счастье...

В глухой полесский край начали тянуть дороги с твердым покрытием. По обочинам — газовые трубопроводы: дровами из радиозараженных лесов пользоваться нельзя. Заменяли соломенные крыши, заборы. В селе Шевченково, к примеру, построили магазин (75 тысяч рублей), баню (50 тысяч рублей), фельдшерско-акушерский пункт (30 тысяч рублей). И все эти блага как раз накануне отселения.

Не удивительнейший ли это парадокс нашей действительности: почти под боком у мощной электростанции люди жили, как в доисторические вре-

мена. Выпускники медицинских вузов на распределении от Полесского открещивались — глухомань. Теперь в Полесском одного только импортного медоборудования — на сотни тысяч рублей. Копеечное счастье в сравнении с невообразимой бедой.

В полесской школе № 1 живут 1200 детей. Я не оговорила: не только учатся, но и живут. Здесь они и завтракают, и обедают, и ужинают. Здесь готовят домашние задания. Продленка для родителей бесплатна, но они не рады, потому что и это благо вынужденное. С прогулками на свежем воздухе у ребят плохо — гулять практически негде. И просиживают дети, привыкшие к сельской вольнице, чуть не целый день в четырех стенах. А снять строгий режим нельзя.

CODE: ЧЕРНОВЫЛЬ

ИТЕМ: ВНЕШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ ОБЛУЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛЕССКОГО МОЖНО СВЕСТИ К МИНИМУМУ, ЕСЛИ СТРОГО СОБЛЮДАТЬ ДЕСЯТЬ "НЕ": НЕ ХОДИТЬ В ПОЛЕ, В ЛЕС, НЕ КУПАТЬСЯ В РЕЧКЕ, НЕ РВАТЬ ЯГОДЫ, НЕ ДЕРЖАТЬ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ... ЖИТЕЛИ НАСТАИВАЮТ НА КОМПАКТНОМ ПЕРЕСЕЛЕНИИ /2/

зя: поядет ребенка за околицу, в лес, а там — сотня или сотни юрн на квадратный километр. Да и само Полесское пятнисто, есть подворья, где радиозараженность ничуть не меньше, чем в лесу. Нет уж, пусть лучше в духоте да скученности. Но лучше — не значит хорошо.

Воле школьной столовой над умывальником надпись, очевидно, с дочернобыльских времен: «Здоровья людини — багатство країни».

— Со здоровьем у наших детей плохо, — ко мне подходят трое преподавателей физкультуры. В не очень просторном спортзале сейчас занимаются одновременно три класса. Ребятишки вроде немного уже размялись, но оживления особого нет, бросается в глаза бледность лиц. Один из преподавателей Юрий Сергеевич Солдатов говорит:

— Не выдерживают наши дети предусмотренную программой нагрузку, не можем принимать нормативы. От занятий физкультурой освобождены более 200 учеников.

Дети часто жалуются на головные боли. Учительница 2-б класса Любовь Петровна Кикоть со слезами на глазах рассказывает, как это страшно, когда ребенок, выйдя к доске, вдруг начинает бледнеть, падает в обморок. На минуту выходит из учительской и приносит тетрадку с пятнами крови на страничках — у детей часты носовые кровотечения.

В детском садике «Дружба», стены которого до сих пор «излучают», воспитатели говорят о том же: мыть детишек и отстирывать рубашечки после носовых кровотечений стало привычным делом.

Медики не связывают напрямую эти аномалии с влиянием радиации. Дают такое объяснение: вынужденное заточение в помещении, гиподинамия (недостаточное движение) и гипоксия (недостаток свежего воздуха) привели к частым острым респираторным заболеваниям, а они — к носовым кровотечениям. Считать ли такое объяснение достаточным? Сегодня для всех нас вопрос восточнее — влияние малых доз радиации на организм человека и уж тем более — на новорожденный организм ребенка. Наука, к сожалению, убедительных ответов не дает.

ОТСЕЛЕНИЕ Полесского — дело решенное, правительство приняло такое постановление. Но перед поездкой сюда я услышала такое мнение: Полесское отселяют не по медицинским показаниям, а из-за истерии местного населения. Полноте, из-за истерии ли?

В детский садик «Дружба» я пришла как раз в тот момент, когда там работала медицинская комиссия облздрава. Детишки тихо сидели на низенькой скамеечке перед дверью кабинета, где их должны были осматривать. Снова, как в школе, бросилось в глаза: они не только чересчур тихие, но и чересчур бледные.

— И вы заметили? — спрашивает врач — эндокринолог С. В. Выдыборец. — Я осмотрел почти все группы, все дети какие-то нерадостные, замученные. Но главное — у многих, процентов около 70 из осмотренных, отмечается увеличение щитовидной железы I и II степени.

Педнатр полесской районной поликлиники З. Д. Дыдалина свидетельствует:

— В последнее время на моем участке зафиксировано 90 случаев анемий, преимущественно у детей от 2 до 6 лет. Больше всего меня волнуют изменения в крови, на которые указывают результаты анализов. Но многочисленные комиссии разъяснений не дают.

Вот такая получается «истерия».

И еще один, может быть, частный момент, но отнюдь не маловажный и весьма характерный для нашей перевернутой с ног на голову системы «облагодетельствований». Как говорится, заставь кое-кого бога молиться, он и лоб разобьет. Жаль только, что не свой. Детям Полесского, конечно, необходимо улучшенное питание. В школы и детские сады его

завозят из других, «чистых» районов. И снова — не было бы счастья, да несчастье подошло. Нормы питания в детских учреждениях значительно увеличены. Увеличивать — так увеличивать, и увеличили норму жиров почти в два раза.

Но детей, которые к тому же мало двигаются, от жирной пищи уже буквально воротит. У многих — холециститы, старшие дети стали страдать ожирением.

И еще о жалобах. На небольшой территории газового склада в Полесском есть пятна, где радиоактивное загрязнение просто ужасает. Какие-то участки уже очищены, какие-то остались. Вместе с дозиметристами мы решили посмотреть, где и какие. Нас окружили работники газосклада, среди которых был дюжий мужчина, громче всех выпиривавший обвинения в бездействии — почему-то по нашему адресу. Да, показали дозиметры, вот в этом месте есть очень зловередная точка, но настолько крохотная, наверное, пылинки, что едва сдвинешь прибор в сторону — показания нормализуются. Ну что бы этому дюжему дяде не взять лопату и не вынести радиоактивную соринку с территории? Но нет, он будет годами топтаться рядом и ждать, пока пришьют «партизан» (так называют здесь мобилизованных из запаса), которых, может быть, направят на дезактивацию газосклада, а сам палец о палец не ударит.

Но это так, к слову. Что же касается дезактивации Полесского, сказали мне в районной эпидстанции, то сделать это теперь весьма затруднительно. Если бы сразу, по горячим следам выпадения радионуклидов с грязных пятен был снят необходимый слой почвы, то сегодня проблем почти бы не было. Но люди ждали-ждали дезактиваторов, а не дождавшись, перепахали свои участки. Излучение есть, а добраться до источника теперь трудно.

ИТАК, решение о «великом переселении народов» принято. Но все еще то там, то здесь услышишь дискуссии на эту тему: а есть ли резон в таком широкомасштабном переселении, достаточно ли оснований? Ведь медицинская наука фактически руки умыла. При решении вопроса об отселении речь как будто шла в основном о невозможности дальнейшего проживания на этой территории из-за возникшей психологической напряженности. Теперь, после принятия правительственного решения, каждому полешуку (как они сами себя называют) придется принять и свое собственное решение: уехать или остаться. Насколько я знаю,

CODE: ЧЕРНОВЫЛЬ

ТЕМА: ВНЕШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ ОБЛУЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛЕССКОГО МОЖНО СВЕСТИ К МИНИМУМУ, ЕСЛИ СТРОГО СОБЛЮДАТЬ ДЕСЯТЬ "НЕ": НЕ ХОДИТЬ В ПОЛЕ, В ЛЕС, НЕ КУПАТЬСЯ В РЕЧКЕ, НЕ РВАТЬ ЯГОДЫ, НЕ ДЕРЖАТЬ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ... ЖИТЕЛИ НАСТАИВАЮТ НА КОМПАКТНОМ ПЕРЕСЕЛЕНИИ

131

твердо настроены на переселение молодые семьи, имеющие детей.

Побывав здесь, переговорив со многими, посмотрев на бледных, вялых ребятшек, я позволю себе высказать такое соображение. Не все еще уроки преподала нам чернобыльская катастрофа. Не все еще нами усвоены. Один из них — урок Полесского.

Попробуем принять на веру версию науки о невысокой степени риска проживания на загрязненной радионуклидами территории Полесского, где, якобы, суммарное накопление их в организме человека за всю жизнь составит примерно 35

бэр (больше, меньше, как и саму концепцию, я обсуждать здесь не буду, об этом уже немало сказано). Внешнее и внутреннее облучение населения можно свести к минимуму, считают наши ученые, если соблюдать предписанный ими режим. В чем он состоит, мы уже поняли: не ходить в поле, не гулять на лугу, не заглядывать в лес, не купаться в речке, не рвать ягоды, не собирать грибы, не ловить рыбу, не топить печи дровами, не питаться овощами со своих огородов, не держать домашнюю живность. Одним словом, строго соблюдать десять «не» — десять заповедей чернобыльского евангелия.

Да, государство постаралось создать условия для соблюдения нескольких заповедей: в Полесский район завозятся чистые продукты, он почти полностью газифицирован. Остальное — на совести самих полешуков. Но, честное слово, не могу отделаться от мысли, что вера в выполнимость этих условий могла зародиться только в голове человека, городского до корней волос и кончиков ногтей. Последствия радиационной беды, ставшей продолжением лихого развития цивилизации, и перенести легче жителю крупного города. С природой он контактирует разве что в отпуске. А вот сельский житель, житель небольшого райцентра напрочь вычленяется из естественной среды обитания. Падают перезревшее яблоко на землю — поднять не могут, потому что на земле может оказаться радиоактивная частичка. Как крестьянину без коровы? Крестья

на сердце, приучаются целые села к пакетному молоку. Как полешуку без своей картошки, которая, как и бульба в Белоруссии, едва ли не основной продукт питания? Как без грибов, запахом которых так и томятся здешние обильные леса и которые не только второй по значению продукт питания, но и товар?

Кстати, о грибах. Один работник лесничества рассказывал, что, несмотря на запреты, местные жители все-таки собирают грибы. И не столько для собственного употребления, сколько на продажу. Приезжают завсегдатаи-кооператоры, закупают оптом — корзины, ведра, уезжают в другие области. Кто там проверяет все эти вкусно пахнущие грибные личцы, мяльены, жаркое? Кто догадывается, что по содержанию радионуклидов иной грибочек можно сравнить разве что с отходами радиационного производства? Почти такое же положение с рыбой, особенно донной, снажем, лиями.

Осудить за преступную алчность кооператоров, местных жителей? Это, конечно, просто. Сложнее понять другое — вырванные из естественной среды обитания люди превращены в узников огромных лагерей, со всех сторон окруженных табличками «радиационная опасность» и колючей проволокой, обмотавшей уже другие, переселенные деревни.

Не могу не вспомнить, с какой болью говорил об этом Александр Петрович Громадский, директор школы № 1:

— Без леса, луга, речки дети вырастут неполноценными, они не простят нам этого. У нас очень добросовестные учителя, требовательные. А я

их должен сдерживать — дети с трудом усваивают программу. Но учить все-таки мы их будем изо всех сил: они должны выучиться и уехать из Полесского.

УЕХАТЬ, уехать. Как чеховские три сестры — уехать во что бы то ни стало. В кабинете заместителя председателя Полесского райисполкома, до переселения (специально создана такая должность) Александра Сигизмундовича Горского дверь практически не закрывается. Пока он рассказывает о льготах, которые предоставлены жителям Полесского, то и дело на стол ложатся все новые и новые заявления о выезде. Не хотят

люди никаких льгот, доплат, хотят нормальной жизни. Куда срываются они из родных гнездовий? В нашей донельзя напичканной промышленностью республике трудно отыскать уголок для здоровой жизни, но многие об этом уже не думают.

Для переселения жителей Полесского определены восемь райцентров Киевской области. К концу этого года смогут переселиться лишь 850 семей. Остальным несколько тысячам придется ждать своей очереди. Сколько? Особенно остро стоит этот вопрос для 1700 семей, имеющих детей до четырнадцати лет. Первый секретарь райкома партии, народный депутат СССР Николай Иванович Приймаченно полон решимости добиваться окончательного переселения в 1991 году. Сбудутся ли эти надежды? А если нет, если переселение затянется, то все эти годы людям придется продолжать жить ненормальной, неестественной, режимной жизнью.

Ладно, трудности с жилищным строительством известны. Но если государство не может в сжатые сроки обеспечить организованное переселение всех, то по логике вещей следовало бы дать людям широкие права для самостоятельного переезда. На бумаге так оно как будто и есть. А вот на деле? Во-первых, переселяться на кое-каких льготных условиях (внеочередное приобретение частных домов или кооперативных, первоочередность на государственное жилье, оплата расходов по переезду) мож-

но лишь в Киевской области. А почему не в республике, не в стране с сохранением тех же льгот? Сколько можно ограничивать право людей на свободный выбор? Тем более, людей, ничем ни перед кем не провинившихся и вынужденных суровыми обстоятельствами к поиску нового пристанища?

Во-вторых, чтобы стать в очередь на жилье, необходима хотя бы временная прописка и гарантия трудоустройства. «Вы плохая мать (плохой отец), — говорят некоторые откровенные медики родителям своих пациентов, — если не бросаете все и не вы-

CODE: ЧЕРНОБЫЛЬ

ИТЕМ: ВНЕШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ ОБЛУЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛЕССКОГО МОЖНО СВЕСТИ К МИНИМУМУ, ЕСЛИ СТРОГО СОБЛЮДАТЬ ДЕСЯТЬ "НЕ": НЕ ХОДИТЬ В ПОЛЕ, В ЛЕС, НЕ КУПАТЬСЯ В РЕЧКЕ, НЕ РВАТЬ ЯГОДЫ, НЕ ДЕРЖАТЬ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ... ЖИТЕЛИ НАСТАИВАЮТ НА КОМПАКТНОМ ПЕРЕСЕЛЕНИИ

141

возьте отсюда детей». Решив стать хорошими, некоторые мамы и папы попробовали испытать свой шанс кто в Архангельске, кто в Мурманске, но ничего хорошего из этого не получилось: если с работой, не имея больших претензий, еще можно как-то устроиться, то с жильем — нет, предлагают койку в общежитии на неопределенный срок, а разве ж с семьей идти на такие условия рискнешь?

НЕ ХОЧУ быть мрачным пророком. Но не дай Бог, завтра случится что-нибудь подобное Чернобылю. Не думаю, вернее, не хочу думать, что снова мы узнаем о случившемся факте спустя неделю, что будут праздничные демонстрации трудящихся под ионизирующим излучением, что организованная эвакуация детей начнется лишь спустя двадцать дней, а где-то и позже, что лишь через четыре долгих года забрезжит возможность вывоза людей с радиозараженных территорий. Но — кто и где разрабатывает единственно правильную концепцию поведения всех служб в аналогичной чернобыльской ситуации, кто думает над концепцией эвакуации тысяч и тысяч людей? Что ж, если грянет беда — то все враспыльную, спасайся, кто может? И снова будем взывать к согражданам о жертвованиях, а потом передавать эти деньги виновникам катастрофы? Снова будем оцеплять усиленными милийскими нарядами вокзалы и аэропорты, дабы переполошенные люди давились при видимости соблюдения порядка? Снова будем собирать с мира по нитке и с бора по сосенке, чтобы построить новое жилье переселенцам без учета уклада их жизни, возрастных особенностей? Особая статья — организация медицинского наблюдения и обследования. Скажем, в Полесском, которое уже лихорадит от наездов многочисленных медицинских комиссий и не сообщающих результаты обследований, никто не подумал создать постоянно действующий на месте консульта-

тивный центр. Миллионные суммы бросаются на благоустройство районов, которые через некоторое время будут опустошены. Кто думает обо всем этом?

Сейчас большинство жителей Полесского (и в этом с ними солидаризируются руководители района) настаивают на компактном переселении. То есть речь идет о каком-нибудь большом населенном пункте, которому можно было бы при дать статус райцентра, расширить в нем строительство (ведь так или иначе строить дома для переселенцев придется) и в несколько этапов переместить туда Полесское, сохранив при этом все структуры, а главное — не нарушив родственных, дружеских связей людей, традиции и жизненный уклад. И еще один довод в пользу компактного переселения: все, кто сейчас находится под медицинским наблюдением, точно так же не выпали бы из-под него и на новом месте. А то ведь что может получиться: рассредоточатся по разным районам взрослые и дети, с увеличенной шитовидной, с анемиями, с изменениями в крови, и никто уже и вовсе не будет связывать их с последствиями проживания в радиозараженной зоне. Ослабленное наблюдение неизбежно приведет к искажению картины в целом и к несвоевременному оказанию медицинской помощи.

Почти четыре года чернобыльской катастрофы. Почти четыре года неясностей, неуверенностей, недоосознания всех аспектов ее последствий. Своими жизнями, своими надеждами, страхами, малыши, капля по капле продвижения к истине мы пишем историю существования народа в ядерную эпоху, периода распада и полураспада организованных человеческих сообществ. Эх, как хотелось бы сказать — вот была она, чернобыльская катастрофа, но последствия ликвидированы. Но нет, до благостного, всех устраивающего конца далеко. И будет ли он благостным? Как ни горько, а хорошо бы сказать, наконец: прощай, Полесское!.. Прощай?

Л. ХАЗАН.

Полесское — Киев.

CODE: ЧЕРНОВЫЛЬ

ITEM: СИРОТСКИЙ ДОМ В СТАВРОПОЛИ, ГДЕ РАДИАЦИЯ ПРЕВЫШАЕТ 17 КЮРИ...

"СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА" 10.3.90. стр.5

СЕМНАДЦАТЬ С ПОЛОВИНОЙ КЮРИ ДЛЯ СИРОТ

МИЛОСЕРДИЕ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ И ПО-ЧИНОВНИЧЬИ

Есть такое мнение у медиков, что мощная эмоциональная разрядка необходима детям, которые живут в зоне радиационного загрязнения. А живут они как раз в Хойниках, на самой границе с зоной жесткого контроля. И то, что их удалось вывезти на месяц из этой обстановки — это чудо. Речь идет о поездке в далекую Индию, где побывали 24 мальчика и девочки. А сотворили это чудо активисты из комитета «Дети Чернобыля», который работает при белорусском народном фронте «Адраджэнне («Возрождение»). Руководитель этого комитета Г. Грушевой сумел вместе со своими друзьями за 48 часов оформить все необходимые документы.

Геннадий Грушевой с первого момента организации комитета — летом 1989 г. — ездит по всем местам, где

только можно найти поддержку и помощь детям Чернобыля. Сначала идея была совсем скромной: включить в благотворительную акцию хотя бы нескольких детей, хотя бы символически. И только с помощью доброжелательного отношения сотрудников посольства Индии, фонда Ганди, удалось отправить всех.

Но люди из комитета «Дети Чернобыля» не ограничиваются такими акциями, они всегда помнят, что 60 тысяч белорусских детей нуждаются в экстренной помощи.

И вот такой первой акцией комитета, начатой в августе прошлого года, была помощь интернату для детей-сирот из маленького городка Славгород на территории Могилевской области, сильно пострадавшей от радиации. Это была единственная школа, кото-

рая до сих пор находится на территории, где уровень радиации превышает 15 кюри. Детский фонд Белоруссии робко попытался перевезти этот интернат в безопасную зону, но тут же опустил руки. Первый рейд комитета «Дети Чернобыля» был как раз в Славгород. Потрясенные взрослые

увидели этих детей, узнали, что они продолжают учиться в этом интернате. Но вместо бесполезных сочувствий они тут же занялись разработкой программы помощи. Стали бить во все колокола. Первым отозвался Союз кинематографистов Белоруссии, который помог перевести деньги — 100 тысяч — на счет комитета для этой программы. А вскоре нашелся и спонсор — НПО «Центр», который предоставил бесплатную базу отдыха под Минском, в живописном месте, и, что

очень важно, недалеко от Центра радиационной медицины, где все сто детей вместе с воспитателями, педагогами, техническим персоналом прошли курс лечения. На два месяца за судьбу этих детей можно было быть спокойными, тем более что и Министерство народного образования в лице министра М. Демчука пообещало заняться этим детдомом, и устроить детей в безопасном месте.

Месяцы пролетели незаметно. И оказалось, что ничего не сделано. Могилевский облисполком, оказывается, распорядился отдать свободные помещения школы в Бельничках, куда предполагалось перевести сирот, под общежитие для специалистов... Могилевского облисполкома. И уступать эти места детям они не собираются. «Ничего, мол, как-нибудь, годик про-

живут». А впрямую говорят о том, что раньше, чем к 1992 году эту школу в Бельничках не освободят.

И вот в ноябре школа отправилась в обратный путь в Славгород, приехав к запертым дверям, потому даже капитальный ремонт не успели сделать за это время. Г. Грушевой бросился по инстанциям. Пока только обещания. У ответственных лиц не хватает настойчивости довести дело до конца. Даже у тех людей, кто должен бы понимать — что такое 17 с половиной кюри!

Т. ТЮРИНА.

МИНСК.

Идет время, а в сиротском доме все та же неприглядная ситуация. В конце января сюда приехал какой-то чиновник из Могилевского отдела народного образования и заявил, что Могилевский облисполком решил оставить детей в Славгороде.

CODE: "НАДО СКАЗАТЬ ПОЛНУЮ ПРАВДУ: В ЧЕРНОБЫЛЕ ПРОИЗОШЛА ВЕЛИЧАЙШАЯ
ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ЗЕМЛИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА

ИТЕМ:

ИЗВЕСТИЯ № 86 • 26 марта 1990 года • 3

КАТАСТРОФА

Чему учат уроки Чернобыля

НАДО наконец сказать самим себе полную правду о том, что случилось: в Чернобыле произошла величайшая за всю историю Земли технологическая катастрофа. И сейчас только началось осмысление ее последствий и их минимизация. Сегодня можно говорить лишь о приспособлении, адаптации человечества, всей биосферы к новому, необратимому постчернобыльскому состоянию.

В зоне бедствия живут миллионы людей. Чернобыльская катастрофа поставила перед нами исключительно сложные задачи, которые затрагивают практически все сферы жизни, многие области науки и производства, морали и нравственности. К таким выводам пришла недавно группа государственных экспертов, которую возглавляли академики Н. Моисеев и С. Беляев, доктор биологических наук А. Назаров.

Исходили они из единственно приемлемого и возможного в создавшейся ситуации подхода. Коль уж беда случилась и переселиться на иную планету мы не можем, надо срочно найти самые эффективные способы и средства, чтобы свести к минимуму последствия катастрофы не только для нынешнего, но и будущих поколений. Прежде всего — спасти жизнь и здоровье людей, живущих в районах бедствия, обезопасить от последствий следующие поколения. Даже такие крупные авторитеты в научном мире, как Ю. Израэль, Л. Ильин, Л. Булдаков, Е. Чазов, В. Марьин, Д. Попов, и другие пытаются преуменьшить масштабы чернобыльской катастрофы. (О том, почему они это делают, чуть позже). Девяносто два ученых в своем письме на имя Генерального секретаря ЦК КПСС пытаются утверждать, что чернобыльская беда вовсе не так уж страшна, как ее пытаются изобразить ученые Академии наук Белоруссии.

В интервью газете «Социалистическая индустрия» 29 ноября

Д. Попов заявил: «Иностранные ученые (речь идет о группе экспертов ВОЗ) были потрясены радиологическим невежеством ученых Академии наук Белоруссии. Здесь, видимо, больше политической конъюнктуры, погоня за авторитетом у митингующей толпы, чем настоящей науки».

Еще раньше эту «оговорку» почти слово в слово повторил министр здравоохранения СССР Е. Чазов в своем письме на имя Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова.

Чтобы покончить с возникшим недоразумением, вице-президент Академии наук БССР В. Солдатов обратился за разъяснением к директору центральной радиационной службы Франции Пьеру Пеллерену, который возглавлял тех самых ученых, на авторитетное мнение которых ссылались Д. Попов и Е. Чазов. Господин Пеллерен ответил немедленно: «Я подтверждаю, что во время нашего последнего июньского визита в Белоруссию мои коллеги по группе ВОЗ Беннсон и Уэйт и я сам, естественно, никогда не ставили под сомнение общую компетентность белорусских ученых, которой мы, напротив, восхищаемся и к которой испытываем самое глубокое уважение. Особенно после нашего интересного и плодотворного обмена мнениями в Минске в Академии наук. Конечно же, утверждение «Социалистической индустрии» от 29.11.89 г. является неверным».

Странники «московской» концепции стоят на том, что ничего страшного с людьми, живущими в зоне бедствия, не произойдет, если жить они будут там, где радиационная загрязненность не превышает сорока юри на квадратный километр. И если внешняя и внутренняя доза облучения не превысит 35 бэр за семьдесят лет жизни.

Белорусские ученые, наоборот, утверждают, что нельзя жить там, где нельзя получить чистую, без радиоактивной «грязи» продукцию. А это уже не 40, а 15 или даже 10 юри на квадратный ки-

лометр. Концепция «35 бэр за жизнь» антинаучна и бесчеловечна, потому что она совершенно не учитывает ни здоровья людей на момент катастрофы, ни наличия среди них «групп риска», ни большой ударной дозы короткоживущих радионуклидов, полученной людьми в момент катастрофы. Эту величину методами физической дозиметрии оценить невозможно, как и вообще невозможно проконтролировать существующей аппаратурой критический «порог» в 35 бэр.

Е. Петряев, доктор химических наук, заведующий кафедрой радиохимии Белгосуниверситета им. В. И. Ленина:

— Этот «порог» определить невозможно при жизни человека еще по одной причине. Нормирование всех доз идет только по цезию. А ведь в пострадавших районах выпали еще и стронций и плутоний, большой «букет» трансураниевых элементов, которые в виде мелкодисперсных аэрозолей могут попасть в организм человека с дыханием. Самое страшное — это «горячие частицы» размером от микрометра и выше. А в южных районах Гомельщины на 1 квадратный сантиметр почвы их от одной до десяти. И все это — сверх 35 «официальных» бэр!

Если уж говорить совсем начистоту, «научный» спор идет не

о юри и бэрах, а о том, сколько людей и из каких районов надо отселить. А еще точнее — о рублях, о том, сколько миллиардов рублей можно выделить на отселение — 10, 15 или 20? Это ли не фарисейство? Говорим, что человеческая жизнь бесценна, и спорим о том, сколько рублей дать за человеческую душу, за взрослого, за ребенка...

БЕЛОРУССКАЯ программа (которая станет программой в полном смысле этого слова лишь после утверждения ее Верховным Советом СССР) предусматривает истратить на ликвидацию последствий чернобыльской катастрофы за пять лет нынешней пятилетки около 18 миллиардов рублей.

CODE: "НАДО СКАЗАТЬ ПОЛНУЮ ПРАВДУ: В ЧЕРНОБЫЛЕ ПРОИЗОШЛА ВЕЛИЧАЙШАЯ
ИТЕМ: ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ЗЕМЛИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА

(2)

Почему мы ведем речь только о Белоруссии? Ведь пострадали и некоторые районы Российской Федерации, Украины. Но из всех загрязненных радионуклидами территорий нашей страны более семидесяти процентов пришлось на Белоруссию. Чтобы эти проценты «заговорили», приведу такие цифры. На территории республики, где радиоактивная загрязненность превышает один кюри на квадратный километр, живет 2 миллиона 200 тысяч человек, т. е. пятая часть всего населения Белоруссии. В зоне жесткого контроля, где уровень загрязненности превышает 15 кюри на квадратный километр, находится 498 населенных пунктов с населением в 102 тысячи человек, из них более 30 тысяч — дети. На территории в 624 квадратных километра с уровнем радиации свыше 40 кюри в 85 деревнях живет 12 тысяч человек. В своем саду и огороде ничего не трогай, в лес не ходи, грибы и ягоды не собирай, молоко от своей коровы не пей, в реке не купайся и рыбу не лови. Взрослый и тот не выдержит таких ограничений. Что уж говорить о детях!

Белорусские ученые, отстаивающие «беспороговую» концепцию (никто в мире никогда еще не изучал длительного воздействия малых доз радиации на человеческий организм), беспокоятся за будущее всей нации.

В пострадавших районах за последние годы наблюдаются более высокие уровни болезней верхних дыхательных путей, желудочно-кишечного тракта, эндокринной системы, нарушений иммунитета, психических расстройств, а также болезней системы кровообращения, различных нарушений беременности, зарегистрированы случаи врожденных тяжелых уродств. Особое беспокойство вызывает состояние щитовидной железы у детей, повсеместно распространена ее гиперплазия. Одной из причин наблюдаемых отклонений «являются генетические изменения, вклад которых в эти заболевания может достигнуть 50—100 процентов». Налицо факт реального увеличения общей заболеваемости населения, проживающего на загрязненных в результате аварии территориях. Полученные сведения указывают также на возрастание в этих районах генетической патологии. В последующие десятилетия вряд ли удастся полностью избежать развития онкологических и генетических отклонений у определенной части населения.

Казалось бы, о какой борьбе может идти речь, если есть такие официальные выводы государственных экспертов? Кто может возражать против столь

явных, неопровержимых фактов? Есть такие люди. К сожалению, от них во многом зависит принятие окончательного «глобального» решения на самом «верху». Это прежде всего председатель Госкомгидромета СССР Ю. Израэль и вице-президент Академии медицинских наук СССР, директор Института биофизики Л. Ильин.

В. Марьин на депутатский запрос Н. Игнатовича (7 июля 1989 г.) письменно отвечает: «Анализ данных, полученных в результате медицинского обследования и диспансерного наблюдения людей, проживающих в этих районах, выполненный Минздравом СССР, свидетельствует о том, что никаких заболеваний, связанных с радиационным воздействием, у населения контролируемых районов Белоруссии не зарегистрировано».

Д. Попов идет еще дальше, утверждая, что в районах выпадения радионуклидов сами собой создавались благоприятные условия, где люди бесплатно получают целебные дозы цезия, что адекватно радоновым ваннам. Он признает, что в этих районах, «наблюдается рост многих заболеваний. Диагноз один — массовая радиофобия».

Л. Булдаков в «Сельской жизни» (№ 29 за 4 февраля) тоже не испытывает никакой тревоги по поводу загрязненных радиацией районов. «Если бы все наши люди, — пишет он, — питались исключительно продуктами из черновыльского региона, то получали бы дополнительно всего по 7 миллибэр в год. Это лишь 10 процентов годовой дозы, что абсолютно не опасно. Аб-со-лют-но!»

Но если Д. Попов и Л. Булдаков «просто» крупные авторитеты в области радиологии, то В. Марьин — член правительственной комиссии по ликвидации последствий чернобыльской катастрофы.

ПОЧЕМУ многие ответственные руководители так упорно отстаивают мысль, что ничего страшного, ничего непоправимого в Чернобыле в 1986 году не произошло?

А. Степаненко, вице-президент Академии наук Белоруссии:

— В давние времена гонцу с плохими вестями отрубали голову. Но дело, конечно, не в «историческом страхе». Когда случилась эта страшная беда, мы все — от простых смертных до членов Политбюро — инстинктивно гнали прочь от себя мысль, что это не просто авария, а чудовищная катастрофа, последствия которой никогда не будут устранены. Не могли же физи-

ки, столько лет заверявшие нас в мирном характере атома, так трагично заблуждаться! Отступили они сейчас от своего первоначального утверждения, у всех — и внизу, и вверху — возникнет естественный вопрос: «Значит, вы почти четыре года говорили неправду народу, правительству, Политбюро?»

Думается, упорство в отстаивании изживших и дискредитировавших себя положений объясняется также вошедшим уже в поговорку монополизмом наших центральных ведомств, особенно в вопросах, касающихся пресловутой «секретной» тематики. Попробуй только кто-нибудь высказать противоположное мнение! В ход идут все способы для отстаивания собственных «непорочных» позиций, и уже десятое дело, насколько справедливыми были возражения оппонента. Ситуация, знакомая нам по многим областям, но в данном случае мы можем убедиться, что монополизм, ведомственная порука не отступают даже перед самыми святыми понятиями.

ЕСТЕСТВЕННО, что мы начали разговор с чисто медицинского аспекта чернобыльской проблемы — жить человеку или не жить, быть ему здоровым или не быть. Существует множество других аспектов, которые тоже так или иначе связаны со здоровьем людей, живущих как в самой зоне бедствия, так и далеко за ее пределами. Первый из них — труд крестьянина в районах с плотностью радиационного заражения свыше 15 кюри на квадратный километр. Белорусские ученые единодушно утверждают, что крестьянский труд там потерял всякий смысл. Зачем и для кого производить «грязную» продукцию? Чтобы позволять радиационному пятну «расползаться» все шире и шире?

В отдельных районах Могилевской и Гомельской областей «грязное» молоко составляет 40—60 процентов. В лучшем случае его перерабатывают, а обрат выпаивают телятам. Загрязненное выше всех допустимых уровней мясо частично перерабатывают в мясо-костную муку, которую скармливают пороссятам практически во всех хозяйствах республики. Проследить же миграцию радионуклидов с продуктами, идущими из частного сектора, вообще невозможно.

А. Люцко, кандидат физико-математических наук, доцент Белгосуниверситета им. В. И. Ленина:

— В докладе советской стороны в МАГАТЭ приведены расчеты ожидаемой коллективной

CODE: "НАДО СКАЗАТЬ ПОЛНУЮ ПРАВДУ: В ЧЕРНОБЫЛЕ ПРОИЗОШЛА ВЕЛИЧАЙШАЯ
ITEM: ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ЗЕМЛИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА (3)

дозы в европейской части СССР — 300.000 человеко-зивертов от внешнего, 2 миллиона человеко-зивертов от внутреннего облучения. (Для сравнения: полный ущерб от аварии на американской АЭС «Три Майл Айленд» в дозовых единицах составлял 35 человеко-зивертов). Дело в том, что доза от пищевых продуктов в несколько раз превышает дозу гамма-излучения на загрязненной местности. Медики утверждают, что по содержанию цезия в организме минчане и витебчане уже почти сравнялись с жителями Гомельской и Могилевской областей. Нужно немедленно принимать закон, который бы предусматривал строжайшую уголовную ответственность за производство и распространение загрязненной радионуклидами продукции.

Чрезвычайно сложная проблема — отселить людей сначала с тех территорий, где радиоактивная загрязненность превышает 40 кюри на квадратный километр, потом — 15, потом — 5 кюри. И дело даже не в огромных средствах, необходимых для такой крупномасштабной акции. Можно хотя бы частично повернуть всю жилищную программу республики «в сторону Чернобыля». Можно выпустить специальный государственный заем. Можно решить и очень острую психологически-нравственную проблему — селить людей из пострадавших районов только в отдельные поселки (даже сохраняя названия старых деревень) или строить для них отдельные улицы в городах и поселках. Это сохранит прежние этнически-общинные отношения, скорее излечит «комплекс Чернобыля», сознание своей неустрашенности и уверенности в вине окружающих.

ВСЕ ЭТО ДОСТИЖИМО. Но возникает еще одна проблема: что делать с брошенными землями? Ведь их будет сотни тысяч гектаров. Нельзя же, чтобы ветровая эрозия создавала повторную радиацию.

Проблемы, проблемы... Одни из них можно решить за пять лет, вторые — за десять, третьи — за двести. Четвертые... Видимо, никто их не изучил так глубоко, как кандидат сельскохозяйственных наук, заведующий лабораторией проблем Полесской изменности Института мелиорации А. Волков. По меньшей мере три года он провел в зоне бедствия, установил несколько тысяч измерительных реперов, отснял сотни карт с указанием уровней радиоактивности, замеряя уровни радиации в сотнях населенных пунктов, вел наблюдения за людьми, «глотнувшими» чрезмерную дозу внешнего и

внутреннего облучения. Из некоторых районов Гомельской и Могилевской областей его просто прогнали: «Немедленно убирайся со своей аппаратурой, не пугай наших людей, яе сей среди них панику!»

Такова была официальная позиция не только обкомов партии, но и советского и партийного руководства республики. Если коротко, ее можно изло-

жить так: да, случилась беда, но мы с ней справимся сами. Никакой помощи от иностранцев нам не надо, мы не нищие. Японцы еще в 1987 году предлагали построить в Гомеле большой местный гематологический центр. «Ну да! Будем мы японцам раскрывать свои секреты!» (Я лично был в кабинете Председателя Совета Министров БССР М. В. Ковалева, когда шел этот разговор). Гематологического центра в Гомеле нет и поныне.

Из-за этой позиции руководителей республики потеряны десятки миллионов рублей на строительство дамб, которые, по идее создателей, должны были задержать загрязненный ил на реках. Не получилось — ил «перепрыгнул» через дамбы и отло-

жился в тех местах, где течение становится уже спокойным. Дамбы пришлось разрушить, поскольку они стали причиной подтопления. Выброшены десятки миллионов рублей на бесполезную дезактивацию, на эвакуацию, которая была всего лишь показным спектаклем, на строительство новых поселков там, где их никак нельзя было строить. На один только совхоз «Братство» в Наровлянском районе Гомельской области выброшено после чернобыльской катастрофы 17 миллионов рублей. Был ли этот «героизм» местной самостоятельностью или был подсказан свыше — еще предстоит разобраться независимой парламентской комиссии нового Верховного Совета БССР.

Итак, слово А. Волкову:

— Припять практически загублена, а вместе с ней и весь Припятский бассейн в 122 тысячи квадратных километров — его можно использовать лишь как экологический заповедник. Сегодня воды Припяти и Сожа, притоков Несвич, Ипуть, Бесядь, Брагинка, Колпита, Покоть несут в Днепр радиоактивный ил. Киевское водохранилище постепенно превращается в «бомбу замедленного действия». Вода чиста, а весь ил «светится», и его уже 60 миллионов тонн. Под большой угрозой оказался весь каскад электростанций на Днепре, до самого Черного моря. А в этом регионе живут сорок миллионов человек!

Не дают мне покоя и еще две проблемы. Однажды меня позвала в свою хату пожилая женщина, которая жаловалась на ежедневные головные боли. В печке, которую она топила дровами из ближайшего леса, оказалось 300 миллирентген в час. Причина — дрова. Весь лес в пораженных районах радиоактивен. Его нельзя употреблять ни на мебель, ни на строительство, ни даже на дрова. И торф тоже «светится». Откуда же брать людям топливо?

А так называемые «могилиники» меня просто приводят в ужас. Я не видел ни одного, построенного по всем правилам — с бетонными стенами, с бетонным покрытием. Как правило, это большие ямы, стены и низ которых покрыты полиэтиленовыми пленками. Через два-три года почвенные воды будут беспрепятственно омыwać радиоактивный мусор и стекать в реки, озера.

Несколько раз был я и в «мертвой зоне», которая превращена в свалку, где все в куче — техника, одежда, мебель. А брошенные там без присмотра дома «светятся», как свечки. Пожары, которые возникают там на переосушенных торфяниках, усугубляют трагедию. Дым уносит радиацию на большие расстояния. Как бороться с этим бедствием?

О будущем захламленной «мертвой» зоны существует два мнения. Первое — передать ее Главатому, чтобы он продавал ее по два-три гектара зарубежным ученым. Действительно, земля эта на вес золота, потому что только здесь в естественных, а не в лабораторных условиях можно проводить поистине уникальные радиобиологические исследования и эксперименты. Нигде в мире подобных условий для науки нет.

Второе мнение — поскольку эта земля уникальна, оставить

ее в распоряжении правительств Украины и Белоруссии. Пусть они сдают ее в аренду, получая за это необходимое медицинское оборудование, лекарства. Второй вариант мне представляется более справедливым — зачем же поощрять главного виновника?

И ЕЩЕ ОДИН, очень болезненный вопрос, не нашедший своего решения: что делать с самой Чернобыльской атомной станцией? Ведь в каждом из трех ее уцелевших реакторов 192 тонны ядерного горючего. В прошлом году на станции было более тридцати «учетных отказов» основного оборудования, в том числе 13 — по вине обслуживающего персонала.

CODE: "НАДО СКАЗАТЬ ПОЛНУЮ ПРАВДУ: В ЧЕРНОБЫЛЕ ПРОИЗОШЛА ВЕЛИЧАЙШАЯ
ИТЕМ: ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ЗЕМЛИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА (4)

Е. Конопля, директор Института радиобиологии, академик АН БССР:

— ЧАЭС надо закрывать, иного мнения быть не может. Не имеем мы права дважды испытывать судьбу. Ведь ее территория — огромное загрязненное пятно, откуда радиация постепенно ползет во все стороны. Это не говоря уже о возможных более крупных неприятностях. Конечно, нелегко будет обойтись без ее трех миллионов киловатт, один из которых идет в Белоруссию. Но выход должен быть найден, и, по возможности, скорее. Разумеется, без ядерной энергетики в будущем не обойтись. Но атомные станции должны быть не такими, как Чернобыльская, и строиться они должны совершенно иначе, вдали от густонаселенных районов. Дорого передавать электроэнергию на большие расстояния? А разве ликвидировать последствия чернобыльской катастрофы дешевле?

Последнее интервью беру у президента Академии наук Белорусской ССР академика АН СССР В. Платонова:

— У наших ученых чрезвычайно сложное положение, потому что им приходится вести войну на два фронта: против авторов антинаучных концепций «35 бэр за жизнь» и «комфортных 40 юри на один квадратный километр» и против республиканского правительства, которое проявляет удивительное «послушание». Едва успел Е. Чазов написать свое письмо Н. И. Рыжкову, как нам тут же, без ехидства заявили: оказывается, вы некомпетентны! Мы предлагали не строить так близко к зоне новые поселки для переселенцев — строили. А теперь приходится их бросать. Мы предлагали не производить никаких продуктов в зоне жесткого контроля — их производят и поныне. Мы предлагали немедленно отселить всех, кто живет в зоне свыше 40 юри на квадратный километр, — люди живут там и поныне. Многие даже при уровне 60—100 юри. Действительно, речь идет о судьбе нации.

Или взять такой вопрос. Еще три года назад ученые, писатели, неформалы утверждали, что без интернациональной помощи нам не справиться со своей бедой. Только сегодня, потеряв три года, наше правительство обратилось с просьбой о помощи к правительствам, парламентам и народам всех стран. Давно мы ведем разговор о создании Белорусского национального комитета по радиационной защите населения и об объявлении республики зоной национального бедствия. В последний раз мы приняли такое постановление на президиуме Академии наук 7 марта. Сделай правительство это сразу — и мы получили бы прямой выход на многие зарубежные организации. Получили бы большую помощь — научную, медицинскую, техническую, материальную.

Слушаю Владимира Петровича и думаю: неужели мы опять будем держаться за свой непопулярный принцип «Мы не нищие, не к лицу нам просить помощи у капиталистов». Масштаб и характер беды таковы, что у нас нет выбора. Мы должны максимально использовать все свои силы и средства и не стыдиться просить помощи у тех, кого вчера считали своим противником.

Сегодня мы все — люди, земляне, живущие на одном, не таком уж большом шарике. И беда у нас общая. И не обратиться за помощью — это преступление перед своим же народом. Ну а уж коль предлагают помощь, как это сделали японцы еще в 1987 году, раздумывать, отказываться — просто безнравственно, бесчеловечно. Ведь чернобыльская катастрофа — беда всего мира.

Н. МАТУКОВСКИЙ,
соб. корр. «Известий».

БС

CODE: ЧЕРНОБЫЛЬ

ITEM: ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ АН БЕЛОРУССКОЙ ССР АЛЕКСАНДР СТЕПАНЕНКО :
"УЧЁНЫЕ АН ВЫСТУПАЛИ С САМОГО НАЧАЛА ПРОТИВ БЕСЧЕЛОВЕЧНОЙ
КОНЦЕПЦИИ МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ"

30 марта 1990 г. — **Медицинская газета** —

ПРАВДЕ В ГЛАЗА

Чернобыль: каков масштаб беды

Два взгляда на катастрофу

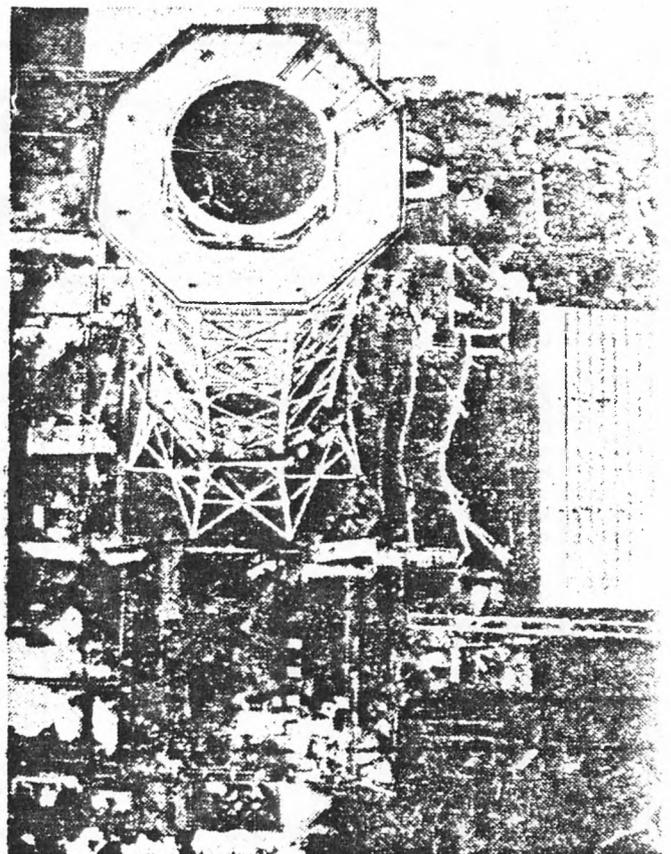
Чернобыльская боль, как заноза, в нашей душе. И потому что габрионы станции еще остались на территории СР, и потому что она тесно переплетается с людскими судьбами: здоровьем детей, рождением внуков, сроком пребывания на этой бральной земле. Тем, кто работает на АЭС, сложнее, чем всем остальным. Им и самим надо твердо верить в безопасность атомных станций, и другим эту уверенность передать.

На Калининской АЭС, работники которой оказывали самую непосредственную помощь своим коллегам в Чернобыле, избрали для этих целей метод открытых встреч с населением. Многие жители Удомли хорошо знают теперь, что их станция — станция второго поколения и что защищенность здесь намного выше.

Но чувство настороженности все-таки остается. Похоже, что время умиления мирным атомом давно прошло.

И потому, когда к кому-то обращаются за помощью чернобыльцы, не спешите отмахнуться от их забот, ставить диагноз: «радиофобия». Надо их хорошенько выслушать, понять, осмыслить, как следует, сказанное и тогда уже принимать решение. Ситуация вокруг Чернобыля даже по прошествии почти четырех лет со дня катастрофы остается неоднозначной.

Предлагаемые материалы хорошо подтверждают сказанное.

CODE: ЧЕРНОВЫЛЬ

ITEM: ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ АН БЕЛОРУССКОЙ ССР АЛЕКСАНДР СТЕПАНЕНКО :
"УЧЁНЫЕ АН ВЫСТУПАЛИ С САМОГО НАЧАЛА ПРОТИВ БЕСЧЕЛОВЕЧНОЙ
КОНЦЕПЦИИ МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ"

Ионизирующее излучение, открытием которого в 1895 году человечество обязано В. Рентгену, продолжает будоражить сознание людей.

Старейшей, наиболее авторитетной организацией мира изучающей действие радиации на человека, является Международная комиссия по радиологической защите (МКРЗ). Именно эта неправительственная комиссия, лишённая бюрократических атрибутов и объединяющая в своём составе около сотни специалистов мирового уровня, служит, по общему признанию, международным судом совести в области радиации. МКРЗ требует в системе защиты: обязательно превышения пользы источников радиации над их вредом; снижения вреда от радиации с учётом затрат на ее преодоление до возможно низкого уровня, установления таких пределов облучения, вред здоровью от которых никакими медицинскими методами у данного человека не может быть доказан. И лишь чисто расчётным путём для больших групп населения прогнозируется риск 0.00001 в год.

Однако от этой стотысячной доли ныне дрожит весь мир! В самом деле, велик ли риск! Насколько обоснованы опасения людей! На эти вопросы отвечает П. В. РАМЗАЕВ, профессор, член Главного комитета Международной комиссии по радиологической защите.

Риск реальный и мнимый

— Павел Васильевич, не секрет, что радиофобия захлестнула страну. Ее метастазы распространяются с необыкновенной быстротой, вызывая весьма болезненные реакции населения. Пора бы сказать правду народу, чем он рискует, поставив на службу атом! И вообще, что входит в это понятие — «риск»!

— Под риском в медицине понимается вероятность смерти человека в течение какого-то времени от какой-то причины. Поэтому врачи не считают риск благородным делом и ведут борьбу с ним, насколько хватает сил и знаний. От совокупности всех причин, в первую очередь от сердечно-сосудистых заболеваний, травм, рака, включая старение, реальный риск в СССР в 1988 году был равен 0,01. Умирал один человек из 100.

Риска вообще нельзя избежать ни в каком, даже в самом безобидном виде деятельности, и даже при полном отсутствии таковой, вклю-

чая время досуга и отдыха. Вопрос в том, какова величина риска и какой более высокой пользой (уменьшением общего риска) он оправдывается.

Вред здоровью от радиации проявляется многочисленными эффектами в виде лучевой болезни, ожогов, катаракты, бесплодия, воспалений различных органов, лейкозов, раков, поражений плода и наследственных болезней. Эти эффекты делятся на две большие группы: пороговые и стохастические (беспороговые).

Пороговые эффекты возникают лишь при облучении в течение всей жизни в дозах, превышающих 10 бэр (биологический эквивалент рентгена) в год. К стохастическим эффектам относятся злокачественные опухоли (лейкозы, рак) и наследственные болезни. Наследственные болезни от радиации, к счастью, не обнаружены даже у десятков тысяч детей от облученных ро-

дителей в Хиросиме. Лучевые опухоли у человека доказаны при дозах за всю жизнь выше 35 бэр. Тем не менее МКРЗ пошла на принятие концепции о вредности радиации в самых малых дозах, объявив вредным даже природный фон, существующий не менее 12 миллиардов лет с появления галактики.

Принимая чисто предположительно, что и при малых дозах (меньше 35 бэр за жизнь) также будут возникать опухоли и наследственные болезни пропорционально дозе, международные организации дают следующие, самые новейшие (1988 г.) коэффициенты риска от радиации. При облучении всего тела у одного миллиона человек дозой 1 бэр прогнозируется в течение всей жизни появление дополнительного к обычной заболеваемости от 400 до 1.100 смертельных опухолей (спустя 2—10 и более лет после облучения) и от 0 до 200 наследственных заболеваний во всех поколениях. И 1 бэр у человека в среднем может

CODE: ЧЕРНОБЫЛЬ

ITEM: ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ АН БЕЛОРУССКОЙ ССР АЛЕКСАНДР СТЕПАНЕНКО :
"УЧЁНЫЕ АН ВЫСТУПАЛИ С САМОГО НАЧАЛА ПРОТИВ БЕСЧЕЛОВЕЧНОЙ
КОНЦЕПЦИИ МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ"

13

привести к потере 5 суток жизни.

— Говоря о риске, давайте все переведем на современный, практический лад. Хиросима была давно, а Чернобыль недавно. В разговорах, да и в прессе, то и дело мелькает такое суждение, что Чернобыль равен нескольким Хиросимам. Сопоставимо ли такое сравнение!

— Думается, пришло время для трезвой, взвешенной переоценки масштабов чернобыльской аварии. Важно не смешивать опасность аварии в Чернобыле с последствиями взрывов атомных бомб, даже таких малых, которые были взорваны в Хиросиме и Нагасаки.

Участвуя в эксперименте ВОЗ, советские ученые в деталях занимались анализом печальной статистики этих городов. Число погибших за один год после взрывов составило 180 тысяч человек в дополнение к 160 тысячам заболевших. Общие потери достигли 6,6 миллиона человеко-лет полноценной жизни, что по крайней мере в 5 тысяч раз превышает острые чернобыльские потери. Даже при полной реализации ожидаемой дозы от аварии на АЭС потери не выйдут за пределы 7 процентов Хиросимы.

— Значит, не все так страшно!..

— Сейчас уже ясно, что острые последствия аварии в Чернобыле не вышли за пределы потерь при аварии на других неатомных объектах и запись ее в ряд планетарных катастроф была поспешной. Аварий, приводящих к потерям десятков, сотен, а то и тысяч человеческих жизней, случается немало. Лишь авария одного современного автобуса приводит к гибели пяти человек. Не проходит и месяца, как мы снова и снова с болью узнаем, как много ненадежного в нашем мире. В 1988 году в стране в дорожно-транспортных происшествиях пострадало 345 тысяч человек, из них 46 тысяч детей. Только из-за плохой техники безопасности на производстве и в быту получили травмы и отравления 19 миллионов человек, из них умерли 278 тысяч.

Есть и еще более страшная статистика. Всем известно, что средняя продолжительность жизни советских людей за счет комплекса неблагоприятных внешних, а не прижизненных факторов на 5—10 лет меньше, чем в ряде стран. На протяжении поколения, за 70 лет, если не остановить это существующее, а не вымышленное бедствие, наша страна в мирное время испытает на себе людские потери астрономического порядка, равные по числу человеко-лет жизни двух-, четырехкратным потерям от Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

— Так что же делать! От чего спастись!..

— Врачи обязаны сказать всю правду обществу и показать приоритетные опасности для здоровья, показать действительный, а не мнимый риск, которым безответственно пугают людей. Скрупулезный подсчет по данным прямых измерений, выполненных в различных странах, показывает, что эти последствия в СССР будут за 50 лет определяться воздействием коллективной дозы около 30 миллионов чел.-бэр. При этом индивидуальные дозы внешнего (пока трудно устранимого) излучения даже в самой зоне, в Припяти например, будут в среднем на уровне 1 бэр в год, что в 10 раз меньше доз, приводящих к вреду для здоровья. На основе данных мировой науки при ежегодных дозах менее 10 бэр и облучении в течение всей жизни ни один врач не имеет никаких оснований приписывать найденным тем или иным заболеваниям лучевое происхождение.

Нигде в контролируемых районах и даже в самой зоне, кроме небольших, хорошо известных участков, проживание не опасно для здоровья, поскольку годовые дозы меньше 10 бэр в год. И очень хорошо, что люди по своей инициативе (около 1.000 человек) возвратились в свои родные места и спокойно живут. Что же мешает так поступить всем? Как ни странно, норма! Она установлена (не без участия автора этой статьи) на уровне 35 бэр за 70 лет, или 0,5 бэра в среднем в год, то есть с заведомым 20-кратным запе-

сом. Конечно, запас — это хорошо, но когда он не требует миллиардов рублей и когда нет никаких других, более важных опасностей.

— Ну а как же быть с 30 миллионами человеко-бэр! С чем можно сравнить их вред!

— Есть в обычной жизни два хорошо знакомых источника излучения, к которым даже компетентные органы, не говоря уже о населении, не

проявляют ровным счетом никакого внимания. Это — медицинское облучение и природный фон. По данным Ленинградского научно-исследовательского института радиационной гигиены, ежегодно житель нашей страны в среднем на все тело получает 0,15 бэра от медицинского облучения и 0,29 бэра от природного фона, что в сумме дает лучевую нагрузку за 50 лет на население СССР 6,2 миллиарда чел.-бэр, иначе говоря, 200 «чернобылей». И никто не шумит, никто не собирается бросать миллиарды на борьбу с такой колоссальной нагрузкой.

— В таком случае получается, что эти «200» от Бога, и мы не в силах регулировать их. Надо смириться!

— Данные показывают, что это не так. В ряде стран, например в Великобритании, потребности медицинской диагностики при должном ее качестве обеспечиваются дозой у пациента, в пять раз меньшей, чем в СССР. МКРЗ в настоящее время подготовила большой арсенал исключи-

тельно дешевых методов уменьшения доз при рентгеновской диагностике. Милости просим, берите и применяйте. Только за счет этого источника при затратах, не превышающих десятков миллионов (не миллиардов) рублей по всей стране, можно убрать 50 «чернобылей». Только придется поработать.

Второй источник — вековой природный фон. Однако по

CODE: ЧЕРНОБЫЛЬ

ИТЕМ: ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ АН БЕЛОРУССКОЙ ССР АЛЕКСАНДР СТЕПАНЕНКО :
"УЧЁНЫЕ АН ВЫСТУПАЛИ С САМОГО НАЧАЛА ПРОТИВ БЕСЧЕЛОВЕЧНОЙ
КОНЦЕПЦИИ МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ"

крайней мере половина природного фона в наших руках. Эта половина доходит до организма человека через воздух, облучая легкие радиоактивным газом — радоном и его продуктами распада. Радон в свою очередь происходит от радия, повсеместно присутствующего в почве, стенах зданий и других объектах среды. Если поры в домах со щелями, а вентиляция помещений слабая, то в некоторых местах и домах индивидуальные дозы на легкие могут доходить до явно угрожающих уровней (даже до 100 бэр в год). Во многих странах уже около 10 лет ведется работа, причем в ранге государственных программ, по выявлению и оздоровлению таких мест и таких домов. В той же Великобритании выявлено 20 тысяч домов, в которых доза на легкие оказалась выше 16,5 бэр в год (или на все тело 2 бэр). Домовладельцы обеспечены пампкой о том, как избавиться от этой гадости. В США в каждом двадцатом доме доза на легкие выше 12 бэр в год (на все тело 1,5 бэр). Меры защиты: не-

сложны и недороги: вентиляция подпольного пространства, герметизация полов и вентиляция (обычная, но обязательная) помещений. Но это все у «них». В СССР подлежат еще выявить 15 миллионов жителей, которые, сами того не ведая, получают более 1,5 бэр в год на все тело, то есть больше, чем в чернобыльской зоне (более 1 бэр в год). Арифметика, конечно, неприятная, но знать ее надо всем. Вывод здесь один: надо немедленно начать поиски этих людей: ведь именно им угрожает рак легкого. Особенно тем, которые еще и курят. Оценки таковы: в СССР от радонового рака умирает ежегодно около 15 тысяч человек.

Снятие дозовой нагрузки только у высокооблучаемого радоном контингента будет эквивалентно за 50 лет еще 50 «чернобылям».

— Итак, все внимание населения, прессы, медицины, руководящих органов направлено на лучевой удар Чернобыля, но они в то же са-

мое время пренебрегают источниками воздействия радиации, в 200 раз большими. Парадокс!..

— Скажу больше, сегодня даже жизнь в Припяти безопасна. Я бы открыл эту зону для всех желающих в ней жить. Опыт безвредного проживания на протяжении веков при тех же дозах человеку известен. На улицах города Гуаралуава (Бразилия) годовая природная доза достигает 1,5 бэр в год, а на пляжах—до 16 бэр. Повышенные дозы природного фона в местах, где живут десятки тысяч человек, обнаружены в Индии (штат Керала), Китае и др. Надо откровенно сказать людям (как это уже многократно говорилось за рубежом), что страхи, которые нагоняли некоторые ученые, ока-

зались сильно преувеличенными. Даже в Чернобыле первоначальные оценки доз и уровня загрязнения оказались во много раз завышенными.

— Вы хотите сказать, что в зоне и других загрязненных районах уже не нужны какие-либо защитные мероприятия!

— Обязательно нужны. Но надо помнить, что эти меры будут оправданы, если снижение дозы у одного человека на 1 бэр расходы не превысят 30 рублей. Эта оценка сделана строго по методике МКРЗ. Надо помнить, что более высокие траты наносят ущерб здоровью населения страны, отвлекая ресурсы от действительно необходимых мер во имя мнимой, так называемой вероятностной пользы. Еще: какой смысл продолжать в этих районах ежегодную диспансеризацию по специальной программе более 500 тысяч человек? Ведь известно, что ни одного заболевания, явно связанного с радиацией, в данном контингенте не будет обнаружено, как не было обнаружено за прошедшие три года. Программа диспансеризации оправдана лишь сугубо научными целями и может быть уменьшена по крайней мере в десять раз. Вполне достаточно той обычной

диспансеризации, которая развешивается в стране без радиационного пугала.

— Что, и АЭС тоже пугало! Это пугало уже здорово напугало!..

— Побойвайте в сотнях советских городов (например, в Красноярске, Кемерове, Стерлитамаке и т. д.), где о соблюдении санитарных норм говорить вообще не приходится. Об этом писалось не раз. Люди болеют там гораздо чаще, чем у АЭС. Новейшие оценки риска от различных источников энергии Д. Вебба (Великобритания), В. Ковелло (США) и Х. Инхабер (Канада) дают следующую шкалу потерь, выраженных в относительных единицах здоровья на производство одного мегаватта в год энергии: от угля или нефти — 200, ветра и солнечной энергии — 40, гидроэнергии—6, АЭС—2, природного газа—0,4. С атомной энергией по критерию безопасности конкурирует только природный газ. Но ресурсы этого топлива ограничены.

Нам иногда ставят в пример США, у которых будто бы в будущем нет заявок на АЭС. При этом скрывают тот факт, что в США уже сейчас работает 111 реакторов, то есть в 2 раза больше, чем в СССР. США продолжают строить 12 реакторов. Еще 2 реактора уже заказаны и будут построены. АЭС США производят 20 процентов электроэнергии. Закрытие АЭС в СССР и потеря 220 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год, на чем настаивают некоторые чрезмерно ретивые экологи, означали бы гигантский, ни с чем не сравнимый ущерб. При этом максимальным достижением такой профилактической меры лишь теоретически ожидается предупреждение 30 раковых заболеваний на фоне общей смертности от рака полумиллиона человек в год по другим, более важным причинам, достойным действительно бурной негодования и неотложных мер. Следует знать, что даже при росте мирового производства атомной энергии более, чем в три раза, доза облучения от АЭС будет около одного процента естественного фона. Поэтому предсказания некоторых экологов о радиационном конце света в ближайшие 20—30 лет не больше, чем заблуждение.

Материал подготовил
А. СЛАВИН.

CODE: ЧЕРНОВЫЛЬ

ITEM: ФРАНЦУЗСКИЙ ДОКТОР АМЕЛИ БЕНАНСИ ДАЁТ ИСТИННУЮ ОЦЕНКУ ПОСЛЕДСТВИЙ ЧЕРНОВЫЛЬСКОЙ ТРАГЕДИИ

"МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА", 30 03 90, стр.2

Завеса секретности не спадает

Газета «Либерасьон» в Париже опубликовала интервью д-ра Амели Бенанси, в редакционном предисловии к которому говорится:

Спустя почти четыре года после Чернобыльской аварии медико-санитарная обстановка на Украине и в Белоруссии продолжает вызывать живейшее беспокойство среди населения, по-прежнему живущего в условиях более или менее высокого уровня радиоактивного загрязнения. В частности, в Киеве появились ассоциации, которые пытаются объединить пострадавших и обеспечить постоянное наблюдение за развитием проявляющихся у них патологий. Французский врач д-р Амели Бенанси (это псевдоним, избранный ею) откликнулась на призыв одной из этих ассоциаций под названием «Зеленый мир» и провела на Украине в общей сложности две недели (первый раз в декабре 1989 года, а затем в январе 1990 года), собирая информацию вне обычных официальных каналов, по которым осуществляется большинство визитов иностранцев. (Подробное изложение оценок д-ра Бенанси для врачей было опубликовано в журнале «Женералист» № 1148 от 20 февраля 1990 года).

ВОПРОС: Что вы думаете о «радиофобии» — глубокой тревоге, связанной с облучением и способной вызвать волнения, о которой упоминают советские официальные лица.

говоря о населении, пострадавшем в результате Чернобыльской аварии?

ОТВЕТ: Радиофобия — это в настоящее время единственный ответ, который дается на многочисленные волнения и жалобы населения. Ведь наблюдается развитие патологий, которые властям нетрудно приписывать «радиофобии»: это такие, например, широко распространенные у детей симптомы, как неврозы, нарушения роста. Но я видела и многое другое. Я встретила, например, с двумя больными, работавшими на Чернобыльской АЭС вплоть до конца 1986 года, которые страдают артериитом нижних конечностей, то есть сосудистым заболеванием. При этом заболевании сосуды закупориваются, и приходится ампутировать конечности. Я видела также 12-летнюю девочку с искривленной плечевой костью.

ВОПРОС: И, по-вашему, эта деформация — следствие радиоактивности?

ОТВЕТ: Я выдвигаю следующую гипотезу: радиоактивный элемент стронций-90, который очень широко распространился в результате катастрофы, но очень трудно поддается замерам, накапливается, видимо, в эпифизарных хрящах, обеспечивающих рост костей. И этот стронций, период полураспада которого из организма составляет 8 лет и 2 месяца, дает излучения в организме ребенка и вызывает на-

рушения нормального развития.

ВОПРОС: Подобная патология встречается часто?

ОТВЕТ: Мать этой девочки входит в состав руководства одной из ассоциаций, объединяющих 17.000 детей с целью наблюдения за состоянием их

здоровья. Эта женщина, под наблюдением которой находятся 3.500 детей, утверждает, что почти все они больны: и что подобные деформации встречаются у многих. Она показывала свою дочь Юрию Израэлю и получила ответ, что это просто радиофобия. С тех пор она, как и все, заявляет, что «все начальство любит говорить о детях, но никто ничего не делает».

ВОПРОС: Однако в Киеве создан институт для наблюдения за здоровьем населения?

ОТВЕТ: Да, 1 октября 1986 года был создан институт, названный Всесоюзным научным центром радиационной медицины при Академии наук СССР (на деле же при Академии

CODE: ЧЕРНОБЫЛЬ

ИТЕМ: ФРАНЦУЗСКИЙ ДОКТОР АМЕЛИ БЕНАНСИ ДАЁТ ИСТИННУЮ ОЦЕНКУ ПОСЛЕДСТВИЙ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ТРАГЕДИИ

"МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА", 30 03 90, стр.2

медицинских наук. — Прим. ТАСС), где официально насчитывается 530 сотрудников и 546 коек. Я думаю, что ученые и врачи делают свое дело. Но беда в том, что об их работах ничего не известно, население не получает никакой точной информации. Все наде-

ются, что будет выполнено данное двум ассоциациям обещание пригласить их на совещание по результатам деятельности института в конце 1990 года.

ВОПРОС: И так, магия секретности остается в силе?

ОТВЕТ: Я знала, отпавляясь туда, что мне пригласят столкнуться с секретностью. Больше всего меня поразило то, что засекречиваются даже полученные дозы облучения и возможная связь с этим различными патологиями. У меня есть доказательство этого в виде двух документов. Это, во-первых, «Разъяснение центральной военно-врачебной комиссии МО СССР от 8 июля 1987 года № 205», где говорится: «При составлении свидетельств о бо-

лезни лиц, ранее привлекаемых к работам на ЧАЭС... не отражать факт привлечения к указанным работам и суммарную дозу облучения, не достигшую лучевой болезни». (Этот документ был упомянут народным депутатом СССР от города Житомира журналист-

кой Аллой Ярошинской в «Московских новостях», № 42 за 13—19 октября 1989 г.) Во-вторых, это — документ Министерства здравоохранения СССР НИС ПОИ 2612 от 27 июня 1987 года, предписывающий «сохранять в тайне применявшееся лечение и дозиметрические результаты в период ликвидации трагедии».

ВОПРОС: Таким образом, невозможно составить общее представление о последствиях катастрофы?

ОТВЕТ: Двое из руководителей ассоциации заявили мне, что от прямых последствий полученного облучения умерло семь тысяч человек. Помимо этого, это не завышенная цифра. Так, я встречалась с некоторыми из тех 1.500 рабо-

чих, которые проработали 20 месяцев на Чернобыльской АЭС до конца 1987 года. Более 80 из них — я проверяла по списку — уже умерли, что составляет пять процентов, а большинство еще живущих — больны. А нужно вспомнить, что за один только 1986 год в работах по дезактивации Чернобыльской АЭС участвовало несколько сотен тысяч рабочих и солдат.

ВОПРОС: Что вы знаете о детях и взрослых, которые были эвакуированы и которые еще продолжают жить в зараженных зонах?

ОТВЕТ: Поймите, что никогда прежде — ведь такое произошло впервые в истории — не приходилось изучать воздействие на население средних доз облучения — от 20 до 100 бэр — вследствие как внешней радиации, так и потребления зараженной пищи и воды или вдыхания радиоактивных частиц. Не существует никаких данных по таким средним дозам. Лучшее изучено воздействие сильных доз. Люди, с которыми мы встречались, перечисляли нам целый ряд широко распространенных нарушений, в частности у детей, таких, как увеличение щитовидной железы, анемия и лейкопения (снижение числа эритроцитов и лейкоцитов в крови), нарушения роста, катаракта и т. д.

ВОПРОС: Что вас поразило больше всего?

ОТВЕТ: Я нашла очень стран-

ным появление у детей сильных болей в верхней челюсти. Причем болят не зубы, а кости. Здесь также я могу высказать лишь гипотезу. Возможно, что плутоний, скапливающийся прежде всего в костях, вдыхается или попадает в организм с зараженной пищей и водой и задерживается в слизистой оболочке рта или носа.

ВОПРОС: Сталкивались ли вы со случаями раковых заболеваний, например лейкемией?

ОТВЕТ: Все говорили нам о случаях лейкемии, но это серьезный вопрос... Не имея статистики, я не хотела бы об этом говорить. Вы же понимаете, что эти люди буквально вопиют.

ВОПРОС: А как реагируют беременные женщины?

ОТВЕТ: Женщины из Припяти (город вблизи Чернобыля, который был эвакуирован), с которыми я встречалась, сообщили мне, что все беременные женщины (в «закрытой зоне» и в зоне, где запрещено употреблять местные растительные продукты), которые могли, сделали аборт, поскольку все врачи советовали им это. В настоящее время врачи советуют делать аборт женщинам некоторых деревень на Украине и в Белоруссии, например таких, как Полесское и Наровля, где радиоактивность составляет 140 кюри на кв. км.

(ТАСС).

— цы —

CODE: ЧЕРНОБЫЛЬ

ITEM: ПРОФЕССОР РАМЗАЕВ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЗАХЛЕСТНУВШЕЙ СССР РАДИОФОБИЕЙ: "НЕ ВСЁ ТАК СТРАШНО"

4 + 28 марта 1990 г. + Эхо Литвы

ЧЕРНОБЫЛЬ: ИСТИННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СКРЫВАЛИСЬ

Преступлением против собственного народа назвал засекречивание масштабов и последствий чернобыльской катастрофы народный депутат СССР, вице-президент Академии наук Белорусской ССР Александр СТЕПАНЕНКО.

— Правдивая информация о влиянии радиации на здоровье населения до сих пор тщательно скрывается, — говорит А. Степаненко. — После Чернобыля и по сей день чиновники союзного и белорусского министерства здравоохранения продолжают утверждать: все, мол, в порядке, не надо беспокоиться. Между тем в загрязненных радиоактивностью районах Белоруссии растут заболеваемость, в том числе онкологическая, детская смертность, чаще встречаются врожденные аномалии. Но республиканское Министерство здравоохранения без тени сомнения заявляет, что это никак не связано с воздействием радиации.

— А что показали исследования, проведенные учеными!

— Специалисты Института радиобиологии Академии наук Белоруссии с 1986 года наблюдают за подопытными

животными, которые содержатся в специальных пунктах в 30-километровой чернобыльской зоне и в других местах. Исследования подтверждают: радиоактивное воздействие вызывает изменения в крови, иммунной, сердечно-сосудистой и других системах. Причем не только у животных, находящихся в зоне Чернобыля, но и за сотни километров от нее.

Проводились, разумеется, и многочисленные обследования людей, изучались также ткани умерших. Результаты неутешительны: даже малые дозы радиации оказывают пагубное воздействие на человека, ослабляют его иммунные силы. Организму становится трудно защитить себя от самого банального гриппа, не говоря уже о более серьезных заболеваниях. Особенно чувствительны к воздействию радиации дети.

Профессор М. Павлова, которая руководит республи-

канским гематологическим центром в Минске, где лечат детей, больных лейкемией, заявила недавно в местной прессе, что «до аварии в Чернобыле к нам поступали один-два ребенка за полгода. Теперь — каждую неделю по несколько человек. Возросла смертность... Мы с вами доживем свой век, дети наши частью тоже, а вот многим внукам уже не придется». На такую информацию до последнего времени в местных газетах существовало табу. До 1989 года конференции по радиобиологическим проблемам Чернобыля мы проводили в нашей академии при отключенных в зале микрофонах: а вдруг кто-нибудь подслушивает?

Три года после аварии население не имело представления о ее последствиях. Люди не знали, каков уровень радиации в их деревне, городе, районе, чем это грозит. «Вы в безопасности», — убеждали народ руководитель Госком-

CODE: ЧЕРНОВЫЛЬ

ИТЕМ: ПРОФЕССОР РАМЗАЕВ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЗАХЛЕСТНУВШЕЙ СССР РАДИОФОБИЕЙ: "НЕ ВСЁ ТАК СТРАШНО" 1/2

гидромета СССР Ю. Израэль, вице-президент Академии медицинских наук СССР Л. Ильин, заместитель министра здравоохранения СССР А. Кондрусев, бывший министр здравоохранения Белоруссии Н. Савченко и сменивший его В. Улащик. Только в прошлом году белорусское правительство под давлением общественности рассекретило карту радиационной обстановки на территории республики. Почти треть ее загрязнена радионуклидами: ведь на Белоруссию осело примерно 70 процентов всей выброшенной Чернобылем радиоактивности.

— Сколько же людей проживает на пораженных землях!

— До двух миллионов человек — пятая часть населения республики. Причем десятки тысяч людей живут в особо опасных районах, их необходимо было немедленно эвакуировать, но этого не сделали.

Руководство республики проигнорировало настойчивые рекомендации авторитетных специалистов нашей академии, прислушивалось лишь к оптимистичным заверениям Министерства здравоохранения. Этому ведомству предоставлено монопольное право решать судьбу многих тысяч людей. В научных учреждениях министерства изобрели 35-бэрную концепцию, суть которой сводится к следующему: если человек за 70 лет жизни набирает дозу облучения менее 35 бэр, то он мо-

жет спокойно жить на этой территории. Если, по расчетам, набирается доза, превышающая этот показатель, то людей надо стеселять. И такая концепция выдвигается в то время, когда большинство ученых в мире считает, что небезопасно любое, даже самое незначительное воздействие радиации. Тем более если радиоактивный пресс действует постоянно, как в нашем случае.

Кроме того, авторы концепции совершенно не учитывали, сколько бэр люди уже «схватили» за счет радиоактивного йода в первое время после аварии, сколько радио-

активной «грязи» поглощает человек с продуктами питания — это самое опасное. Ведь приходится потреблять мясо, молоко, овощи, произведенные на загрязненных землях: других продуктов просто нет. Это только в бумагах писалось, будто бы в пострадавшие районы завозится «чистое» продовольствие. Где его взять при нашем дефиците?

Словом, людей заставляли жить там, где жить нельзя. Нет сомнения, что это делалось в угоду экономическим и, конечно, политическим интересам. Должностные лица дезинформировали население с первых дней после аварии и не приняли срочных мер, что привело к тяжелым последствиям, ликвидировать которые уже невозможно. Они боялись и боятся признать это, ибо придется нести ответственность.

— Как же решить проблемы, связанные с последствиями чернобыльской аварии? Что предлагают ученые республиканской Академии наук!

— Мы с самого начала выступали против бесчеловечной концепции Министерства здравоохранения. Наша точка зрения не требует каких-то научных доказательств: если на территории невозможно получить «чистую» сельскохозяйственную продукцию, опасно ходить в лес за грибами и ягодами, купаться в реке, если здесь существует угроза здоровью человека, то люди вправе уехать, и государство обязано компенсировать им потери. Нас обвиняли, что мы сеем панику, накаляем страсти. И только после третьей годовщины Чернобыля, когда тысячи людей перестали молчать, вышли на улицу со своими справедливыми требованиями, когда по Минску и другим городам республики прокатилась мощная волна митингов и демонстраций, только тогда правительство поняло, что совершило ошибку.

На основании наших рекомендаций в конце 1989 года была разработана и начала осуществляться государственная программа по ликвидации

в Белоруссии последствий чернобыльской катастрофы. В 1990 году из наиболее загрязненных районов будут переселены 7,5 тысячи семей. Многим другим, к сожалению, придется ждать будущего года. Предстоит также организовать качественное медицинское обслуживание и оздоровление пострадавшего населения. На это, по предварительным расчетам, потребуются 17 миллиардов рублей, иностранная валюта, необходимая для приобретения медицинского оборудования. Таких средств у республики нет. Сколько нам будет выделено из союзного бюджета — пока неизвестно.

Общественность республики настаивает на том, чтобы союзные органы, и прежде всего атомное ведомство, компенсировали Белоруссии и ее гражданам нанесенный Чернобылем ущерб. Все сильнее звучит и требование демократических сил, в частности Белорусского народного фронта, о необходимости создания парламентской комиссии по расследованию действий должностных лиц, виновных в создании секретности вокруг чернобыльской аварии, замалчивании истинных ее масштабов и сознательном непринятии мер по обеспечению безопасности населения. Я как народный депутат СССР поддерживаю это требование и надеюсь, что в скором времени такая комиссия будет создана. Преступление против собственного народа не может остаться безнаказанным.

И. ГЕРМЕНЧУК,
корреспондент АПН.

— III —

CODE:

ITEM: L000027 - 01

JAKOREWAA

05-APR-1990 10:02:01

ПОСЛЕДСТВИЯ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ:
ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ ЛЮДЕЙ ЖИВУТ В ОСОБО ОПАСНЫХ РАЙОНАХ, ИХ
НЕОБХОДИМО БЫЛО НЕМЕДЛЕННО ЭВАКУИРОВАТЬ, НО ЭТОГО НЕ СДЕЛАЛИ

"Рабочая газета", 25.3.90, стр.1

Трибуна народного депутата

Белоруссия и Чернобыль: истинные последствия скрывались

Преступлением против собственного народа назвал засекречивание масштабов и последствий чернобыльской катастрофы народный депутат СССР, вице-президент Академии наук Белорусской ССР Александр СТЕПАНЕНКО.

— Правдивая информация о влиянии радиации на здоровье населения до сих пор тщательно скрывается, — говорит А. Степаненко. — После Чернобыля и по сей день чиновники союзного и белорусского министерств здравоохранения продолжают утверждать: все, мол, в порядке, не надо беспокоиться. Между тем в загрязненных радиоактивностью районах Белоруссии растет заболеваемость, в том числе онкологическая, детская смертность, чаще встречаются врожденные аномалии.

Но республиканское министерство здравоохранения без тени сомнения заявляет, что это никак не связано с воздействием радиации.

— А что показали исследования, проведенные учеными?

— Специалисты Института радиобиологии Академии наук Белоруссии с 1986 года наблюдают за подопытными животными, которые содержатся в специальных пунктах в 30-километровой чернобыльской зоне и в других местах. Исследования подтверждают: радиоактивное воздействие вызывает изменения в крови, иммунной, сердечно-сосудистой и других системах. Причем не только у животных, находящихся в зоне Чернобыля, но и за сотни километров от нее.

Проводились, разумеется, и многочисленные обследования людей, изучались также ткани умерших. Результаты неутешительные: даже малые дозы

радиации оказывают пагубное воздействие на человека, ослабляют его иммунные силы. Организму становится трудно защититься от самого банального гриппа, не говоря уже о более серьезных заболеваниях. Особенно чувствительны к воздействию радиации дети.

Профессор М. Павлова, которая руководит республиканским гематологическим центром в Минске, где лечат детей, больных лейкемией, заявила недавно в местной прессе, что «до аварии в Чернобыле к нам поступали один-два ребенка за полгода. Теперь — каждую неделю по несколько человек. Возросла смертность... Мы с вами доживем свой век, дети наши частью тоже, а вот многим внукам уже не придется». На такую информацию до последнего времени в местных газетах существовало табу. До 1989 года конференция по радиобиоло-

гическим проблемам Чернобыля мы проводили в нашей академии при отключенных в зале микрофонах: а вдруг кто-нибудь подслушивает?

Три года после аварии население не имело представления о ее последствиях. Люди не знали, каков уровень радиации в их деревне, городе, районе, чем это грозит. «Вы в безопасности», — убеждали народ руководитель Госкомгидромета СССР Ю. Израэль, вице-президент Академии медицинских наук СССР Л. Ильин, заместитель министра здравоохранения СССР А. Кондрусев, бывший министр здравоохранения Белоруссии Н. Савченко и сменивший его В. Улащик. Только в прошлом году белорусское правительство под давлением общественности рассекретило карту радиационной обстанов-

CODE:

ITEM: LO00027 - 02

JAKOREWAA

05-APR-1990 10:02:12

ПОСЛЕДСТВИЯ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ:
ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ ЛЮДЕЙ ЖИВУТ В ОСОБО ОПАСНЫХ РАЙОНАХ, ИХ
НЕОБХОДИМО БЫЛО НЕМЕДЛЕННО ЭВАКУИРОВАТЬ, НО ЭТОГО НЕ СДЕЛАЛИ

"Рабочая газета", 25.3.90, стр.1

ки на территории республики. Почти треть ее загрязнена радионуклидами: ведь на Белоруссию осело примерно 70 процентов всей выброшенной Чернобылем радиоактивности.

— Сколько же людей проживает на пораженных землях?

До двух миллионов человек — пятая часть населения республики. Причем десятки тысяч людей живут в особо опасных районах, их необходимо было немедленно эвакуировать, но этого не сделали.

Руководство республики проигнорировало настойчивые рекомендации авторитетных специалистов нашей академии, прислушивалось лишь к оптимистичным заверениям министерства здравоохранения. Этому ведомству предоставлено монопольное право решать судьбу многих тысяч людей. В научных учреждениях министерства изобрели 35-бэровую концепцию, суть которой сводится к следующему: если человек за 70 лет жизни набирает дозу облучения менее 35 бэр, то он может спокойно жить на этой территории. Если, по расчетам, набирается доза, превышающая этот показатель, то людей надо отселять. И такая концепция выдвигается в то время, когда большинство ученых в мире считают, что небезопасно любое, даже самое незначительное воздействие радиации. Тем более если радиоактивный пресс действует постоянно, как в нашем случае.

Кроме того, авторы концепции совершенно не учитывали, сколько бэр люди уже «схватили» за счет радиоактивного йода в первое время после аварии, сколько радиоактивной «грязи» поглощает человек с продуктами питания — это самое опасное. Ведь приходится потреблять мясо, молоко, овощи, произведенные на загрязнен-

ных землях: других продуктов просто нет. Это только в бумагах писалось, будто бы в пострадавшие районы завозится «чистое» продовольствие. Где его взять при нашем дефиците?

Словом, людей заставляли жить там, где жить нельзя. Нет сомнения, что это делалось в угоду экономическим и, конечно, политическим интересам. Должностные лица дезинформировали население с первых дней после аварии и не приняли срочных мер, что привело к тяжелым последствиям, ликвидировать которые уже невозможно. Они боялись и боятся признать это, ибо придется нести ответственность.

— Как же решить проблемы, связанные с последствиями чернобыльской аварии? Что предлагают ученые республиканской Академии наук?

— Мы с самого начала выступали против бесчеловечной концепции министерства здравоохранения. Наша точка зрения не требует каких-то научных доказательств: если на территории невозможно получать «чистую» сельскохозяйственную продукцию, опасно ходить в лес за грибами и ягодами, купаться в реке, если здесь существует угроза здоровью человека, то люди вправе уехать, и государство обязано компенсировать им потери. Нас обвиняли, что мы сеем панику, накаляем страсти. И только после третьей годовщины Чернобыля, когда тысячи людей перестали молчать, вышли на улицы со своими справедливыми требованиями, когда по Минску и другим городам республики прокатилась мощная волна митингов и демонстраций, только тогда правительство поняло, что совершило ошибку.

На основании наших рекомендаций в конце 1989 года

была разработана и начала осуществляться государственная программа по ликвидации в Белоруссии последствий чернобыльской катастрофы. В 1990 году из наиболее загрязненных районов будут переселены 7,5 тысячи семей. Многим другим, к сожалению, придется ждать будущего года. Предстоит также организовать качественное медицинское обслуживание и оздоровление пострадавшего населения. На это, по предварительным расчетам, потребуются 17 миллиардов рублей, иностранная валюта, необходимая для приобретения медицинского оборудования. Таких средств у республики нет. Сколько нам будет выделено из союзного бюджета, пока неизвестно.

Общественность республики настаивает на том, чтобы союзные органы, и прежде всего атомное ведомство, компенсировали Белоруссии и ее гражданам нанесенный Чернобылем ущерб. Все сильнее звучит и требование демократических сил, в частности Белорусского народного фронта, о необходимости создания парламентской комиссии по расследованию действий должностных лиц, виновных в создании секретности вокруг чернобыльской аварии, замалчивании истинных ее масштабов и сознательном непринятии мер по обеспечению безопасности населения.

Я, как народный депутат СССР, поддерживаю это требование и надеюсь, что в скором времени такая комиссия будет создана. Преступление против собственного народа не может остаться безнаказанным.

И. ГЕРМЕНЧУК,
корреспондент АПН.

CODE: ЧЕРНОБЫЛЬ

ITEM: ЧЕРНОБЫЛЬЦЫ УЗБЕКИСТАНА ВЗЫВАЮТ О ПОМОЩИ : "НЕКОТОРЫЕ УЖЕ УМЕРЛИ, ТАК И НЕ УВИДЕВ ХОРОШЕЙ БОЛЬНИЦЫ"

Эхо Чернобыля

КОМСОМОЛЕЦ УЗБЕКИСТАНА
30 марта 1990 г.

2

Такого объемного письма к нам в редакцию еще не приходило. Его отправитель склеил несколько конвертов и только таким образом уместил внутрь свое послание.

Елена ВЕРИНА.

«Обращается к вам Луценко Владимир Степанович. Я простой рабочий — бондарь-пиклорамщик. Родился и вырос в Ташкенте. Мне 38 лет. Вы прекрасно знаете, что случилось в апреле 1986 года на Чернобыльской АЭС. И туда были посланы мы, узбекистанцы, представляли многих национальностей. Призывались через военкомат:

С 3 мая 1987 года я со своими товарищами из Намангана, Бухары, Коканда участвовал в ликвидации аварии на Чернобыльской атомной электростанции. Мы работали в особо опасной зоне.

А сейчас о нас забыли. И никому нет дела до нас. Работали мы неплохо, свой воинский и гражданский долг выполняли добросовестно. Я лично получил десять почетных грамот, а взвод командиром которого я был назначен, — 112 поощрений.

До Чернобыля я был здоров. Прошло два года восемь месяцев. За этот период я проваля в больницах 20 месяцев. С большими скандалами попадаю в хорошие больницы. В Москву и Киев. Но мои ре-

бята из дальних кишлаков и этого не видят. Несколько из них уже умерли, так и не увидев хорошей больницы. И их дети не получают за них пенсии. Потому что они не смогли доказать, что заболели из-за участия в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

Я обращался в ноябре 1989 года в ЦК Компартии Узбекистана, в Минздрав УзССР. Но ответа так и не получил. Пишу второй раз во все инстанции.

Прошу вас помочь нам — чернобыльцам Узбекистана — пересмотреть отношение правительства республики и нам, помочь создать Республиканский союз «Чернобыль». 26 апреля хотят организовать субботник. Но я боюсь, что эти средства уйдут в бюджет Союза ССР. Ведь наши ведомства молчат, значит у нас все хорошо. Но это далеко не так. Сотни людей болеют. С работы их гонят — кому нужны при дозрасчете инвалиды! Многие нуждаются. Прошу вас, помогите...»

Кроме этого письма, в конверте оказались копии писем, которые Владимир Степанович отправлял в юридический отдел ВЦСПС, в

ЦК КПСС, в Президиум Верховного Совета СССР, в Министерство обороны СССР. В частности, в них поставлены такие вопросы: «Слышал про одну хорошую инструкцию — когда я нахожусь на больничном, то за мой больничный лист платят две тарифные ставки. Прошу это разъяснить...»

Почему даже Московскому институту радиологии РСФСР не дано право помочь в инвалидности?»

Ответы на свои вопросы Луценко пытался получить из самых высоких инстанций, обращался в центральные газеты и журналы, на ЦТ. Об этом свидетельствуют четырнадцать уведомлений о вручении почтовых отправлений!

О помощи взывает каждое. И вот какие ответы приходят. К примеру, из Верховного суда СССР: «Сообщается, что Верховный суд СССР рассматривает жалобы на конкретные судебные решения. За разъяснением по правовым вопросам вам следует обратиться в юрконсультацию коллегии адвокатов по месту жительства». Из газеты «Правда»: «По вопросу о пенсии вам надо обратиться в Министерство соцобеспечения».

Любопытная копия, полученная Луценко из Прокуратуры СССР. Здесь сообщается о том, что и третью его жалобу направили прокуро-

CODE: ЧЕРНОБЫЛЬ

ITEM: ЧЕРНОБЫЛЬЦЫ УЗБЕКИСТАНА ВЗЫВАЮТ О ПОМОЩИ : "НЕКОТОРЫЕ УЖЕ УМЕРЛИ, ТАК И НЕ УВИДЕВ ХОРОШЕЙ БОЛЬНИЦЫ"

ру Н-ской военной части о невыдаче надлежащих документов, подтверждающих участие в ликвидации аварии на ЧАЭС для установления профессионального заболевания. Правда, в приватке просили оказать максимум внимания разрешению жалобы.

..Написала это слово «жа-роба», и что-то заставило остановиться. Нет, не уни-зительно-просящими долж-ны по идее называться все письма, запросы Луценко. Другим — нормальным сло-вом, которого, к сожалению, в нашем лексиконе нет. Раз-ве нормальна сама жизнь этого человека, сломленная в одночасье жестокой сти-хийей? Тогда обстоятельства были выше людей. И все за-стилало одно короткое, как выстрел, слово — надо. А теперь преступно не воз-нести человека над ними, над обстоятельствами.

При желании могу в до-статке воспользоваться рез-

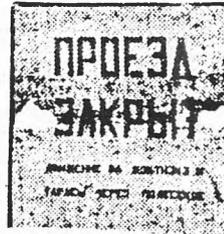
кими обличительными слова-ми, их пока в языке хвата-ет! Да разве не устали мы от них? От говорильни — когда необходимо: патети-чески высокой, и когда не-потребно: услужливо блудли-вой типа: оно, конечно, но если бы как что, не пото-му что, дескать, например, а что касается вообще-то со-вершенно буквально! Гени-альное творение, жаль, ав-тор неизвестен.

Готовя письмо к пуб-ликациии, я узнала о нефор-мальном объединении «Чер-нобыль», которое есть у нас в Ташкенте. Думаю, знаком-ство с его членами помо-жет во многом разобраться.

А пока точу обратиться к «чернобыльцам», проживаю-щим в нашей республике, — откликнитесь, расскажите о том, как складывается ва-ша жизнь сейчас, с какими трудностями сталкиваетесь вы!

КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР

Газета была уже почти сделана, когда сотрудники нашей редакции прочли номер «Вечернего Ташкента» за 23 марта с. г. На третьей странице «Вечерка» опубликовала материал работника Ташкентского облсовпрофа Ф. Мирталимова «Льготы участникам ликвидации последствий аварий на Черно-быльской АЭС». Всем, кого интересует этот вопрос, реко-мендуем прочесть материал в «Вечернем Ташкенте».

— Боль Чернобыля

Туча с черным крылом

К ЧЕТЫРЕХЛЕТИЮ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ

- СЛАВУТИЧ - ГОРОД БЕЗ БУДУЩЕГО
-"Рабочая трибуна" от 25.4.90
- ГОРЬКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ. ОПУСТЕЛО СЕЛО В 300 км
от Чернобыля
-"Рабочая трибуна" от 26.4.90
- ОТМЕЧАЕТСЯ ЧЕТВЁРТАЯ ГОДОВЩИНА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ.
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ТЕЛЕМАРАФОН
-"Рабочая трибуна" от 26.4.90
- РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР.
КАРТЫ РАЙОНОВ, ПОРАЖЕННЫХ ЦЕЗИЕМ-137,
СТРОНЦИЕМ-90 и ПЛУТОНИЕМ 239+240.
-"Вечерний Киев" от 20.4.90

7

9-27

СП

Чернобыль

СЛАВУТИЧ — ГОРОД БЕЗ БУДУЩЕГО (1)

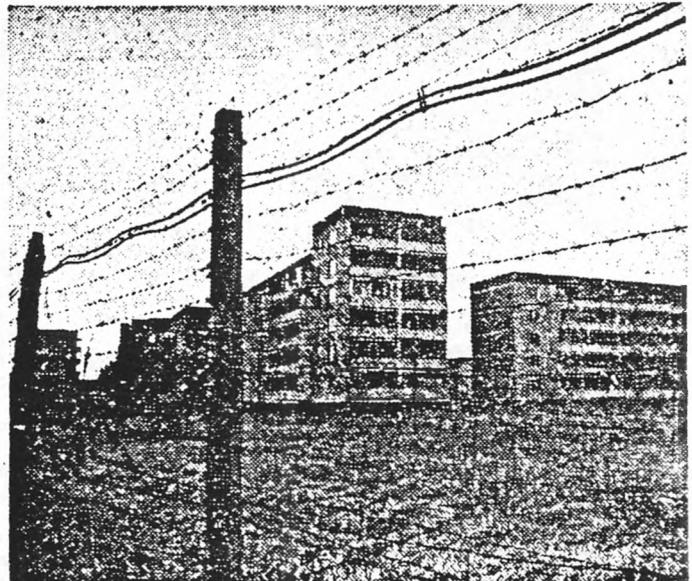
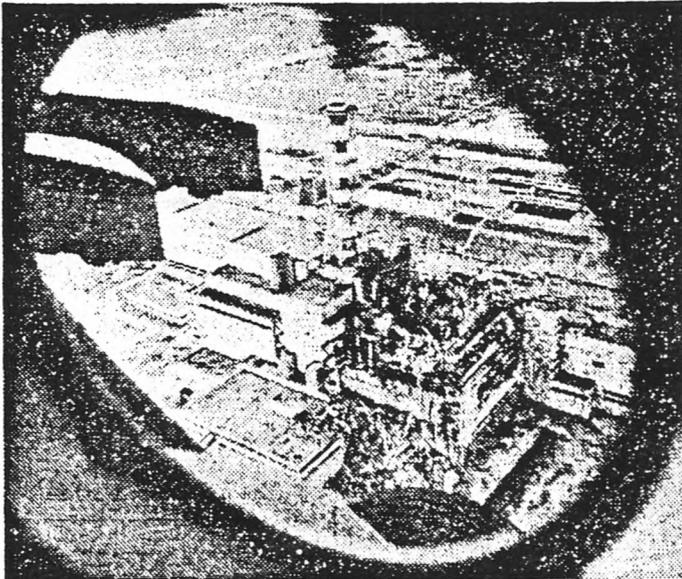
Рабочая трибуна. 25 апреля 1990 г.

стр 1-2.

— Боль Чернобыля —

Туча с черным крылом

Весть о страшной трагедии застала меня в дороге. На перроне маленькой польской станции с плакатами, яйцами и еще с чем-то стояли крестьяне. Поезд они, правда, не забросали, но выкрикивали: «Пусть Советский Союз ответит...» А за что мы должны ответить, никто из пассажиров не знал. Только в Варшаве нам рассказали, что у нас где-то что-то взорвалось и страшное облако движется на северо-восток и уже захватило часть Польши. Теперь крестьяне не смогут продавать зараженные продукты. В Чехословакии тоже знали о трагедии. Объявили, что в стране радиационный фонд в норме. Но на всякий случай снизили цену на зелень и рекомендовали тщательно мыть овощи и кипятить молоко.

Только на четвертый день мы узнали о трагедии: апрельской ночью произошла крупнейшая авария на АЭС, расположенной в 14 километрах от полесского города Чернобыль. Только на Украине радиоактивному загрязнению подверглось тогда около пяти миллионов гектаров земли, из них 3,5 миллиона гектаров — сельскохозяйству. Шесть областей республики в

той или иной мере оказались под радиационным излучением.

Какова сегодня ситуация на станции, в 30-километровой зоне и прилегающих к ней районах?

Научно-производственное объединение «Припять» продолжает дезактивационные работы. Специалисты наблюдают также за состоянием грунтовых вод, осуществляют надзор за гидротехническими сооружениями, поймами протекающих по этой территории рек, проводятся захоронения радиоактивной грязи. Намечается строительство завода по переработке радиоактивных веществ, скопившихся в зоне.

Сейчас на Чернобыльской АЭС работают три блока, которые обслуживают 596 человек. Продолжаются исследовательские работы на четвертом блоке. Выводы ученых говорят о том, что цепная реакция здесь невозможна. Но, несмотря на это, идут работы по укреплению

внутренних конструкций блока.

Чернобыльская туча накрыла своим крылом и многие области Белоруссии и России. Из зараженных районов идет расселение людей в безопасные места. Очень трудный этап. Необходимо найти незараженные земли, построить новые поселки, создать хозяйства, предприятия, где бы могли работать переселенцы. А сколько тех, особенно детей, которые «хватали» хоть немного радиации. Они больны. Их необходимо лечить, лечить самыми современными методами.

Страшно и больно смотреть на результаты происшедшей трагедии. Это все служит напоминанием о том, к чему может привести вышедший из-под контроля атом.

На снимках: так выглядел в апреле 86-го четвертый блок АЭС; мертвый город Припять; патруль у въезда в тридцатикилометровую зону в украинское село Владимировка.

Рассказ о сегодняшнем дне нового города Славутич читайте на 2-й странице.

CODE / ITEM:

Чернобыль

СЛАВУТИЧ - ГОРОД БЕЗ БУДУЩЕГО (2)

Рабочая трибуна. 25 апреля 1990 г.

Болъ Чернобыля

стр 2

ГОРОД БЕЗ БУДУЩЕГО?

С высоты птичьего полета Славутич похож на сказочный городок. Из зеленой чащи вдруг вырастают белоснежные свечки высотных зданий, россыпь островерхих коттеджей, прямые бульвары, уютные лужайки... Грабы, ягоды растут прямо под ногами — живи и радуйся. Так и в задумали город архитекторы. Но жизнь вносит сари, порой жесткие коррективы в планы людей, совсем недавно переживших ужас Чернобыля. Не получается рай в Славутиче.

БЕСЕДУЕМ в кабинете исполняющего обязанности председателя горисполкома В. Жигалло. Заботы у здешних исполкомовцев, как и повсюду: квадратные метры, благоустройство, соцкультбыт... За три михуших года строители почти выполнили программу-минимум: васелено пять с половиной тысяч квартир, есть торговые центры, дом быта, кинотеатр. Правда, остался дождок в 30 тысяч квадратов жилья, да медицинскую базу никак не докончат. Минстрой УССР кивает на Минатомэнергпром СССР: мол, не дали ресурсов, потому и договор не заключаем. А ведь на этот год выделено 36,6 миллиона рублей госкапвложений. Надо еще соорудить школу, детсад, Дом культуры, спортивный центр. С будущего года начнется второй этап возведения города, рассчитанного уже на 30 тысяч жителей, тогда как сегодня прописано около двадцати. Шутка ли, на квартучете стоят 700 работников станции — треть всей очереди по городу.

В общем, все как у людей. Но чувствуется в разговоре какая-то недосказанность. Она витает в воздухе, вносит сумятицу в мысли. А надо ли строить? Зачем вообще этот город? Уж не появился он и впрямь, как в сказке, чтобы потом бесследно сгнить?

Славутич оказался «посаженным» в самое загрязненное радиацией место во всей округе, в самый его центр.

Как это случилось, никто до сих пор толком объяснить не может. Местность не раз обследовали. В августе 1986-го появилось письмо, подписанное тогдашним министром здравоохранения СССР С. Буренковым и председателем Госкомгидромета СССР Ю. Израэлем, о том, что никаких ограничений на проживание здесь нет, в том числе и для детей, можно разводить и подсобное хозяйство. Через год пришло повторное письмо, уже за подписью нового министра здравоохранения СССР Е. Чазова и того же Ю. Израэля, подтверждающее — жить можно. А ведь с самого начала о «грязи» знали специалисты — она звенит там с первых часов аварии и по сей день.

Как ни странно, первыми забили тревогу не атомщики, а лесники. Это они обложили город шлакбаумами и предупреждающими табличками. По своей инициативе санэпидслужба и работники АЭС начали делать замеры на улицах, в квартирах, но на самодеятельных дозиметристов зашикали: есть официальные данные, чего не в свое дело суется? Нечего людей будоражить.

Спрашиваю у главврача санэпидстанции Н. Чабана, кто давил. Смеется: хочу, говорит, еще поработать, меня уже дважды увольняли. Попытки доложить обстановку наверх пресекались на корню — ведомства ревностно оберегали свои тайны. И лишь когда секреты понемно-

гу стали просачиваться, общественность подняла свой голос, было принято решение о дезактивации Славутича. Только за прошлый год сняли более двухсот тысяч кубов грунта и столько же завезли, аатратили свыше 50 миллионов рублей.

И все же с какой стороны ни посмотри, как ни драй город, хоть до блеска, дамклов меч радиации будет вечно висеть над ним. Леса вокруг не вырубить, на чистку их, по предварительным подсчетам, нужно еще полсотни миллионов рублей, однако и это мало что даст.

Словом, куда ни кинь, всюду клин. И хотя лес огорожен проволокой, но с ветром, водой радиоактивные частицы все равно будут попадать в город. А ведь, кроме известных здесь изотопов цезия и стронция, в выбросах найден и плутоний с периодом полураспада 24 тысячи лет! Многочисленные комиссии ученых лишь составляют протоколы да шлют рекомендации: туда нельзя, сюда нельзя, ходить только по тропкам, зелень у населения без проверки не покупать, садовые участки возделывать по специальным технологиям и т. д.

Назвать это нормальной жизнью язык не поворачивается. Иные теоретики из союзных АМН и Минздрава пытались успокоить общественность, даже разработали уникальную по бесчеловечности концепцию «безопасного проживания в опасных условиях», согласно которой 35 бар за жизнь и 40 юрия на один квадратный километр — сухие пустыни для человека.

CODE / ITEM:

Чернобыль

СЛАВУТИЧ — ГОРОД БЕЗ БУДУЩЕГО (3)

Правда, до сих пор никто из них не сказал, каково влияние на организм малых доз радиации и как распределять изотопы среди младенцев и школьников.

Как и следовало ожидать, правительство Украины, неконъюнктурные ученые, общественность эту теорию поставили под сомнение. Принято решение о включении в зону жесткого радиационного контроля более 1.500 населенных пунктов из пяти областей и обеспечения большой категории их жителей дополнительными льготами: права выезда и постановки на учет с первоочередным получением жилья на территории всей республики, кроме Киева и курортных мест, выплаты на каждого члена семьи по 15 рублей ежемесячно для покупки чистых продуктов, сокращения на пять лет трудового стажа и прочее.

К слову, в Славутиче я не заметил сильной радиофобии. Видимо, сказались врожденное презрение атомщиков к постоянному риску. А уж на них глядя, и другие жители не поддались панике — разве что чаще стали делать уборки в квартирах да шепотливей относиться к продуктам. Тем более что найти дозиметр в городе не проблема. Волнует людей другое. Все окружающие села — Неданчица, Мекшувовка, где выделены участки под дачи, Редьковка, Червона Гута, Комаровка, Грабовка — подпали под действие названного постановления правительства и получают льготы, а Славутич — нет.

Однако как быть тем, кто хочет выехать? Квартиры здесь ведомственные, и распоряжаться ими по своему усмотрению могут только проработавшие на станции не менее десяти лет. Остальные же обменяться не имеют права, даже если бы нашли вариант — как ни странно, но есть желающие пожить в «грязи» и раньше выйти на пенсию, получать льготы. Наконец, нужно официально раз и навсегда определиться: есть в Славутиче хоть малей-

шая опасность для проживания или нет? Если есть — ставьте город в соответствующую категорию с положенными надбавками, если нет — скажите об этом и обоснуйте. Нынче на мякине ничего не проведешь.

Подлило масла в огонь и последнее, февральское решение старого состава Верховного Совета СССР о закрытии Чернобыльской АЭС к 1995 году. Бесспорно, решение похвальное, хоть и запоздалое. Но ведь на станции три сотни молодых специалистов, тысячи людей недавно получили прекрасные квартиры, каждый строит свои планы на будущее.

Только как быть, если не станет станции-кормилицы? В городе и без того остро стоит проблема с трудоустройством членов семей персонала АЭС. Конечно, запросто станцию не остановишь, да и после остановки еще долго придется обслуживать блоки. К тому же, после аварии было поручение Н. Рыжкова продумать размещение здесь молокоперерабатывающего производства, цехов по сборке измерительных приборов. Но когда оно сбудется и сбудется ли вообще? Неопределенность нервирует людей, вносит напряженность в нелегкую жизнь Славутича.

— Атмосфера в городе накалена, — говорит первый секретарь горкома партии В. Лукьяненко. — Население расслоилось по интересам, каждая группа добивается своего. На собраниях, митингах чуть ли не до истерик ходит.

В справедливости этих слов я убедился очень скоро. Председатель общества «Припятъ» учительница Л. Павлова-Савельева рассказала о многом, с чем ей пришлось столкнуться после переезда сюда. Работникам станции обещали буквально золотые горы, приглашая поменять Киев на Славутич. Многие оставили хорошие квартиры, но здесь их встретили спекуляция, равнодушие. Из того, что собрал страна пострадавшим, они не увидели ничего.

Сто человек и по сей день остаются необследованными. В обеспечения продуктами их оставили в общую очередь, тогда как здоровье у всех оказалось подорванным. Проведенное по собственной инициативе анкетирование выявило только семь процентов здоровых детей. В первом квартале из 16 роженцев трое родили мертвых младенцев, у пятерых обнаружили серьезные заболевания. В разрекламированную поездку пострадавших детей в Израиль из «станционных» не попал никто (к слову, министр здравоохранения СССР Ю. Спирженко на пресс-конференции назвал ее туристической), хотя в Славутиче трое детей болеют острым лейкозом и тридцать — лейкемией, на Кубу поехал лишь один ребенок.

Такая сегодня ситуация в городе. В настроениях людей отразилось все: и изначальная ложь должностных лиц, и неверие в дальние признания, и неповоротливость хозяйственников, и отсталость, растерянность науки, и наша общая доморощенная безалаберность. Но наитяжким прессом давит бесперспективность Славутича, а точнее — незнание: будет ли у города будущее или нет?

Прямого и полного ответа пока никто не дает. А он нужен позарез. И если уж мы сами не в силах ответить, то, смилив гордыню, надо просить научной и материальной помощи извне. Буквально на днях Совет Министров республики обратился к правительствам, общественности зарубежных стран, международных организаций с призывом к сотрудничеству и надеждой на выручку, поскольку чернобыльская катастрофа все больше приобретает планетарный масштаб, я в одиночку с ее последствиями не справиться.

Г. ДОЛЖЕНКО.
[Наш соб. корр.]

СЛАВУТИЧ,
Киевская область.

Чернобыль

ОПУСТЕЛО СЕЛО - В 300 КМ ОТ ЧЕРНОБЫЛЯ

(1)

4 стр. Рабочая трибуна. 26 апреля 1990 г.

ГОРЬКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Беда лишила их неоценимого — отчего дома

Обида и бессилие... И какая-то неведомая ранее, меземная безысходность в глазах этих людей сопровождала нас в течение всей командировки. Нет, мы не были на сей раз ни у стен Чернобыля, ни у черты, откуда видны знакомые нынче всему миру контуры четвертого блока, из чрева которого выплеснулась неслыханная доселе беда.

АТОМНАЯ была где-то далеко в стороне, почти в 300 километрах от нашего маршрута, на Могилевщине. И это расстояние по-своему убедительно и безжалостно напоминало о невиданных масштабах чернобыльской трагедии. Трагедии страшной для человека тем, что понимаешь: ничего ты не можешь поделать, ничего не можешь уже изменить, кроме как покинуть свой родной уголок земли, свою малую родину. Пожалуй, навсегда...

В Веприне — центре колхоза «Октябрь» Чериковского района — нынешней весной уже нет смысла распахивать огороды, некому будет убирать урожай — село переселяется. Кто куда. Молодежь — та легче на подьем: пожитки — в кузов, уезжает без плача. Старикам же тяжелее рвать корни. Бывает, что и не к кому податься. Вот и Анастасия Лукьяновна Янченко сидит на крыльце, сетует на свою незавидную долю. Заместитель председателя райисполкома В. Перменова просит слезно: «Александрович, не хочу я далеко отъезжать. Вы бы мне в Черикове квартиру подыскали...» А для того вопрос трудный: в райцентре жилищная проблема и без переселенцев остра. Между тем на доме Анастасии Лукьяновны пионеры прикрепили красную звезду, чтобы все знали: здесь живет участница войны. Небось сидит она на крыльце под этой звездой и вздыхает. Не кончилось ее лихолетье вместе с той войной.

На снимке: деревня Чудяны Чериковского района.

Фото С. БРУШКО.

Соседи из домов выходили. Также сокрушаются, как свое подворье покидать? Долго стояли, разговаривали — и непривычно было видеть в эту горячую пору в деревне праздного крестьянина.

Жутковато нам стало в соседних выселенных Чудянах. Средний уровень загрязненный здесь по цезию-137 — 146 кюри на квадратный километр. А на одной из лужаек приборы показали ...3 тысячи кюри! Страшно подумать, что здесь не один год жили люди, играли детишки.

Мертвая деревня ждет своего погребения. Вскоре все ее постройки экскаваторы закопают в землю. И станет в окрестностях пусто. Только в памяти бывших жителей останется это название — Чудя-

ны. Такая же участь ждет и расположенную рядом Малиновку — оттуда выселяются последние семьи. Кстати, переезжают в печально знаменитый новый поселок Майский, где радиационный уровень более низкий, но небезопасный. Местническая прижимистость областного руководства (во что бы то ни стало задержать в районах кадры!) дорого обошлась государству: на сооружение

мертворожденных поселков в загрязненных зонах затрачены миллионы и миллионы рублей. Огромные потери на проведении бесплодной дезактивации и на других малоэффективных мероприятиях — тоже урок Чернобыля и тоже дань нашему административно-командному головоулетству.

CODE / ITEM:

Чернобыль

ОПУСТЕЛО СЕЛО — В 300 КМ ОТ ЧЕРНОБЫЛЯ

(2)

Наконец-то придуманная кем-то 30-километровая зона отселения начинает удешевлять свои границы. Только в нынешнем году в Могилевской области предстоит отселить без малого 3 тысячи семей. Материальные издержки при этом «чернобыльцам» компенсируются. Но у каждого из них гвоздем сидит в мозгу мучительный вопрос: почему это решение принимается только теперь, спустя 4 года? Кто виноват, кому предъявить счет? Ученым ли, правительствам ли республики, страны? Или руководителям всемогущих ведомств? Нынче всякий из них готов скрестить шпаги, защищая себя, пытаясь оправдаться в глазах возмущенной общественности. Но уже звучат призывы к проведению парламентских расследований, установлению лиц, причастных к преступному почти трехлетнему засекречиванию радиационной информации. Ведь с чьего-то ведома или указания в первые недели после катастрофы упорно замалчивались данные уровня загрязнений в той же Могилевской области. Тогда говорили: «Не надо вызывать панику». И платили люди здоровьем за чью-то показную беспечность.

В нынешних ошибках и инерции одно бесспорно: людям надо открывать всю правду. Они хотят иметь максимально объективную, точную информацию, они вправе требовать ее. Иначе как избавиться от психологического стресса, постоянного страха и беспокойства перед невидимой угрозой, от мыслей о всевозможных последствиях для здоровья от так называемых малых доз радиации?

В минувшую страшную войну в Белоруссии погиб каждый четвертый ее житель. 4 года назад радиационная завязь накрыла территории, где проживают 2 миллиона 200 тысяч человек. «Чернобыльцем» стал каждый пятый...

Не кощунственно ли утверждать, что ничего такого страшного в послечернобыльский период не происходит? А ведь это пытались сделать 92 ученых-успокоителя в письме на имя Генерального секретаря ЦК КПСС. В том числе и некото-

рые белорусские. Их бы слова да Богу в уши, так прочно говорят в народе.

Около 18 миллиардов рублей потребуется республике, чтобы, увы, не ликвидировать, а хотя бы обезопасить здоровье людей в загрязненных районах (почему-то до сих пор их стесняются объявлять зоной национального бедствия). Сейчас эту программу под увеличительным

стеклом рассматривают различные эксперты в союзном правительстве: не много ли запросили? Для нашей оскудевшей казны, возможно, эта сумма выглядит большой. Но сонмеримы ли рубли, надбавки с той человеческой трагедией, которую переживает каждый из тысяч переселенцев?

...В опустевшей хате, откуда семья Красевых (село Новая Ельня Краснопольского района) вынесла и погрузила на «МАЗ» свои пожитки, родились и выросли шестеро детей. Они также лишились неценного — отчего дома. И внуки Михаила Архиповича и Веры Михайловны сюда уже не придут. Прервалась живая естественная нить, связующая этот род с землей отцов, с могилами предков.

Заглянул я и в свою родную деревушку в Костюковичском районе с причудливым названием Провиденец. Она тоже «в зоне». Здесь людям платят по 30 рублей — «гробовых», как окрестили их еще в 1986-м. Земляки рас-

сказали новости: двое мужиков недавно умерли. В деревне их осталось уже меньше, чем пальцев на одной руке. Местный лесник В. Кукишев не то размышляет, не то вопрошает: как же дальше жить? Молоко под запретом, дары леса — тоже. Рыбу лучше не ловить, за дичью не охотиться. Местные дрова превращают печку в маленький реактор с радиоактивной золой. Видимо, надо уезжать...

Мои земляки — переселенцы «второй очереди». Как-то их и где примут так, чтобы не ранить их душу еще раз?

В. РОЩИН.
(Наш соб. корр.)

Могилевская область.

Гонорар за публикацию автор просит перечислить в фонд помощи пострадавшим от чернобыльской трагедии: 700073, Минск, ОПЕРУ Белреспжилсоцбанка СССР, МФО 40019.

CODE / ITEM:

Чернобыль

ОТМЕЧАЕТСЯ ЧЕТВЕРТАЯ ГОДОВЩИНА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ:
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ТЕЛЕМАРАФОН

Рабочая трибуна. 26 апреля 1990 г. стр 4

Бьет чернобыльский колокол

Сегодня, в четвертую годовщину катастрофы на Чернобыльской АЭС по второй программе Центрального телевидения пройдет 24-часовая передача «Телемарафон Чернобыль». Она воссоздаст хронологию событий первых суток трагедии, расскажет о чудовищных последствиях воздействия радиации на все живое.

«Телемарафон Чернобыль» проводят Советский фонд мира, международный фонд «За выживание и развитие человечества», ВЦСПС, Фонд социальных изобретений и союз «Чернобыль».

Важнейшая задача акции — привлечь внимание советской и зарубежной общественности

к судьбам сотен тысяч людей, ставших жертвами радиации, нуждающихся сегодня в срочном переселении с загрязненных территорий, в квалифицированной врачебной помощи. Часть благотворительного сбора «Телемарафона Чернобыль» будет направлена на осуществление научно-практических разработок, повышающих безопасность эксплуатации АЭС во всех странах мира.

В телепрограмме, которая будет транслироваться из концертного зала «Россия», примут участие видные государственные и общественные деятели, ученые, представители духовенства и творческой интеллигенции, мастера совет-

ского и мирового искусства. Помощь пострадавшим может быть оказана не только денежными взносами, но и организацией медицинского обслуживания, поставками «чистых продуктов» питания, стройматериалов и оборудования для переселенцев. Пожертвования в пользу жертв чернобыльской аварии можно будет сделать непосредственно в концертном зале «Россия» или по телефонам, телефаксам, телетайпам и телеграфу на счет «Телемарафон Чернобыль» (счет 705404 при Правлении ЖСБ СССР, МФО 299093 и счет 70500003 во Внешэкономбанке).

Ю. БОРИСОВ.

C 17

"Вечерний Киев", 20.4.90, стр. 4

КОММЕНТАРИЙ К КАРТАМ

РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА (1)

В РАЙОНАХ УКРАИНСКОЙ ССР, ПОДВЕРГШИХСЯ ЗАГРЯЗНЕНИЮ ВСЛЕДСТВИЕ
АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС

Госкомгидромет СССР совместно с органами Мингео СССР, Министерства здравоохранения СССР, АН СССР, Госагропрома, Гражданской обороны СССР продолжает работы по детализации радиационной обстановки, планомерному систематическому сбору и анализу данных на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению вследствие аварии на Чернобыльской АЭС, а также продолжает комплексное исследование радиоактивности всех природных сфер - земной поверхности, атмосферного воздуха и поверхностных вод суши.

- Полученные данные обсуждались на заседании Межведомственной комиссии по радиационному контролю природной среды при Госкомгидромете СССР при участии представителей всех министерств и ведомств, занимающихся оценкой радиационной обстановки на загрязнённой территории; на ряде заседаний присутствовали представители советских и партийных органов районов, территории которых подверглись радиоактивному загрязнению, а также представители общественности и неформальных организаций, - рассказывает начальник Украинского республиканского управления гидрометеорологии М. П. СКРИПНИК. - Выполненные в 1989 году исследования учреждениями и организациями всех министерств и ведомств, принимающих участие в проведении работ по контролю радиационной обстановки, подтвердили и дополнили ранее широко опубликованные в республиканской и местной прессе данные о радиоактивном загрязнении.

При создании карт использовались данные гамма-спектрометрических и радиохимических анализов проб грунта, выполненных подразделениями Госкомгидромета СССР при участии Госагропрома УССР, Минатомэнерго СССР, Академии наук СССР, Академии наук УССР, Министерства здравоохранения СССР, Минобороны СССР и других министерств и ведомств /всего около 30 организаций/.

При подготовке "цезиевой" карты использовались также данные аэрогаммаспектрометрических с"ёмок, выполненных подразделениями Госкомгидромета СССР. Наиболее подробно и полно при помощи авиационных с"ёмок и наземного пробоотбора обследованы территории

РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА

(2.)

с плотностью загрязнения местности цезием-137 выше 5 кюри на квадратный километр. На отдельных участках с более низкими уровнями загрязнения /особенно 1 Ки/км²/ использовались лишь данные аэрогаммаспектрометрии. Поэтому для повышения достоверности они будут дополняться результатами наземного пробоотбора /в том числе в ходе проводимых обследований при выборе районов расположения посёлков для переселения жителей отдельных сёл/.

Общие площади территорий, загрязнённых цезием-137, по республике составляют при уровнях от 5 до 15 Ки/км² - 1960 квадратных километров, от 15 до 40 Ки/км² - 820 квадратных километров, выше 40 Ки/км² - 640 квадратных километров, в том числе площади с неотселёнными населёнными пунктами соответственно - 1540, 350 и 200 квадратных километров.

Сводные данные, представленные на карте, отражают общую картину загрязнения территории УССР и используются для определения основных зон загрязнения. "Пятнистая" структура загрязнения местности цезием-137 характерна не только для большинства загрязнённых площадей, но и для локальных участков, в частности - территорий населённых пунктов, где в ряде случаев плотность загрязнения в отдельных частях их территорий может отличаться в десятки раз /Ноздрище, Полесское, Коростень и др./.

Поэтому более подробная характеристика, объективно отражающая радиационную обстановку в населённых пунктах, приводится на крупномасштабных картах /которые уже составлены по многим населённым пунктам со сложной радиационной обстановкой/.

На загрязнённых территориях мощность дозы гаммаизлучения на местности ныне обусловлена изотопами цезия-137, цезия-134, церия-144, рутения-106. Основной вклад в мощность дозы в ближней зоне /Киевская, Житомирская области/ делают изотопы цезия-134, 137 - выше 80%. За пределами 30-километровой зоны, на территории "цезиевых пятен" вклад этих изотопов близок к 100 процентам. Причём содержание цезия-134 /период полураспада в загрязнённых районах снизился на срок около двух лет/ в грунтах до 15-20 процентов.

Изучение физических параметров и характера процессов ветрового под"ёма и переноса показало, что вторичное загрязнение местности за счёт этих процессов несущественно и привести к созданию новых зон загрязнения не может. При этом концентрации ингалированных радиоактивных аэрозолей в атмосферном воздухе даже на территориях

РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА

(3.)

с плотностью радиоактивного загрязнения, значительно превышающей установленные критерии, в тысячи раз ниже допустимых значений по нормам радиационной безопасности /НРБ-76/87/. Например, в Припяти и Чернобыле среднегодовая концентрация в 1989 году наиболее опасного при ингаляционном поступлении плутония составляла $4 \cdot 10^{-20}$ Ки/л /допустимые концентрации плутония в воздухе $3 \cdot 10^{-17}$ Ки/л/.

Что касается загрязнения поверхностных вод, то максимальные концентрации стронция-90 и цезия-137 в наиболее загрязнённых водных объектах на территории Украины в 1989 г. составляли в реке Припять /район Чернобыля/ соответственно $4,4 \cdot 10^{-11}$ и $3,6 \cdot 10^{-11}$ Ки/л; в Днепре /район Теремцы/ - $4 \cdot 10^{-12}$ и $1 \cdot 10^{-11}$ Ки/л, район Киева - $0,5 \cdot 10^{-12}$ и $1,0 \cdot 10^{-11}$ Ки/л при допустимых уровнях согласно НРБ 76/87 - $4,0 \cdot 10^{-10}$ и $1,5 \cdot 10^{-8}$ Ки/л соответственно.

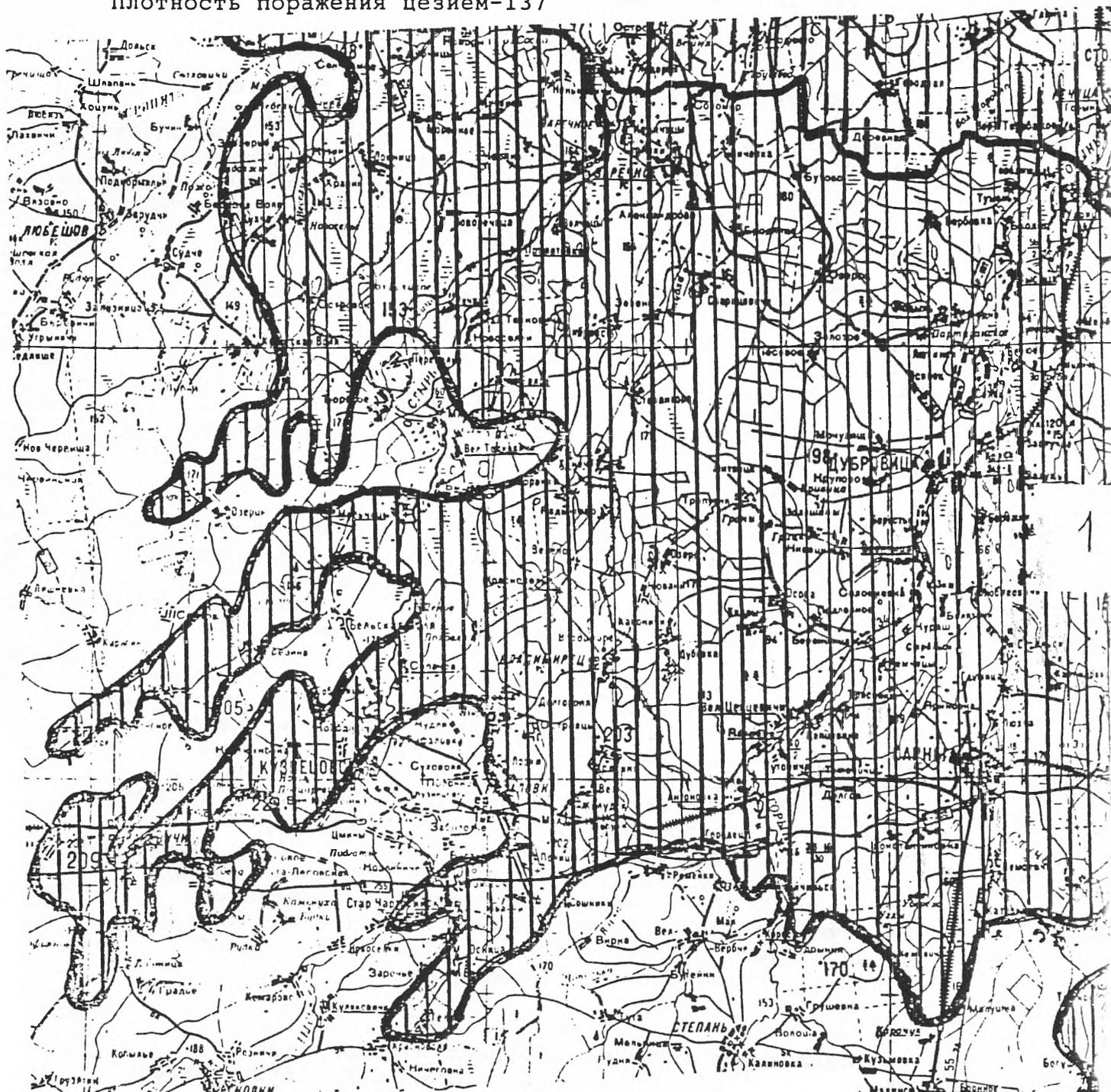
Впоследствии изменения радиационной обстановки на загрязнённых вследствие аварии на ЧАЭС территориях будут происходить в сторону улучшения соответственно процессам распада радионуклидов и их миграции, осуществлению агломелиоративных и дезактивационных мероприятий.

Учитывая, что особую важность для решения проблем обеспечения охраны здоровья населения, проживающего на загрязнённых территориях, имеет точное знание радиационной обстановки, подготовлена специальная программа работ по уточнению и детализации обстановки с привлечением к ним подразделений Мингео СССР, Академии наук УССР, Госагропрома УССР, других министерств и ведомств. Эффективность реализации отмеченной программы во многом будет зависеть от решения Госпланом СССР, Госснабом СССР и Минфином СССР вопросов выделения Госкомгидромету СССР необходимых материально-технических и финансовых средств, в том числе для обеспечения работ соисполнителей программы.

Публикация карт подготовлена отделом науки и образования "ВК" /заведующий - А. И. СИДОРЕНКО, телефон 434-69-40/.

Перевод с украинского.

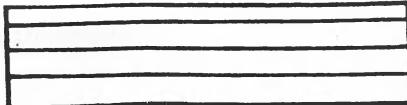
РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА НА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР
 ПО ПОЛОЖЕНИЮ НА ДЕКАБРЬ 1989 года. КАРТЫ.
 Плотность поражения цезием-137 (4)

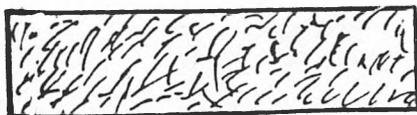
Щільність забруднення місцевості цезієм — 137

1-5 Ки/км²

5-15 Ки/км²

15-40 Ки/км²

>40 Ки/км²

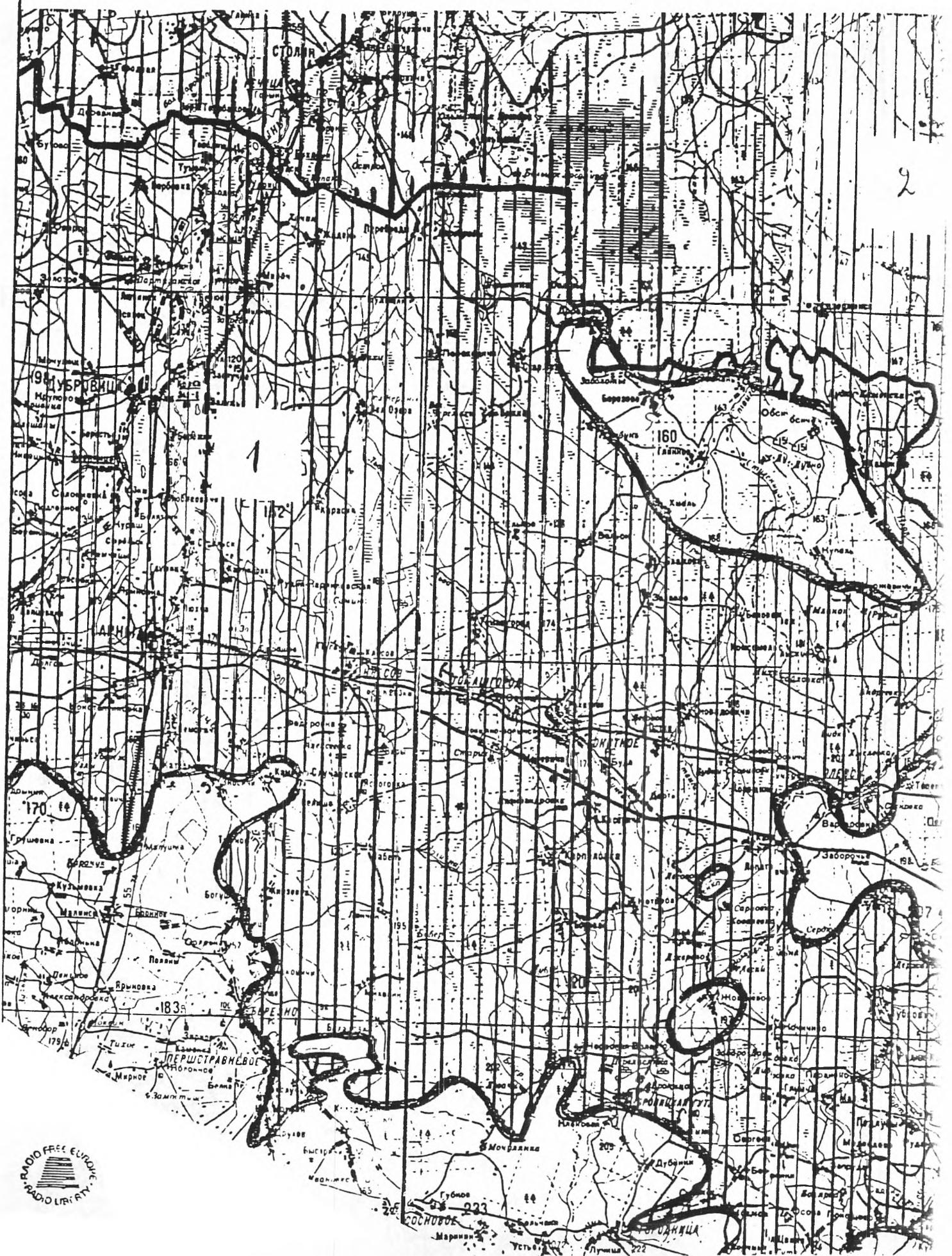

30 км.
 ЗОНА

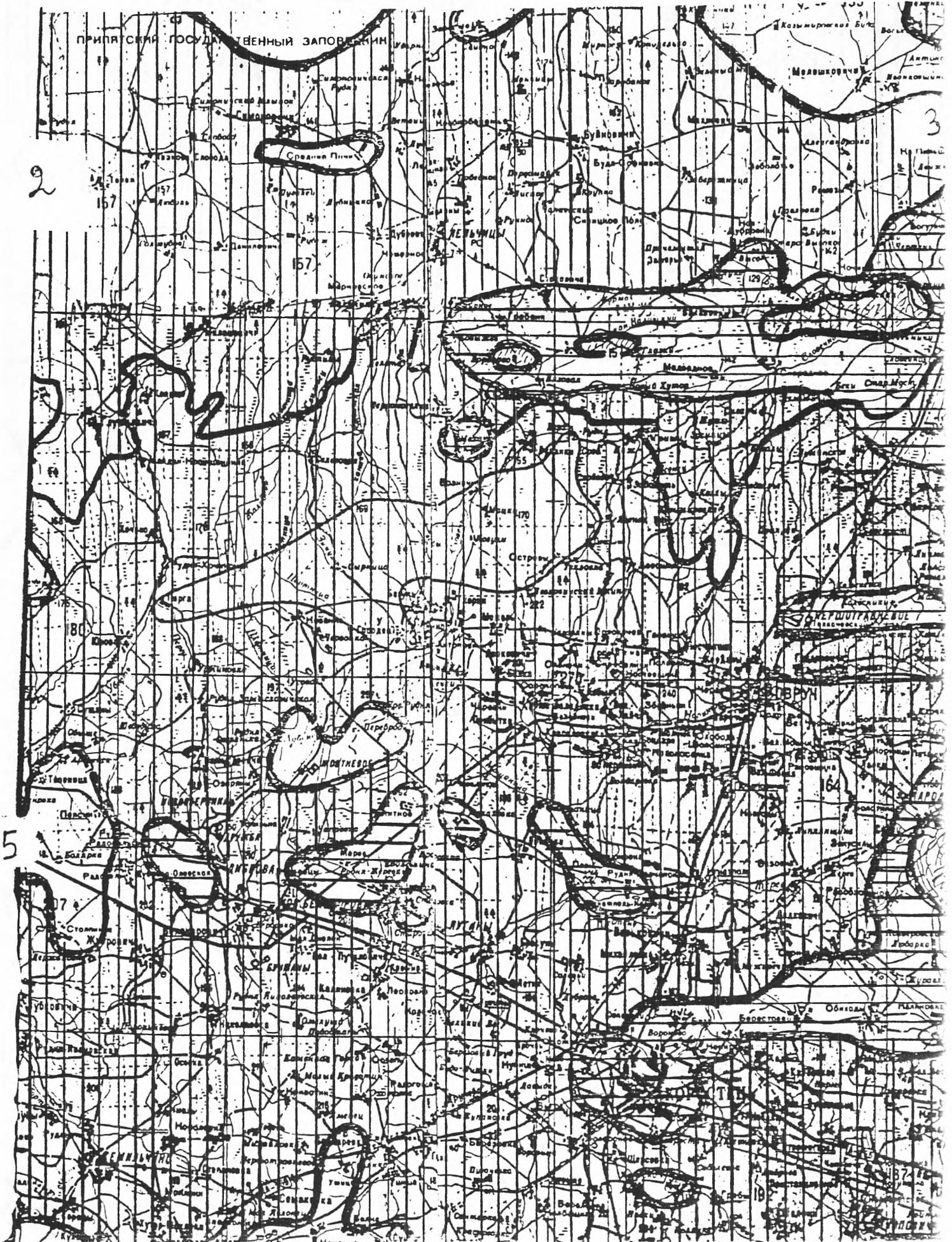
0°

РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА НА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР
ПО ПОЛОЖЕНИЮ НА ДЕКАБРЬ 1989 года. КАРТЫ.
Плотность поражения цезием-137

(5)

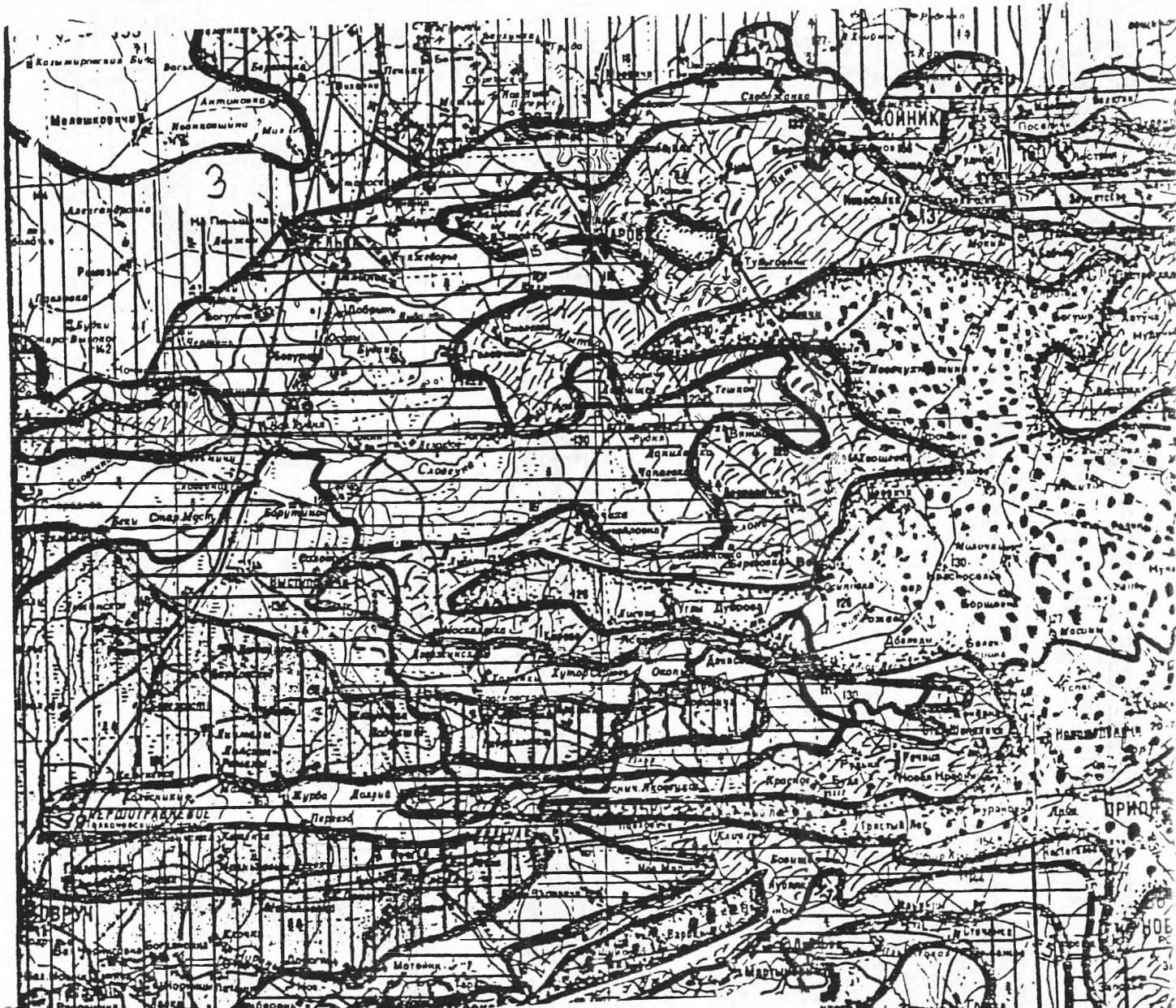
РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА НА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР
ПО ПОЛОЖЕНИЮ НА ДЕКАБРЬ 1989 года. КАРТЫ. (6)
Плотность поражения цезием-137

РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА НА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР
ПО ПОЛОЖЕНИЮ НА ДЕКАБРЬ 1989 года. КАРТЫ.
Плотность поражения цезием-137

(7)

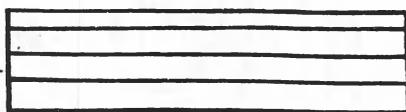
4

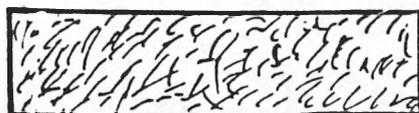
6а Щільність забруднення місцевості цезієм — 137

1-5 Ки/км²

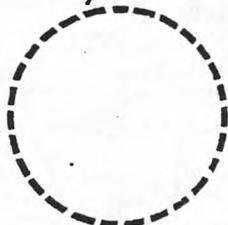
5-15 Ки/км²

15-40 Ки/км²

>40 Ки/км²

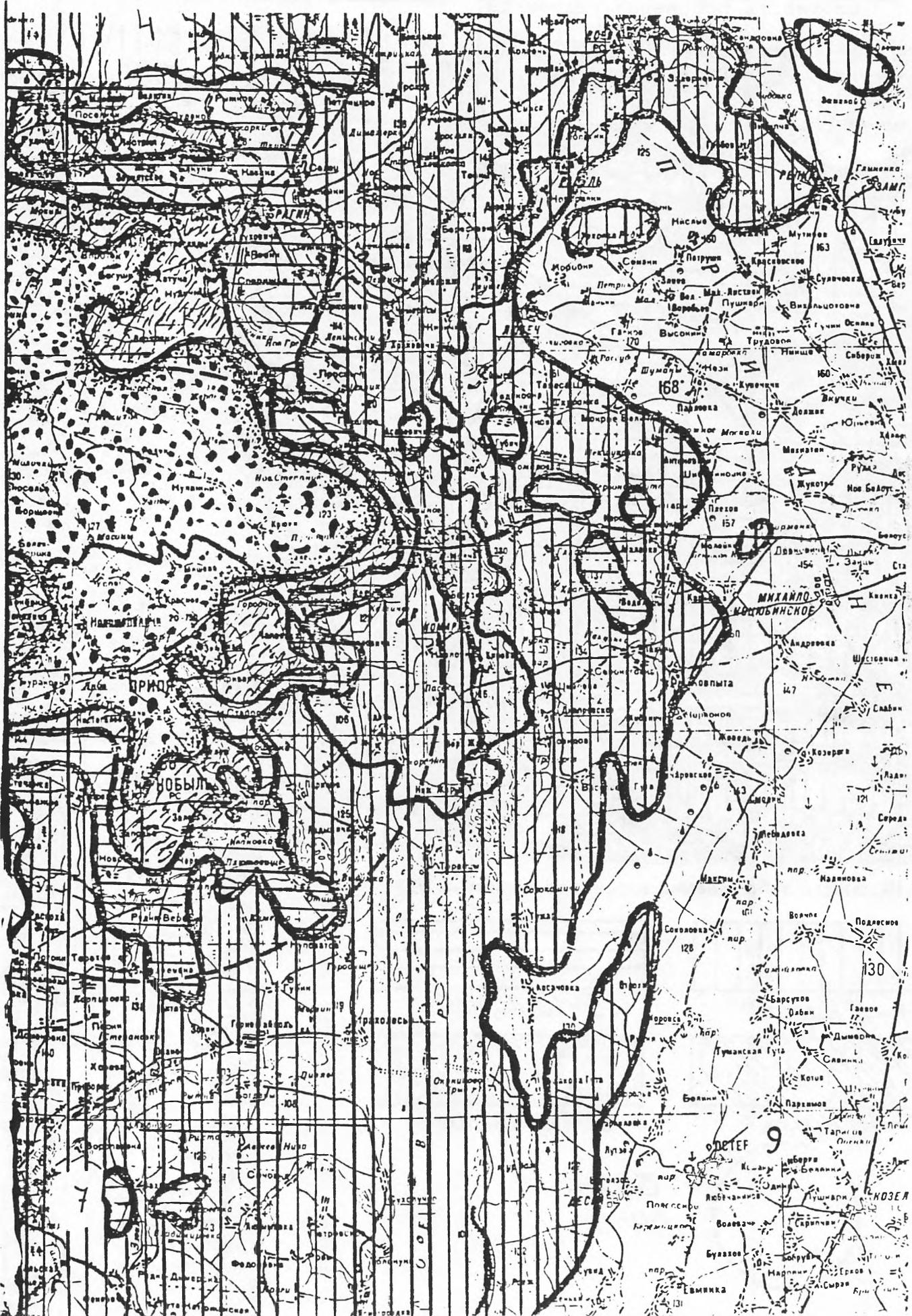

30 км.
ЗОНА

РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА НА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР
ПО ПОЛОЖЕНИЮ НА ДЕКАБРЬ 1989 года. КАРТЫ.
Плотность поражения цезием-137

(8)

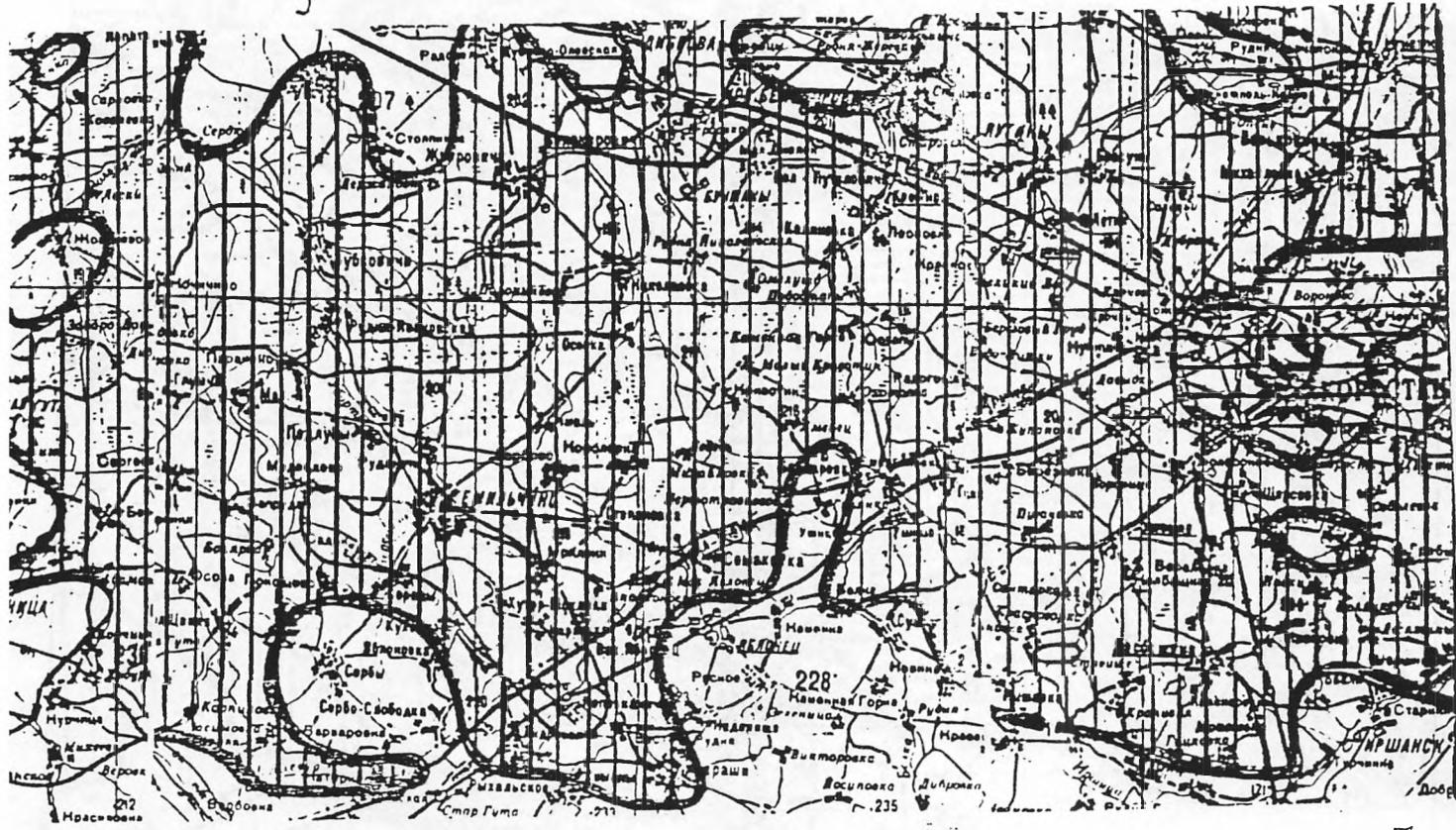

РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА НА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР
 ПО ПОЛОЖЕНИЮ НА ДЕКАБРЬ 1989 года. КАРТЫ.
 Плотность поражения цезием-137

(9)

6

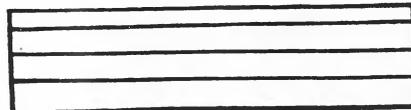
60

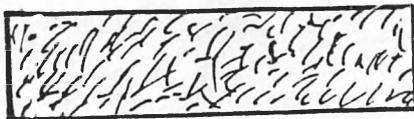
Щільність забруднення місцевості цезієм — 137

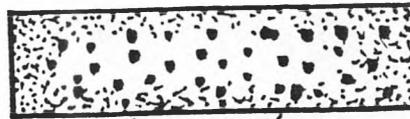
1 - 5 Ки/км²

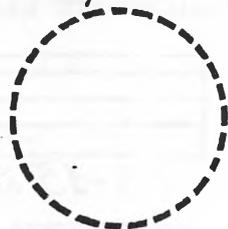
5 - 15 Ки/км²

15 - 40 Ки/км²

> 40 Ки/км²

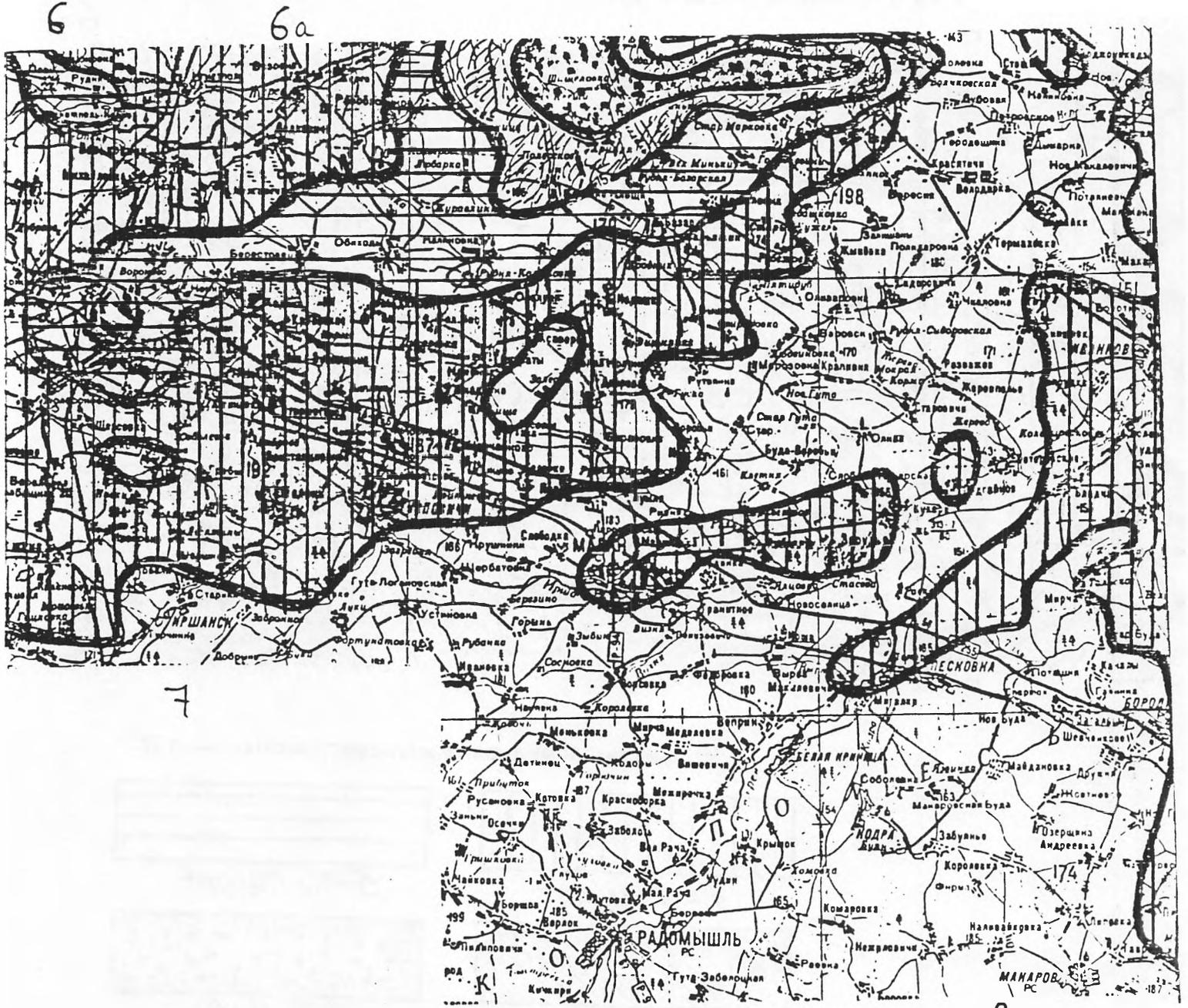

30 км.
 ЗОНА

РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА НА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ ССРС
 ПО ПОЛОЖЕНИЮ НА ДЕКАБРЬ 1989 года. КАРТЫ.
 Плотность поражения цезием-137

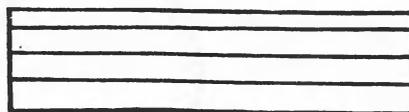
(10)

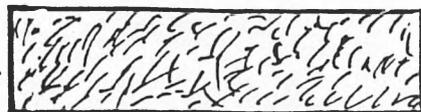
Щільність забруднення місцевості цезієм — 137

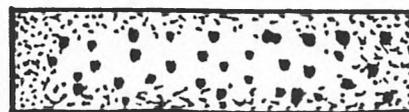
1-5 Ки/км²

5-15 Ки/км²

15-40 Ки/км²

>40 Ки/км²

30 км.
 ЗОНА

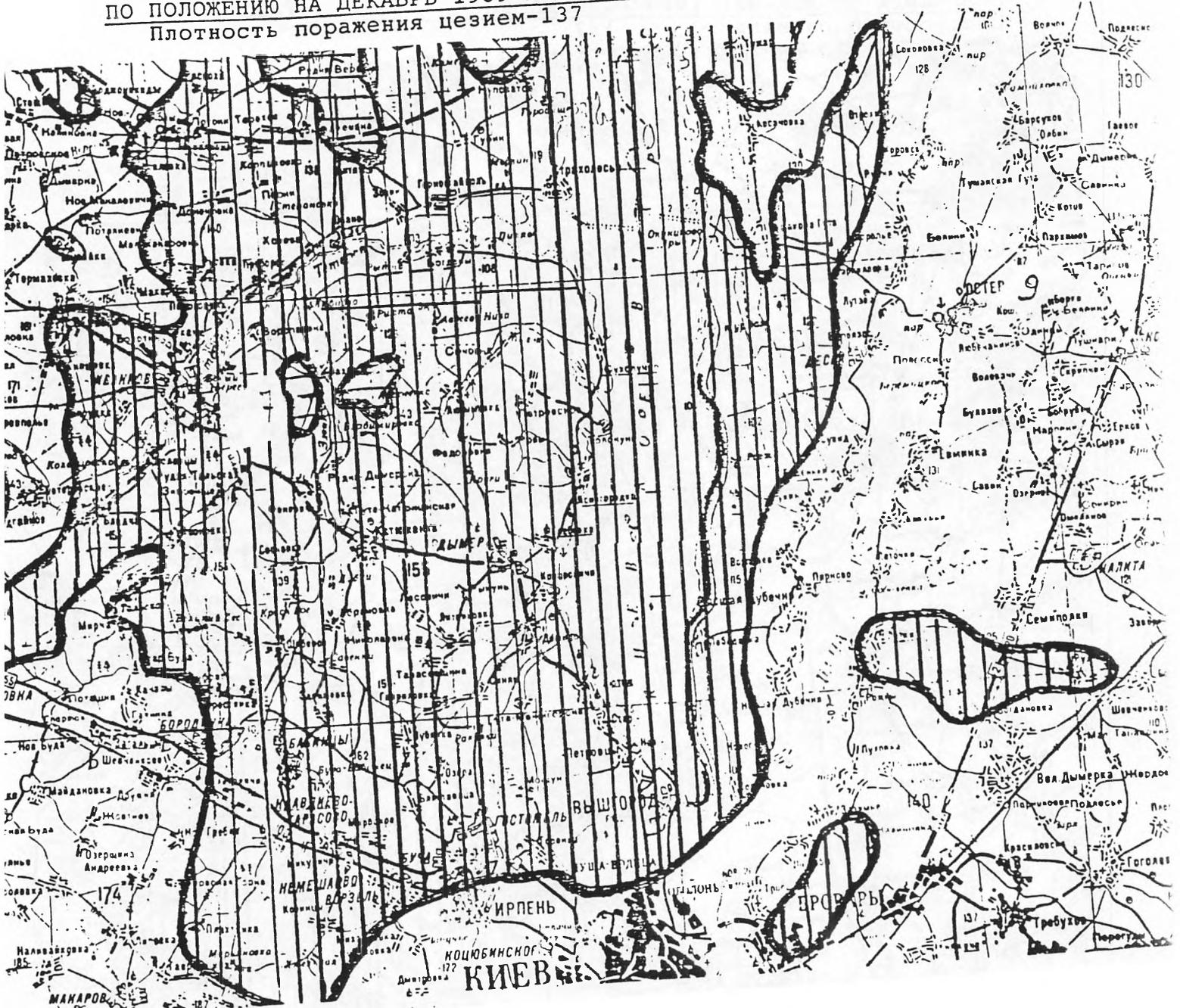
8

РАДИО

CODE / ITEM:

РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА НА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР
ПО ПОЛОЖЕНИЮ НА ДЕКАБРЬ 1989 года. КАРТЫ.
Плотность поражения цезием-137

(11)

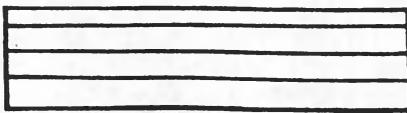

8

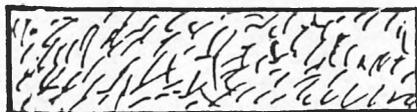
Щільність забруднення місцевості цезієм — 137

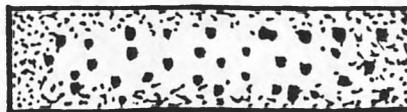
1-5 Ки/км²

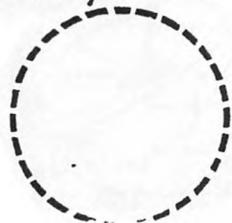
5-15 Ки/км²

15-40 Ки/км²

>40 Ки/км²

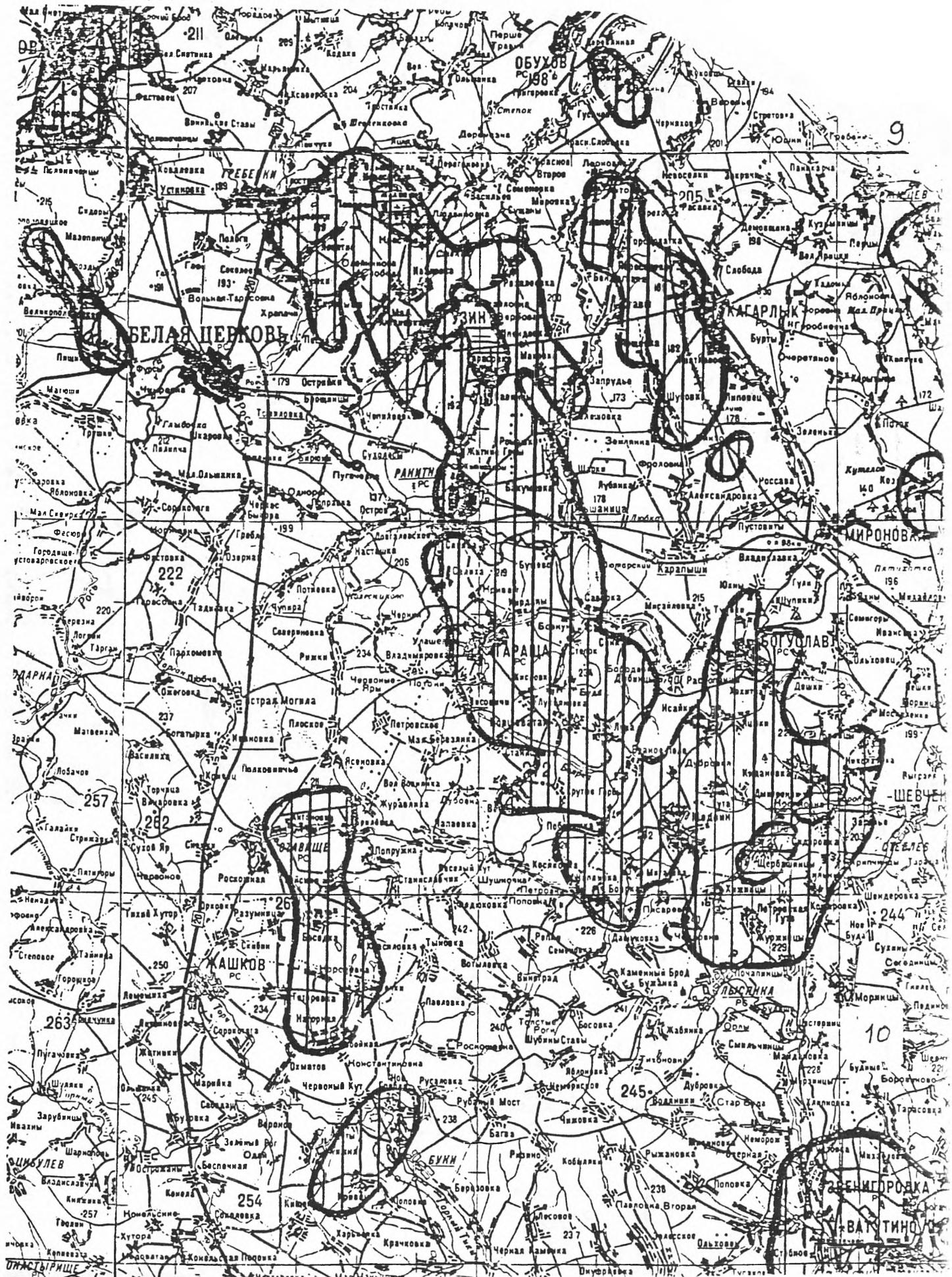

30 км.
ЗОНА

РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА НА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР ПО ПОЛОЖЕНИЮ НА ДЕКАБРЬ 1989 года. КАРТЫ.

(12)

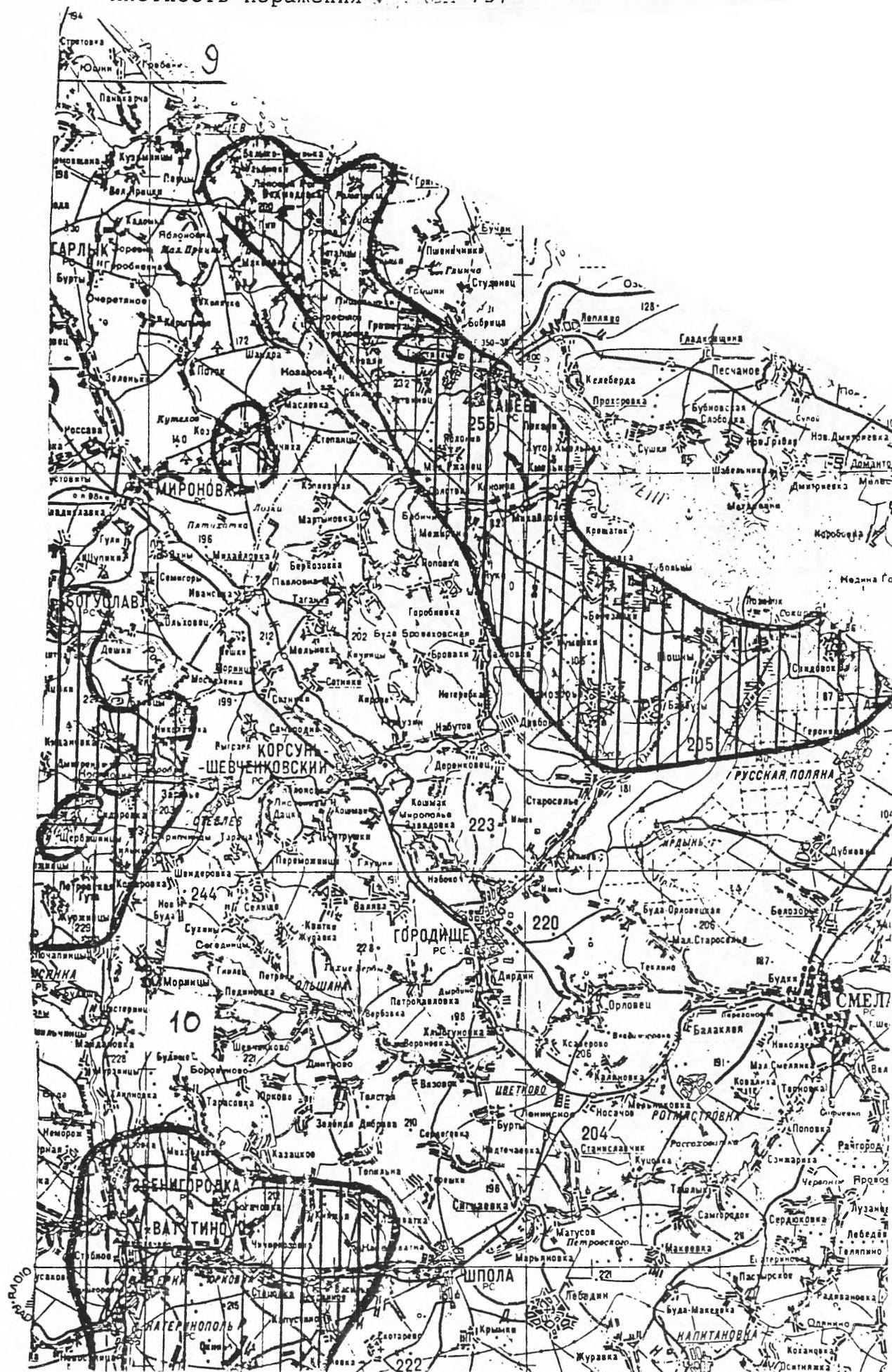
Плотность поражения — 137

РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА НА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР
ПО ПОЛОЖЕНИЮ НА ДЕКАБРЬ 1989 года. КАРТЫ.

(13)

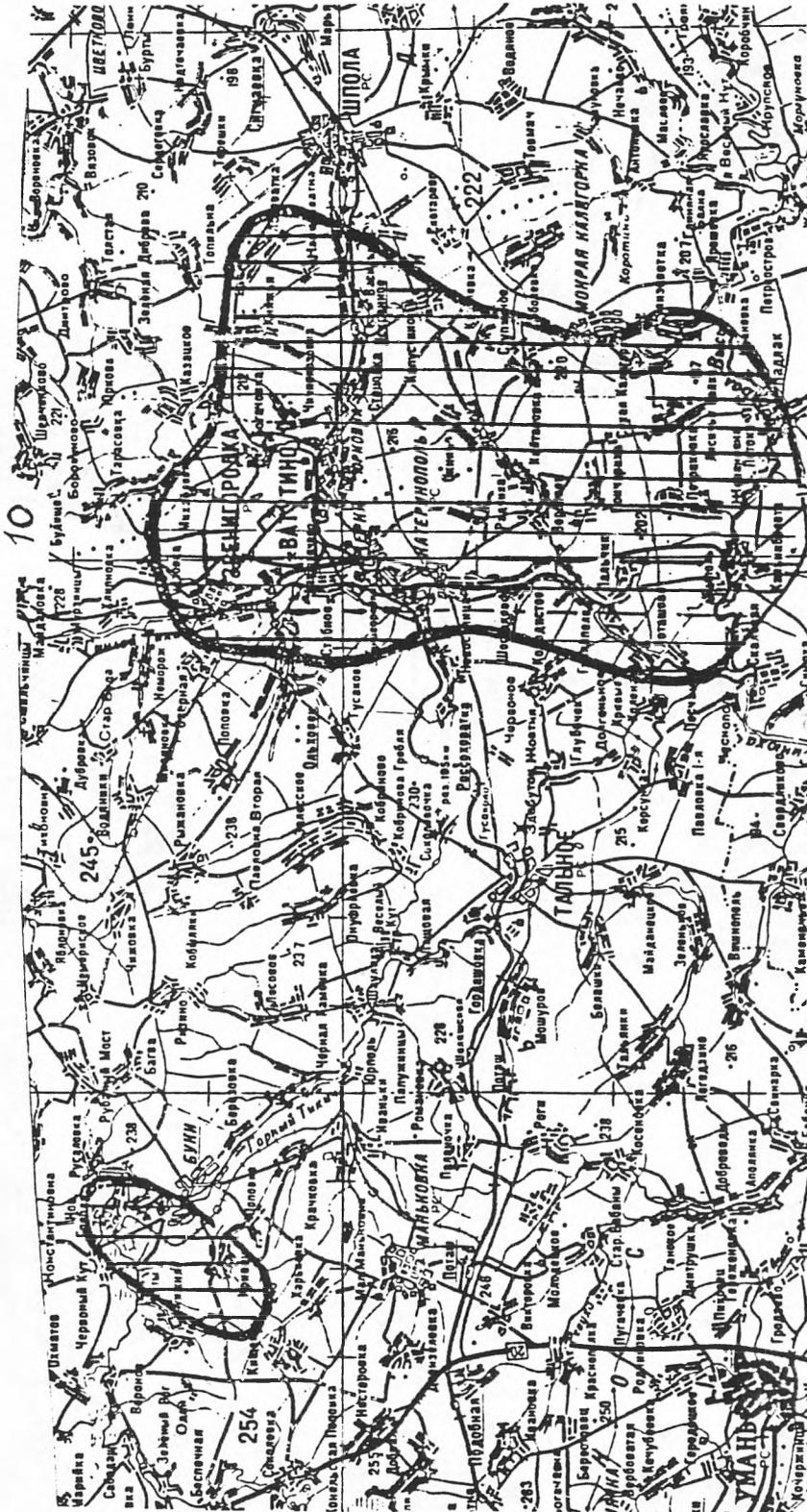
Плотность поражения — 137

РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА НА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР
ПО ПОЛОЖЕНИЮ НА ДЕКАБРЬ 1989 года. КАРТЫ.

(14)

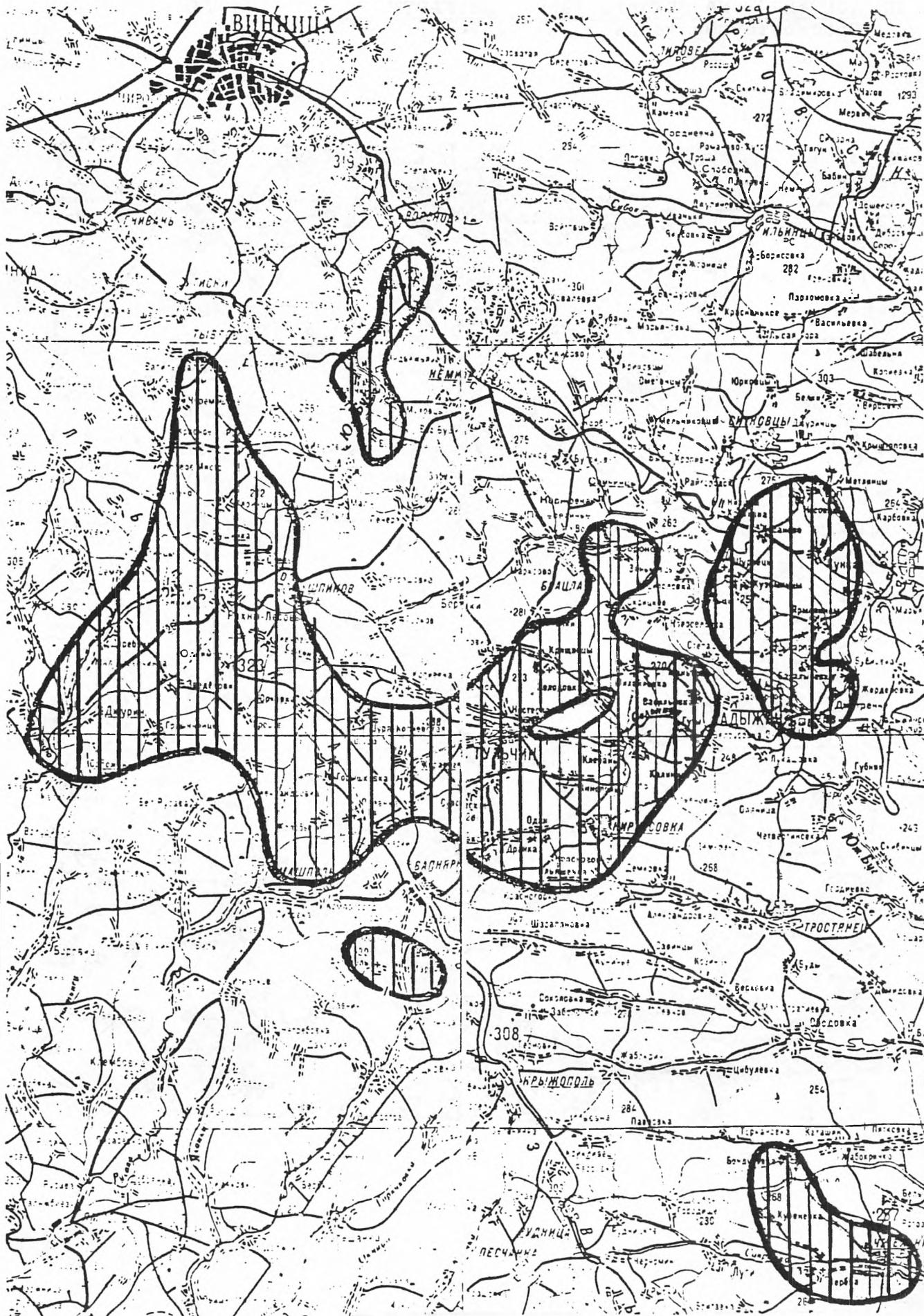
Плотность поражения 10^{-3} Бк/см²

РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА НА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР
ПО ПОЛОЖЕНИЮ НА ДЕКАБРЬ 1989 года. КАРТЫ.

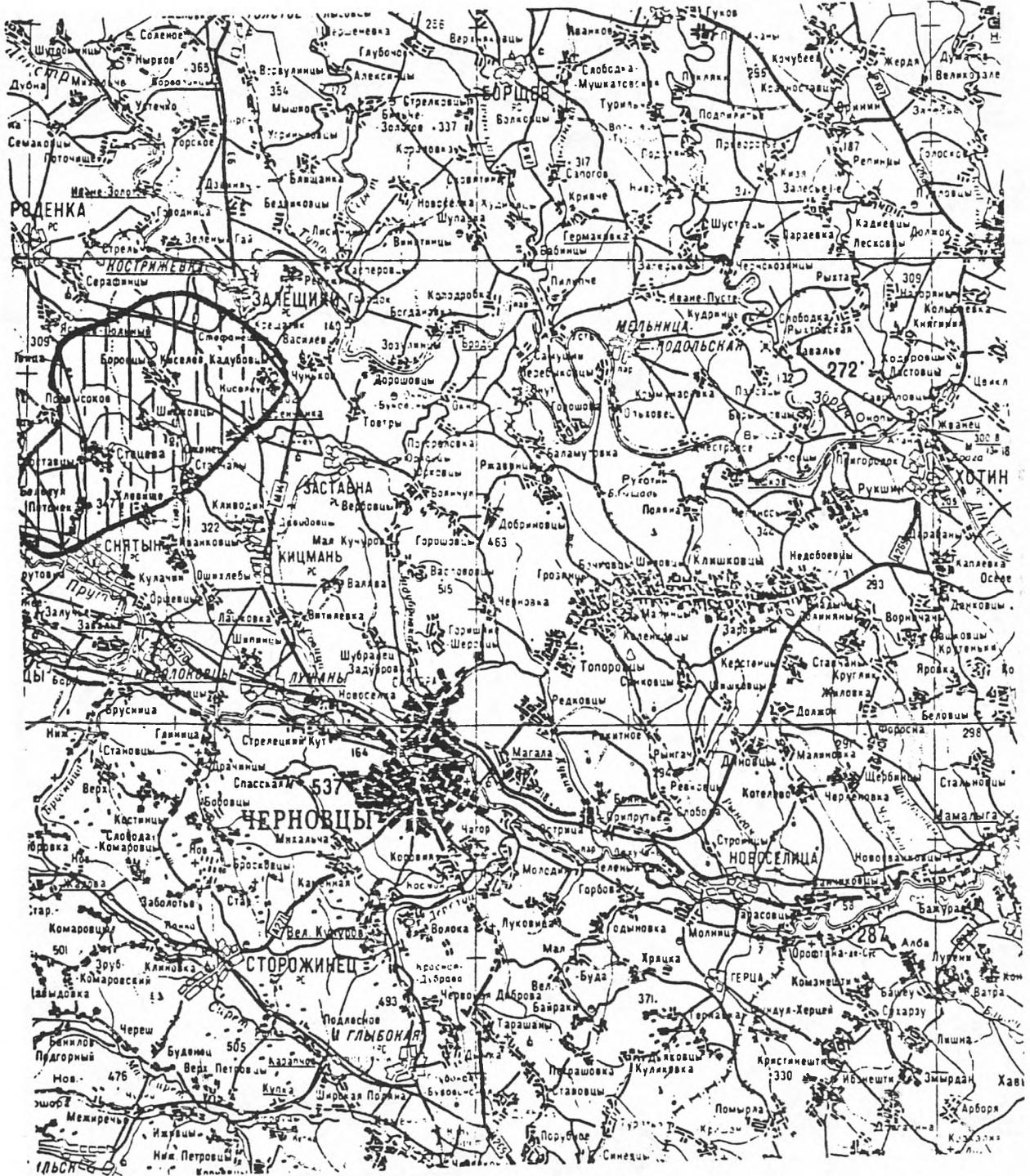
(15)

Плотность поражения 1.737

РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА НА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР
ПО ПОЛОЖЕНИЮ НА ДЕКАБРЬ 1989 года. КАРТЫ.
Плотность поражения — 137

(16)

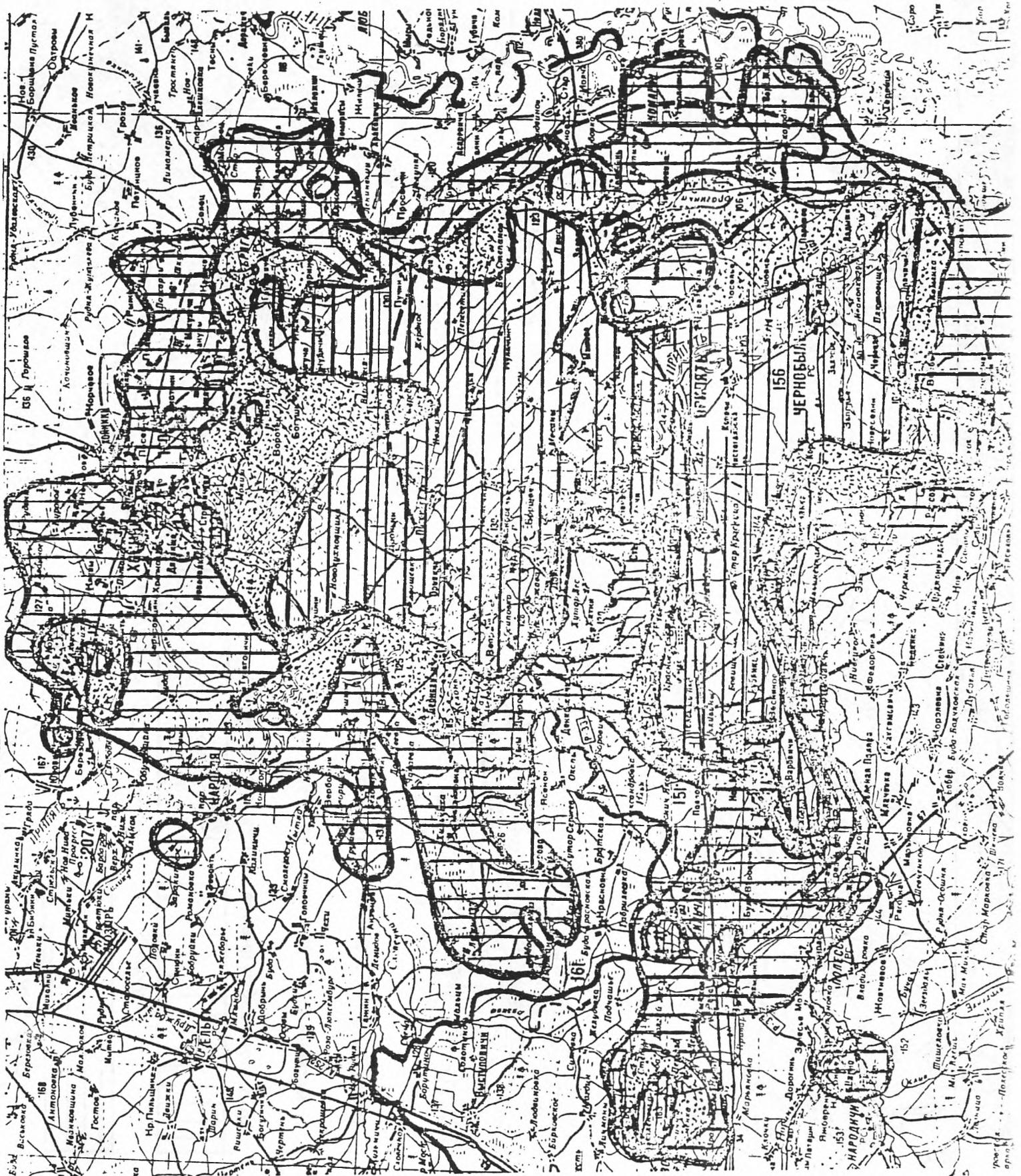

РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА НА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ ССРП
ПО ПОЛОЖЕНИЮ НА ДЕКАБРЬ 1989 года. КАРТЫ.

(17)

Плотность поражения стронцием-90

11

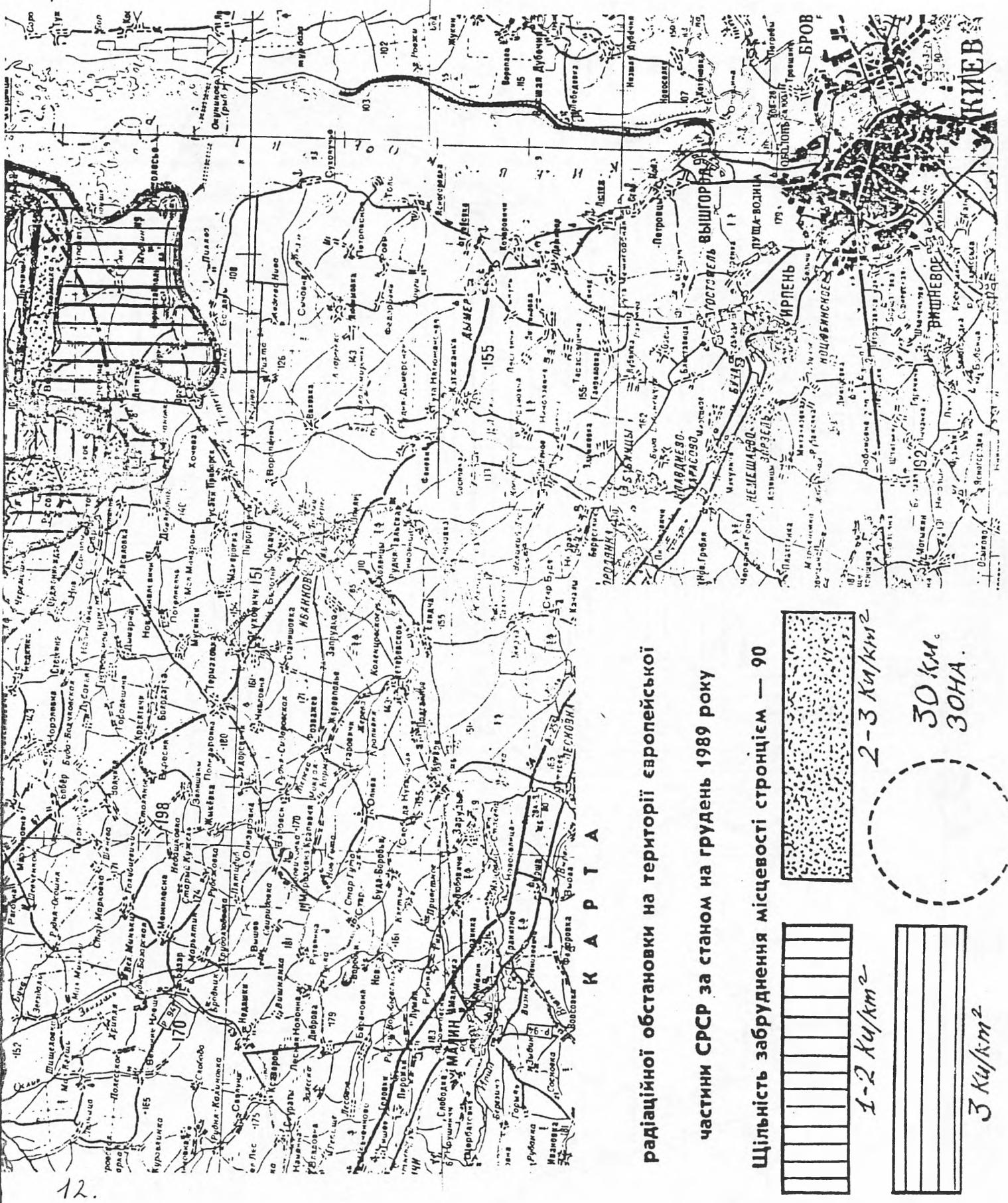

РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА НА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР
 ПО ПОЛОЖЕНИЮ НА ДЕКАБРЬ 1989 года. КАРТЫ.

(18)

11.

Плотность поражения стронцием-90

КАРТА

радіаційної обстановки на території європейської

частини СРСР за станом на грудень 1989 року

Щільність забруднення місцевості стронцієм — 90

2-3 Ci/km²

 30 км. ЗОНА

1-2 Ci/km²

 3 Ci/km²

12.

Чернобыль: ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ

За это время через «зону» прошли 340 тысяч
военнослужащих и военнообязанных

26 апреля 1986 года — предупредительный знак атомного апокалипсиса. Одна из самых трагичных дат, когда бы то ни было пережитых человечеством. Из-за недостатка информации вначале, под воздействием информационного прорыва в последние месяцы наше восприятие аварии на ЧАЭС и ее последствий прошло дистанцию огромного размера: от суеверного изумления перед пророческим «Чернобыль — Черная Быль» до осознания себя виновниками и жертвами крупнейшей катастрофы двадцатого века, беды планетарного масштаба. 18 тысяч квадратных километров пораженных радиацией территорий. 3 миллиона проживающих на них людей. «Цезиевые пятна» размерами в несколько областей...

Три года потребовалось, чтобы снять «секретность» с материалов, от которых зависит

жизнь и здоровье многих и многих людей. Четыре года — чтобы осознать необходимость выработки единой, глобальной, общегосударственной программы ликвидации последствий аварии. Но и в те дни, когда страна и мир находились в неведении, и сейчас львиную долю работ в пострадавших районах выполняли и выполняют люди в погонах. Военные «затыкали» жерло реактора. Военные участвовали в возведении саркофага и коммуникаций под ним. Военные рубили «рыжий лес». Дезактивировали и дезактивируют огромные площади зараженной территории. И это понятно. На то она и армия, чтобы в час беды прикрыть собой страну, чтобы дать собраться с силами всему Отечеству — ведь силы самой армии не беспредельны...

КОГДА-то тихое и щедрое украинское село, Терехи нынче — место дислокации оперативной группы 2-го сектора по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Из осиротелых хат и поныне не выветрился старый дух — хлеба, сена и теплой печи. Он круто смешался с другим — дешевой ваксы, табака и солдатского пота.

Запах войны.

В кабинете начальника политотдела сектора полковника В. Грибняка окно «шкалит» за тысячу распадов. Это изнутри. А у стола — ничего, можно работать.

— Проводим радиационную разведку. Дезактивацию территории и объектов. Локализацию строений. Очищаем землю от радиоактивных отходов...

За прошедшие после аварии годы войска дезактивировали без малого 950 деревень, поселков, городов. Многие из них, особенно вблизи так называемых цезиевых пятен — по нескольку раз. Выглядит это так. Если, скажем, в доме варажена крыша — крыша меняется. В колодец зараза попала — выгребается колодец. Грунт отравлен — снимается грунт. Улица за улицей, подворье за подворьем. 170 тысяч дворов. Миллионы кубических метров перелопаченной, перевазеной «грязной» и «чистой» земли...

Невидимого, коварного, веа-

десущего противника — радиацию — зафиксировать можно только приборами. Ощутить — першением в горле. Щитовидка противится, а ноги — несут. Глаза боятся, руки — делают. Кто-то же должен идти и делать.

Вместе с атомщиками, разными специалистами, добровольцами-вахтовиками работают военные и на атомной станции.

ЧЕТВЕРТЫЙ энергетический блок... Точка отчета. Во времени и пространстве. Окно в небытие и вечность. Черная дыра. Бабки-самоселки, нелегалы окрестных деревень, твердят: божья кара. Мужики фамильярны: драконушка, шакостник наш...

Четвертый здесь — всему шерло. Глухости и тенналь-

шости, силы и слабости, честности и бесчестия — человеческого в человеке.

Саркофаг, он же — укрытие, а по-местному — печка, при определенной фантазии действительно похож на дракона. Только гораздо хуже огнедышащего. Этот «выдыхает» радиацию. Вблизи мрачный склеп с железобетонными ребрами наружу поражает размерами. Вот и на снимке упавший к его подножию армейский вертолет кажется игрушечным. 2 октября 1986 года у четвертого блока встретил свою смерть экипаж вертолета МИ-8. Капитан Владимир Воробьев. Старший лейтенант Александр Югинид.

Старший лейтенант Леонид Христинч. Прапорщик Николай Ганжук. Всего четвертый блок убил тридцать одного человека. Медленно, но верно продолжает гробить — без счета.

Попасть на станцию непросто. Даже если на проходной «робот», обнюхав с ног до головы, распахнет дверцу — «чистый»! — далеко не уйдешь.

— Документы!

Хоть ущипни себя — все та же пилотка с красной звездочкой.

— И много вас здесь таких?

Неприступный шмыгнул носом, потупился:

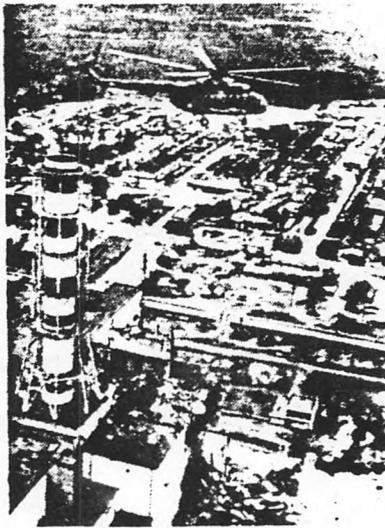
— Военная тайна!

Тайна шита белыми нитками. Несколько месяцев назад в печати поднялся шум, что в тридцатикилометровой зоне размещен полк внутренних войск, который охраняет станцию. После вмешательства Главной военной прокуратуры полк из зоны вывели, но задачи он выполняет прежние. С той лишь разницей, что раньше солдаты и офицеры находились на АЭС по шесть часов в день, а теперь расстояния увеличились, и несут они службу ратную 24 часа кряду. Зато — рав в четыре дня. Расчет простой: делим 24 на 4, получаем дневную норму.

Показываем стражу пропуск.

— Сколько лет тебе?

(Омончание на 4-й стр.)

ЧАЭС в первые дни после аварии. Внизу — излучающий смерть реактор. Еще не закрытый саркофагом. Можно ли было предположить тогда, чем обернутся для страны эта разрушенная кровля, стены... Из оборота было выведено более 144 тысяч гектаров сельхозугодий, превращено лесопользование на площади 492 тысячи гектаров. Общая сумма затрат на ликвидацию последствий аварии вместе с потерями превышает 9 миллиардов рублей. Но никакими цифрами не измерить ущерб, нанесенный здоровью и жизни людей...

Веснушки расплываются до ушей: девятнадцать.

Набрать на их место вахтеров не удалось, говорят, ни за какие деньги...

Военные задействованы на станции в семидесяти двух точках. Работа, можно сказать, будничная. Промывка помещений специальными растворами. Уборка территории. Погрузка, вывоз и захоронение РАО. Самая трудоемкая, пожалуй, повторная дезактивация: замена узлов, покрытий, облицовки — словом, всего, что «засветилось». Но есть задание и посложнее. Это когда с обойным молотком — на дракона. Опять-таки, кого пошлешь? Вперед, солдат! Не страшись, приписник: кадровый офицер — рядом. Бегом туда. Десять минут адской рубки. Бегом обратно. Посменно. Изо дня в день...

Смысл и назначение работы военных на станции — создание приемлемых условий для деятельности специалистов.

Из выступлений на коллегии Главной военной прокуратуры. Производственное объединение «Комбинат» сознательно направляет личный состав воинских частей на самые опасные участки работы на АЭС, добиваясь тем самым снижения доз облучения собственного персонала. Так же безучастно относится и к тому, что никакими техническими средствами облегчения и безопасности труд

со времени аварии не создано. Самыми примитивными средствами — лопатами, швабрами и тряпками — военнослужащие выносят из помещений радиоактивные вещества, протирают полы, стены. Дозиметрами обеспечены не полностью. Предельно допустимую дозу, 5 бэр, большинство из них получает за 3—4 месяца и в дальнейшем переводится на работу по обеспечению жизнедеятельности частей и подразделений. У специалистов «Комбината» за весь 1989 год доза облучения составляет 2 бэра.

Старший инженер цеха радиационной безопасности А. Корнеев считает, что со станции войска надо убирать и создавать специальный цех по дезактивации. Такой же точки зрения придерживаются начальник ОГОЗа полковник А. Кузнецов и его подчиненные.

ОГОЗ — оперативная группа особой зоны. Полтора десятка офицеров координируют усилия военных и гражданских. Как оценивают их работу на станции?

— Очень высоко, — говорит главный инженер ЧАЭС Н. Сорочкин. — Армия на станции сделала основное. Без нее бы мы не справились. И сегодня не можем обойтись.

Впрочем, Николай Михайлович понимает, что у Вооруженных Сил другое предназначение, и переход АЭС на «самообеспечение» — оправдан и неизбежен.

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ: ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ

— Рассчитываем на 91-й год. Хотя без армии, — повторяет главный инженер, — будет ох, как трудно...

От себя добавим: и чувствительно для кармана Минатомэнергопрома. Кому-то все равно придется с отбойным — на дракона. Скорее всего вахтовику. Добровольцу. Конечно, за сумму, несопоставимую с той, что выплачивают в подобных точках военным.

Сложные чувства вызывают у военных, особенно приписного состава, вахтовики. Неприязнь? Нет, какое там! Работают рядом, одно по сути дело делают. Зависть? Станция не то место, где можно кому-то завидовать. А вот глубоко запрятанное ощущение собственной ущемленности, второсортности что ли — есть.

ПОЛКОВНИК Грибняк только вступил в должность и принял дела, как ночью его сорвал звонок оперативного: в отдельном батальоне — «стачка!» «Партизаны» митингуют...

За плотными клубами сигаретного дыма стол в центре палатки не сразу и разглядел. За ним — несколько почтенного возраста солдат...

Грибняк представился: новый политработник сектора... И понеслось! Почему вахтовик в фийских модулях со всеми удобствами, а они — в старых палатках с прогнившими полами да еще в два яруса? Почему такая разница в питании? Почему вахтовиков на станцию возят автобусами, а их что в зной, что в стужу на «Уралах» отправляют? Нет, это не детский каприз. В кузов, как тент не задрывай, пыль набивается. «Грязная». Обратившись возвращаются после помывки — распаренные, мокрые, через одного — простуда. И вообще, на каком основании их, приписников, держат здесь шесть месяцев, если в Законе о всеобщей воинской обязанности четко сказано: три месяца?

Немало сил стоило Грибняку хоть немного снять накал страстей. И когда тон на порядок сбавили, разговор пошел размереннее... Что такое те же шесть месяцев? В колхозах — посевная, отороды

копать пора. У горожан свое: бригады на хозрасчете, кому интерес «за того парня» вкладывать? А кооператора кто полгода ждать будет? Вернешься к разбитому корыту — в профсоюз не пожалуешься, в отдел кадров не пойдешь. Опять-таки никакой справедливости в оплате. В зоне, скажем, она двойная. Но двойная двойной — рознь. Возьми сельского шофера и того же шахтера. Один 120 получал, второй — под семьсот. Ну-ка, умножь на два. А ведь в одном «Урале» пыль глотают, на соседних койках спят.

Митинговали до утра. А пришло время, поднялись с гудящими головами и — по рабочим местам: работать нужно. Да и полковник не юлил, не гоношился, отвечал честно...

Насчет шести месяцев солдаты и сами понимают: ни начальник политотдела, ни начальник оперативной группы сектора проблемы этой не решат.

Работы по дезактивации территории, зданий и сооружений в зонах с повышенными уровнями радиоактивного загрязнения были возложены на Министерство обороны по постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 мая 1986 года. Этим же постановлением для выполнения работ разрешалось проводить призывы военнообязанных на специальные сборы сроком до шести месяцев, что впоследствии было подтверждено принятием Указа Верховного Совета СССР от 9 апреля 1987 года.

Генеральный прокурор СССР обращался в Совет Министров с предложением о привлечении военнообязанных на специальные сборы, не связанные с решением оборонных задач. Подобная практика противоречит Конституции СССР и Закону о всеобщей воинской обязанности. Вопрос этот неоднократно ставился и руководством Министерства обороны. Однако до настоящего времени принципиального решения нет. Призыв на шестимесячный срок продолжается. Что вызывает мягко говоря реакцию населения во многих регионах. Только на территории Киевского военного округа количество отказников перевалило за два десятка. В Сумах состоялся митинг...

10 апреля был опубликован Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», где личный состав первого и второго секторов прочел: «...могут призываться на срок до двух месяцев военнообязанные — специалисты, необходимые для ликвидации последствий стихийных бедствий, крупных аварий или катастроф...»

До двух месяцев! И покатишься, нарастая, по зоне: даешь домой!

Солдатам сказали: погодите, братцы, а на кого же вону бросим? Тут уж они выплеснули все. И о перестройке. И о правовом государстве. И о законодателях...

То был страшный день — для командиров, политработников, коммунистов.

Прошла беспокойная ночь. Наступило утро. К полудню стало ясно: на работы, в том числе и на укрытие, вышел весь личный состав. До единого человека.

— На этих людей молиться надо, — сказал начальник оперативной группы гражданской обороны генерал-майор Ю. Захаров.

— Ну мужики! — только и сказал командир роты спецобработки лейтенант А. Камалетдинов.

АЛЬБЕРТ Камалетдинов и Владимир Матвиенко, лейтенанты — неразлейвода. Если б один не черноволосый, а второй — русокудрый, не сразу и различить. И биографии, как у близняшек. Бывшие суворовцы. В прошлом году окончили танковые училища. Ни в чем друг другу не уступят. В одном лишь Альберт первенство Володи признает: тот прибыл сюда на целую неделю раньше, 4 декабря 89-го. Вообще-то офицеров кадра откомандировывают сюда на три месяца. Лейтенантам замену найти не могут. Ни в секторе. Ни в округе.

— Когда приписники узнали, с какого мы года рождения и сколько здесь находимся, такой шум подняли! — признаются. — Еле успокоили...

Приписников понять можно. Их призывают в Чернобыль в возрасте от 30 до 45 лет. Каким же образом двадцатидвухлетние Камалетдинов и Матвиенко оказались здесь? Как и еще несколько десятков офицеров, которым ой как далеко до тридцати? К сожалению, разумительный ответ не удалось получить даже в прокуратуре.

Словом, вчерашние курсанты управляют с ротами.

— Никаких проблем! — заверяют они в один голос. — Ведь наши подчиненные — взрослые, серьезные люди, главы семейств. Мужики — золотые.

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ: ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ - 4 -

И они наперебой стали доказывать, чьи «мужики» лучше. Как зимой бросали бушлаты под машины и латали технику с утра до ночи — без запасных частей, ключей, инструментов — лишь бы поставить на ход к весне. И ставили! Даже списанную. Обеспечение техникой — нелегкое. Самосвалы, погрузчики, грейдеры, скреперы, трелевочные тракторы — фактически все варажены...

Рассказали, как тушили пожар в вараженном лесу — всем, что попалось под руку — теми же бушлатами, лопатами, ветками, топтали ногами, а потом «звенели» на дозконтроле — хватанули лишку...

Справка Центрального военно-медицинского управления МО СССР. Несмотря на четкое определение, противопоза... чия по состоянию здоровья... направления военнообязанных на сборы для ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, и их медицинскому освидетельствованию органы здравоохранения на местах зачастую относятся формально. Особенно тревожное положение сложилось в Донецкой, Черниговской, Харьковской, Черниговской, Витебской областях, в городах Киеве и Минске. В ряде случаев медицинское освидетельствование вообще не проводится. Около половины из 600 военнообязанных, призванных в прошлом году на сборы из Донецкой области, прибыли без медицинского заключения о возможности использования в 30-километровой зоне...

У Матвиенко — сорок выездов на укрытие. Камалетдинов не считал, но два месяца печке отдал. Прежде чем выпускать людей на объект, дозиметрический контроль проводил сам. Никому не доверял. «Чтоб людей не спалить сдуру».

Не выдержали бывалые солдаты. Самый «солидный» по возрасту отвел Альберта в сторону.

— Товарищ командир, рота просит: не ходите больше на 27-ю отметку. И вообще на печку — не ходите. Все будет в порядке, обещаем...

Камалетдинов и растерялся, и рассердился. Не маленький, мол, сам знает, как поступать. Тогда седовласый подчиненный добавил не по уставу:

— Не ходи, сынок. Тебе еще... служить, детей иметь. Милые ребята, товарищи лейтенанты! Извините, уж и я — не по уставу. Не знаю,

дадут ли вам ордена, представления на которые ушли еще в феврале. Но твердо знаю: и Харьковское гвардейское, и Казанское Краснознаменное — могут вами гордиться.

Вся армия и вся страна могут гордиться.

Если б не было так больно и стыдно...

МОЖЕТ ли то, что мы принимаем под словом «Чернобыль», считаться чрезвычайной ситуацией, или все-таки крупнейшая катастрофа двадцатого века нуждается в совершенно особом статусе? Каким должен быть принцип организации работ в пострадавших регионах? Каким образом и какие силы и средства привлекаться — в ходе осуществления обсуждаемой в эти дни глобальной программы ликвидации последствий аварии?

По данным штаба Гражданской обороны СССР, за четыре года Чернобыль прошли 340 тысяч военнослужащих. Привлечение и ликвидация последствий аварии значительного количества военнообязанных при условиях соблюдения установленных ограничений по призыву (состояние здоровья, возраст, учеба на дневных и заочных высших и средних учебных заведениях, наличие трех и более детей) привело к израсходованию призывного ресурса запаса Вооруженных Сил.

Для того, чтобы подобрать для работы в зоне 5(II) специалистов, Заплицкому райвоенкомату г. Киева пришлось «пропустить» более 300 военнообязанных.

По данным кадровых органов, подавляющее большинство офицеров химических, инженерных войск и гражданской обороны в центральных военных округах, а также в значительной степени в округах восточной части страны — участвовали в ликвидации последствий аварии от 1 до 3 раз и за это время выбрали установленный предел дозы облучения.

Между тем, судя по плану работ на текущий год, армии предстоит дезактивировать 116 тысяч дворов, заменить 30 тысяч кровель, 1.600 километров заборов, эксцисти и захоронить 2.500 ветхих строений, обустроить более 5 тысяч колодцев, снять и вывезти 806 тысяч кубических метров грунта...

Может, действительно, кроме Вооруженных Сил, «поднять» такой объем работы некому? Так не пора ли соз-

давать специализированные добровольные формирования по ликвидации последствий аварии? Да, это обойдется в копеечку: добровольцам нужно будет платить немалые деньги. Но в данном случае торг, как говорится, не уместен.

Нельзя бесконечно испытывать терпение людей, даже если эти люди — в военной форме. Такой точки зрения придерживается и член военного совета — начальник политуправления Киевского военного округа генерал-лейтенант В. Шарыгин:

— Безусловно, в короткие сроки отказаться от использования армии не удастся, особенно на дезактивации местности. Тем не менее в качестве первого шага следовало бы перевести задействованные здесь части на денежное содержание Минобороны. Тогда это ведомство не станет запрашивать личный состав, как сейчас, тысячами, а будет «просчитывать» каждого человека. Утвердившаяся же практика приводит к тому, что часть сил и средств используется недостаточно эффективно...

Речь идет не о том, что армия хочет «умыть» руки. А о наиболее разумной, рациональной, если хотите — цивилизованной постановке дела.

А ЖИЗНЬ идет своим чередом.

Рядовому запаса А. Ткаченко сына в армию провозжать. Сын рядового запаса В. Рогачевского жениться надумал. Можно, конечно, в отпуск отпроситься, но туда и обратно — что за проходы, что за свадьбы? Рвутся солдаты в самое пекло. Чтоб поскорее 5 бзров набрать. Это — предел. Это — домой...

Домой большинство едет в форме.

— Надевать ее тяжело, а снимать еще труднее...

Форму, конечно, нарушают. На левом кармане — звездочки в ряд. Звездочка — месяц службы.

В палатке на видном месте — газетный заголовок: «Вино отбирает разум и добро». От руки подписано: «и деньги тоже». Знаатоки подсчитали: личный состав ежемесячно получает на руки в десять раз больше стоимости

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ: ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ

- 5 -

предложенных торговлей товаров. Деньги жгут карман. Возникают соблазны. Спекулянтов зеленым змием не могут остановить даже милицейские кордоны.

Здесь любят рассказывать, как прежний командир, подполковник Штурхацкий, бутылки с водкой перед строем бил. Сто сорок штук! Возьмет в руки и спрашивает: чья? Молчание. Шарах об землю! А чтоб сомнений не было, что водку водой подменили, дегустаторам от общественности понюхать давал. Ночью, в потемках, на него бросился с ножом из бывших судимых. Но тот свалил нападавшего первым же ударом...

Штурхацкий — легенда. Штурхацкого помнят. Кремень командир, а людей жалел и берег. Уезжая, вместо долгих напутствий сказал лишь: простите, мужики, за державу! А меня — не поминайте лихом... Мужики растрогались: чего там, все по-людски...

Здесь, в зоне, все временное. Временная работа. Временное жилье. Временные должности... Только люди временными не бывают. Подполковник А. Иноземцев, капитан А. Соломкин, старшина запаса А. Любимов, старший сержант запаса В. Гормаш, рядовые запаса Н. Бах, В. Вадько, И. Васильев, В. Бахар, тысячи их сослуживцев делают на ликвидации последствий аварии все, что в их силах. И есть нечто исходное, постоянное, что этих людей объединяет, роднит и делает не просто скопищем безучастных временщиков, но деятельной, целеустремленной, одухотворенной силой, которая работает не за страх, а за совесть. Брошенные каты, оцепеневшие леса, пустынные берега Припяти — все это наша земля. Которую мы загубили. И которую, кроме нас, никто не спасет.

Майор Ю. МАМЧУР,
спец. корр. «Красной
звезды».

- 1ф -

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ: ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ - 1-

• Медицинская газета — 25 апреля 1990 г. 3

«Фежел» против цезия

Что же все-таки делать с молоком и мясом в тех районах, что поражены последствиями чернобыльской аварии? Мелькнуло недавно в печати, что из всего заложеного в 1986 году на хранение радиоактивного мяса осталось около трех тысяч тонн. Ожидать снижения его радиоактивности, дескать, бессмысленно, и потому принимаются меры к его захоронению.

Невольно напрашивается вопрос: а где остальное зараженное мясо? Часть его (в разбавлении с чистым), как стало известно недавно, съели уральцы. Но, думаю, что такие же «подарочки» поступали, да и сейчас поступают, и в другие края. Нас, правда, пытаются утешить, что перед забоем «радиоактивные» коровы пасутся на чистых пастбищах, отчего мясо становится безвредным. Однако, вовсе не подверженная радиофибии, я лично слабо верю такому утешению.

Вряд ли спасает оно и многострадальных жителей пораженных районов. Там интереснее будет для них информа-

ция, которую я спешу сообщить. В Свердловске, в научно-производственном объединении «Кристалл», изготовлена первая партия препарата «Фежел», добавка которого малыми дозами в корм животным способствует быстрому выделению радиоцезия из их организмов.

Как показали исследования, проведенные во ВНИИ сельскохозяйственной радиологии, препарат высокоэффективен. Его скармливание дойным коровам снизило выделение радиоцезия с молоком через четверо суток в два-три раза, на восьмой день — в 10—20 раз. Содержание радиоцезия в мышечной ткани уменьшалось в 1,5—2 раза. Словом, и мясо, и молоко чудодейственно быстро очищаются от вредных веществ.

...На моем столе — чернильного цвета легкий порошок. Это обычные древесные опилки, окутанные феррацианидом железа (отсюда и название «Фежел»). Если этот порошок добавить в корм пушному зверю — норке, песцу, лисице, то они спокойно могут

вскармливаться радиоактивным мясом без ущерба для качества будущего меха. Иными словами, сорбент, то есть очиститель, предложенный учеными входящего в НПО «Кристалл» Уральского научно-исследовательского химического института, — бесценная находка для решения одной из очень важных чернобыльских проблем.

Но вот что странно. О работе свердловчан наряду с ВНИИ сельхозрадиологии хорошо знают в Институте биофизики, а значит, в Академии медицинских наук. Знает и санитарная служба Минздрава СССР. Но ни одного шага, способствующего быстрому развитию производства и применению «Фежел», не сделано. Хотя в городе Буй Костромской области, где находится один из заводов НПО «Кристалл», выпуск сорбента можно было бы организовать в крупных размерах.

— Нас совершенно не устраивают ни темпы, ни масштабы сегодняшней работы по «Фежелу», — говорит генеральный директор НПО «Кристалл», доктор химических наук В. А. Рябин. — И научная, и практическая ценность препарата доказана и подтверждена документально. Но никто не торопится схватиться за новинку, именующую медицинское, сельскохозяйственное, экологическое и экономическое значение.

С моей точки зрения, большого внимания заслуживает предложение уральских ученых, конкретно обращенное к недавно сформированным Советам народных депутатов Белоруссии, Украины, Брянщины: срочно созвать широкое координационное совещание, на котором договориться, наконец, что же должны делать люди, когда в доме пожар.

Ада ВЛАДИМИРЦЕВА,
соб. корр. «МГ».
Свердловск.

И в тесноте, и в обиде

Этот репортаж фотокорреспондент нашей газеты сделал недавно в Харьковском научно-исследовательском институте медицинской радиологии Министерства здравоохранения Украинской ССР. Здесь, в клинике института, проходят обследования, лечатся участни-

ки ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции. Несмотря на все старания и заботу, медикам не всегда удается скрасить пребывание здесь пациентов. Дождутся ли чернобыльцы перемен!..

- 2 -

Затянувшееся ожидание

В начале этого года правительство Белоруссии приняло решение о создании на территории Могилевской области нового района Дрибин. Решение это стало результатом настоятельных требований жителей Краснопольского района, значительная часть территории которого сильно загрязнена радионуклидами. Переезда на чистые земли здесь ждут около 65 процентов жителей.

Прежде, чем требовать создания нового района, каждое село выбрало самых уважаемых людей, они сели в автобусы и поехали смотреть, где предстоит жить.

Возведение нового района должна вести вся республика. Вообще-то в планах уже определены и сроки переезда семи наиболее неблагополучных хозяйств. В деревне Новоельня, например, пласт радиационного загрязнения превышает по цезию-134 100 кюри на квадратный километр. Но дело движется очень медленно, и первый секретарь Краснопольского райкома партии Иван Иванович Титенков видит, что обещанные землякам даты новоселий нереальны. К примеру, Витебский «Облсельстрой» должен бы уже под крышки ставить два поселка, в он в первом только стены возво-

дит.

Четыре года ожидания переезда на чистые земли измотали не только жителей Краснопольского района. Месяц назад ЦК Компартии Белоруссии и Белсовпроф специально рассмотрели этот вопрос и признали темпы строительства новых поселков крайне неудовлетворительными. Немного меньше, чем было запланировано на первый квартал этого года, выделено и квартир для семей, которые хотели бы сейчас переехать в другие регионы из зоны первоочередного отселения. Краснопольскому району всего три города республики — Бобруйск, Сморгонь и Лида предложили кров для 59 семей, и то в основном одно-, двухкомнатные квартиры. В сельской местности также непрочь принять переселенцев, но... гостеприимны лишь для механизаторов и животноводов. «Учителей, работников культуры, специалистов сельского хозяйства принимать не хотят», — рассказывает Титенков, — объясняют: не найдем, мол, для них работы. Но самая большая наша беда — старики...»

Думаю, еще не один год последствия чернобыльской катастрофы будут добавлять к осознанию случившейся бе-

ды все новые проблемы, возникающие по ее следам. На Краснопольщине уже есть деревни, которые покинуло, не дожидаясь обустройства Дрибинского района, почти все трудоспособное население. Остались деды да старушки, которые и не знают, куда раньше подоспеет дорога — в новый чистый поселок или на погост.

«Чужие» пенсионеры для других городов и деревень — вроде как лишняя обуза. Ну а из тех, кого приняли там, приживается, увы, не каждый. Радиация — невидимое зло, а вот как привыкнуть к новому негласному уставу жизни, который ведь у каждой деревни свой, да еще к молчаливому укору тех, кому отсрочено новоселье из-за «чужака» или кто претендовал на его делянку под картошку... Мало ли таких терзающих «мелочей»? Вот от них-то и бегут назад краснопольцы, сбивают доски с заколоченных окон и разогревают остывший очаг. Но разве это повод для того, чтобы снимать с повестки дня вопрос о переселении?

И. И. Титенков убежден: самый оптимальный намеченный вариант отселения тот, которого добивались они в районе. Негоже распыляться по республике, терять навсегда

исторические, хозяйственные, бытовые традиции. Уж коли выпала судьба покинуть родной угол — так всем вместе. И, между прочим, при планировании новых поселков они предусмотрели: как стояла, к примеру, у тетки Марьи по правую руку Степанова хата, а по левую Демьянова, вот так и будут они соседями на новом месте...

Да, план, конечно, составлять легче, а поселки на бумаге рисовать куда быстрее, чем строить. Постановление ЦК Компартии Белоруссии и Белсовпрофа о медленных темпах ликвидации последствий аварии взволновало жителей республики, а виновных в нерасторопности чиновников заставило оперативно принимать меры. На днях в местной городской газете прочитала о том, что исполкомы областных центров, министерства и ведомства намерены приостановить возведение многих своих объектов, чтобы все силы бросить на новые поселки для пострадавших жителей Гомельской и Могилевской областей. Вот реальная надежда, что и Дрибинский район скоро станет явью.

Ольга СВЕРКНОВА,
соб. корр. «МГ».
Могилев—Краснополье—
Минск.

- 100 -

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА ПРОЙДЕННОЕ

3

25 апреля 1990 г.

«Медицинская газета»

Авария на ЧАЭС — трагическое событие, повлиявшее на судьбу не только большого числа связанных с ним людей, но и атомной энергетики страны. Прошло четыре года. Необходимо оглянуться и критически осмыслить, что сделано для адекватной оценки медико-биологических последствий аварии для различных групп населения. Это относится к тем, кто принимал непосредственное участие в ликвидации катастрофы, продолжает работать на ЧАЭС и подобных ей станциях, и тем, кто перенес лучевую болезнь. Следует также проанализировать наиболее значимые практические итоги, направленные на преодоление или смягчение всей совокупности неблагоприятных факторов не только самой аварии, но и последующих, связанных с ней событий.

Первоочередными задачами были за минувшие годы: возможно более полный охват и регистрация лиц, подвергшихся радиационному воздействию с целью создания системы приоритетного медицинского наблюдения за ними и обеспечения оперативной информации о состоянии их здоровья. На сегодня, по данным директора Института медицинской радиологии АМН СССР члена - корреспондента АМН СССР А. Ф. Цыба, медицинские - дозиметрические сведения охватывают во Всесоюзном регистре данные на 31.000 человек, в том числе 198.000 участвовавших в ликвидации последствий аварии и 330.000 эвакуированных и проживающих на загрязненных радиоактивными выбросами территориях УССР, БССР и РСФСР. Для научного анализа это более чем представительная группа. Однако регистрация, безусловно, неполная. Для преодоления этого недостатка необходимы усилия врачей, предприятий и военкоматов по выявлению таких лиц, рассеявшихся по стране, а также и их самих.

Более полугода назад мы предложили Минздраву СССР форму анкеты-запроса, рекомендуя опубликовать ее в центральных и областных газетах, ознакомившись с которой каждый участник ликвидации аварии мог проверить

(или включить себя) в регистр. Из такой анкеты он узнал бы, где и кем должен наблюдаться и как решать сложные и спорные вопросы. Это являлось бы необходимой и полезной основой сотрудничества пациента и врача.

Кстати, эффективность такой анкеты мы уже смогли оценить, получив подобным образом сведения о здоровье 85—90 процентов персонала первых предприятий атомной промышленности, достаточно широко мигрировавших по стране. Тем самым была повышена надежность сведений о их здоровье, освоенных ранее на более ограниченных наблюдениях.

К сожалению, Минздрав не отреагировал на наше предложение.

Другим важным дефектом регистра является неполнота индивидуальных дозиметрических данных, позволяющая считать, что лишь метод групповой оценки диапазона доз с его выборочной проверкой, но при более ограниченных

выборках, должен стать основным инструментом хотя бы ориентировочного суждения о соотношении биологического эффекта с воздействием излучения. Еще менее полно и количественно оценены другие не менее важные факторы, сопутствующие послеаварийным событиям. В этих обстоятельствах всегда радиационному фактору будет приписываться определяющая роль (хотя далеко не всегда обоснованно), а, например, не искажению структуры питания, режима жизни и т. д.

За последние годы появились не только первые (увы!), зачастую весьма неудачные, обобщения о состоянии здоровья, но и рекомендации, как надо вести эту работу среди пострадавших от последствий аварии на ЧАЭС. Укажем, в частности, на публикации Института медицинской радиологии АМН СССР, НИИ рентгенологии и радиологии Минздрава РСФСР и многие другие о необходимости стандартизировать и определить пределы возрастных контрольных показаний ультразвуковой диагностики размеров щитовидной железы, гормонального статуса, скрининга для наиболее частых в практике диспансерного наблюдения заболеваний и критериев диагностики болезней и

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ: ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ

- 2 -

синдромов (желудочно-кишечного тракта, органов дыхания, сердечно-сосудистой системы). Однако и здесь оплошечке нельзя считать определенным оптимально.

Недопустимым, по нашему мнению, является распространенное сравнение диагнозов, поставленных в обычной медицинской практике по обращаемости, и на основании весьма широкого сплошного, а зачастую и целенаправленного диспансерного обследования. Выявление гипертонической и ишемической болезни, хронической болезни пищеварительной и дыхательной систем, щитовидной железы и др. в этих различных ситуациях опирается на разные критерии, что существенно изменяет их частоту, структуру отдельных форм и нозологических единиц в целом.

Отечественной практике по Чернобылю особенно «не везет» по некоторым синдромам и лабораторным признакам. Так, например, аа весьма нечетким и варьирующим в его определении «неизлечимым» синдромом вегетативно-сосудистой дистонии, по опыту Института биофизики Минздрава СССР, зачастую скрывается или реальное нейросоматическое заболевание, или реактивное состояние с ипохондрически-депрессивным синдромом, порожденное трудной жизненной коллизией пациентов, которым можно эффективно помочь адекватными лечебными и социальными мерами.

Анемия, как многоликая очерченная клиническая форма, и снижение гемоглобина и эритроцитов в лабораторном анализе — далеко не тождественные понятия. Много раз приходилось уже говорить об ошибочной трактовке лабораторных сдвигов отдельных показателей иммунитета, не подкрепленных анализом их возможной клинической значимости.

Следует сказать, что подавляющее большинство «чернобыльцев» повторно обследуют, они подолгу лежат в больницах, иногда их неадекватно интенсивно лечат. Однако также надо признать,

что значительную часть данных о них не подвергают вдумчивому врачебному анализу, не сопоставляют с целенаправленным анамнезом степени их участия в аварийной ситуации, с фрагментарными дозиметрическими сведениями. А ведь это позволяет в совокупности, как правило, разобраться в состоянии здоровья каждого человека и принять более обоснованные решения о принципах его дообследования в системе лечебно-профилактических мероприятий.

Всему этому мы пытаемся учить врачей, ведущих диспансерное наблюдение, говоря об этом на лекциях и занятиях. Этому посвящены и ранее изданные руководства (1971, 1975, 1986 гг.). Однако, наверно, гипноз «действующего фактора» делает пленником ложной версии «неоп-

ределенной реакции на облучение» не только пациента, но и не имеющих специальных знаний врачей. При этом общемедицинские правила и решения отодвигаются куда-то на задний план, мешая распознаванию реальных и иногда достаточно серьезных заболеваний.

Безусловным пробелом в знаниях современного врача-интерниста (это выявляется в процессе занятий) является отсутствие четких представлений об основных демографических процессах, происходящих в стране. Сплошь и рядом выявляется незнание ими элементов медицинской статистики, неумение пользоваться ее приемами, оценить адекватность математических приемов обработки данных и показательные периоды наблюдения, необходимые для обоснованного суждения о закономерной динамике заболеваемости.

Думается, именно это должно быть введено в программы подготовки врачей, ведущих наблюдение за пострадавшими от аварии и тем более оценивающих состояние их здоровья и причинно-следственные связи с воздействием различных факторов.

Полагаем, что сейчас главным должно быть наведение элементарного общемедицин-

ского порядка в каждом индивидуальном случае заболевания, с обоснованным исключением или определением диагноза наиболее реальных и клинически значимых болезней. На этой основе должны быть ранжированы (по актуальности, объему и характеру необходимых лечебно-диагностических мер) «группы здоровья» наблюдаемых, сосредоточено внимание на первоочередной помощи лицам, действительно нуждающимся в этом. Не менее важные социально-правовые решения, возлагаемые сегодня на медиков, должны быть переданы органам власти на местах.

Динамика перехода из одной «группы здоровья» в другую является доступным и простым оперативным показателем слежения за здоровьем больных контингентов,

удобным критерием качества и эффективности диспансеризации. Конкретные правила использования этого приема были сформулированы еще в 1988 году в соответствующей инструкции по экспертизе результатов диспансеризации лиц, включенных во Всесоюзный регистр. Объединение общей диспансеризации и факторного наблюдения по условиям труда или среды проживания при существующих ныне, как правило, низких уровнях доз облучения — у работников АЭС и у основной части населения, проживающего на загрязненной территории, является, с нашей точки зрения, вполне реальным и адекватным приемом, направленным на оздоровление этих контингентов.

Шесть лет назад мы предложили III Главному управлению Минздрава СССР в порядке эксперимента внедрить в деятельность некоторых медсанчастей модифицированную форму медицинской книжки и отчетность по методам работающих с источниками излучения. Была предусмотрена и система кодирования медицинских и дозиметрических данных, обеспечивающих ввод в машины, предложены некоторые простейшие программы опера-

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ: ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ

- 3 -

тивного получения - обобщенной информации. Но и это предложение не было реализовано. Между тем сегодня его как можно быстрее следовало бы внедрить в практику наблюдения за здоровьем персонала ЧАЭС, часть которого вынесла на своих плечах основные этапы работы в наиболее неблагоприятный период. Группами сопоставления могли бы стать работники других АЭС со сходной или другой технологией реакторов.

Наблюдение за ограниченной группой (145 человек) переболевших острой лучевой болезнью не является сложной медицинской проблемой. Навыки и правила наблюдения, приемы реабилитации таких пациентов давно разработаны. Здесь стоит лишь кратко упомянуть, что мы с радостью констатируем

и у этой группы пациентов закономерные восстановительные процессы, у 10 процентов уже появились здоровые дети.

Основными клиническими проблемами в данное время являются выявление некоторых локальных поражений (в хрусталиках глаз) либо сохраняющаяся необходимость в реконструктивно - пластических вмешательствах при местных лучевых поражениях кожи. Физическая трудоспособность больных и в эти сроки более закономерно связана с тяжестью перенесенной болезни или поражения; умственная — в большой мере с личностной позицией, адекватностью трудоустройства и, как правило, удовлетворительным для этой группы лиц разрешением социальных притязаний и конфликтов. Подчеркну, теплота и профессиональная компетентность медиков и деятельное участие общества в судьбе этих людей являются необходимыми условиями их полной социальной реабилитации, даже при наличии остаточных поражений и последствий, возвращают этих людей семье и обществу.

Не менее важно это и для тех, у кого после пережитой трудной ситуации не сформировался синдром лучевой бо-

лезни. Уже говорилось о медицинских аспектах их ведения, мы неоднократно указывали на рациональные, с нашей точки зрения, социально-правовые решения и обязательства перед этими людьми ведомств, привлекавших их для выполнения соответствующих противоаварийных работ. То же относится и к тем, кто был вынужден покинуть свои дома или проживает в зонах, требующих изменения привычного уклада жизни, структуры питания и т. д. Вот здесь-то, в решении этих проблем, проявить активность некоторым средствам массовой информации, вместо того чтобы безапелляционно судить о том, что и как должны, по их мнению, делать медицинские работники!

Ну и, наконец, еще об одном и пока неудовлетворительно решаемом медицинском аспекте проблемы последствий аварии. Речь о том, что вполне естественно (жизнь идет!) в печати появлялись сведения не только о рождении больных детей, но и о возникновении дефектов развития, различных болезней и т. п.

Оценка влияния любого неблагоприятного фактора среды обитания (в том числе радиации), условий труда, изменившейся системы здравоохранения (сплошной медицинский осмотр), образа жизни — не может не опираться на подобные данные для конкретных регионов страны, то есть на сопоставление обнаруженной частоты с ожидаемой в обычных условиях величиной того или другого показателя.

Так, говоря о том, что умерло столько-то лиц, участвовавших в ликвидации последствий аварии, необходимо принимать во внимание, из какого числа участников, какого возраста и от каких причин наступили эти исходы. Отличаются ли они от типичного возрастного уровня доживания, среднего возраста смерти, структуры причин смерти до аварии, как они зависят от величины дозы у лиц одного и того же возраста и пола. Без ответа на эти вопросы,

без поправки на регионарные, этнические и прочие особенности сведения эти ни о чем не говорят и не могут нарабить медико-социальные усилия по действительно рациональному руслу.

В мировой практике заложены важнейшие опорные сведения о том, в какие сроки, при каком уровне доз кратковременного и фракционированного облучения можно ожидать очевидного учащения случаев лейкозов, опухолей щитовидной железы, других онкологических заболеваний. Однако невежественные люди не сомневаются, что и лейкоз и опухоль, возникшие через 1—5 месяцев после участия в ликвидации аварии, связаны с действием облучения в любой дозе. Наш долг — наряду с тем, чтобы максимально снизить риск подобных исходов, своевременно выявлять эти заболевания и тем самым уменьшить летальность от онкологических заболеваний, объективно и полно оценить их реальность при имевшем место уровне доз. Сделать это можно лишь на основе сопоставлений с полноценной статистикой за годы, предшествующие аварии, путем сочетания качественных клинических и патологоанатомических данных и использования приемов полифакторного анализа, которые разработала в своем огромном 40-летнем опыте радиационная эпидемиология.

Первые пять лет после аварии — важнейший период формирования базовых данных, особенно там, где нет достаточных материалов предшествующего наблюдения. Надо не упустить эту возможность и активно формировать онкологическую направленность в наблюдении.

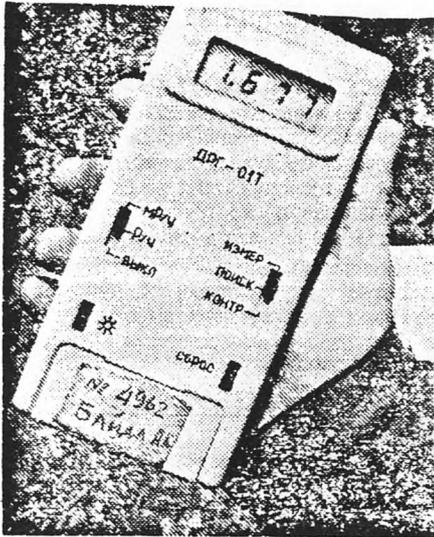
Хочется думать, что, как в Японии и в штате Керала (Индия), преимущественное и рациональное, направленное на профилактику наиболее значимых для людей заболеваний медицинское обслуживание позволит достичь не худших, а лучших, чем в стране в целом, показателей здоровья населения. Это в какой-то мере позволит нивелировать или смягчить неблагоприятные влияния, которые принесла авария на ЧАЭС.

А. ГУСЬКОВА,
зав. отделом Института
биофизики Минздрава
СССР, член-корреспондент
АМН СССР.

- 149 -

■ «Труд» 26 апреля 1990 года 2 стр, 4

Актуальный репортаж:

ТРИ ЧЕРВОНЦА ЗА СТРАХ

Четыре года назад в край, где я родился и рос, пришла беда. Грозное эхо чернобыльского взрыва докатилось сюда, на Брянщину. Была эта беда незримой, оттого долго казалась далекой, какой-то нездешней. Никто не знал из местного люда, что ветер на десятки верст гонит радиоактивную пыль, что вместе с дождем падают изотопы на леса и поля, на города и деревни. Как ни в чем не бывало, селяне сажали картошку и овощи, пасли стада, ходили по ягодам и по грибам, на которые, помнится, выдалось редкое лето. Правда, слухи были разные. Да кто ж им всерьез верил!

Но слухи копились, а к осени получили документальное «подтверждение». Вышло правительственное постановление, предписавшее в колхозах-совхозах выплачивать надбавки и тарифам, иждивенцам же выдавать на руки где по 15, где по 30 рублей в месяц. Червонцы эти, окрещенные местными остроловами «гробовые», уже обеспокоили всерьез. «Видать, неспроста, — догадывались деревенские знатоки, — деньги зазря у нас не дают». С этой поры ощущение непоправимости происшедшего поселилось в душах. Со все возрастающей тревогой поглядывали земляки на соседний район. Там местные власти дали указ личным коров сдавать в колхоз, сводить со двора птицу. Молоко, было сказано, без обработки пить нельзя, да и яйца лучше покупать в магазине...

Да, соседям выпало сполна испить горькую чашу. Сотни гектаров красногорских и новозыбковских, клинцовских и злынковских земель оказались в зоне «жесткого контроля», где загрязнение почвы радионуклидами превышает 15 кюри на квадратный километр. В

тех местах есть, по данным службы Госкомгидромета и санэпидстанций, больше двадцати деревень, которые подлежат немедленной эвакуации. Все же в области — семнадцать районов, в разной степени пораженных. Это десятки колхозов и совхозов, которые дают картофель и зерно, молоко, мясо, овощи.

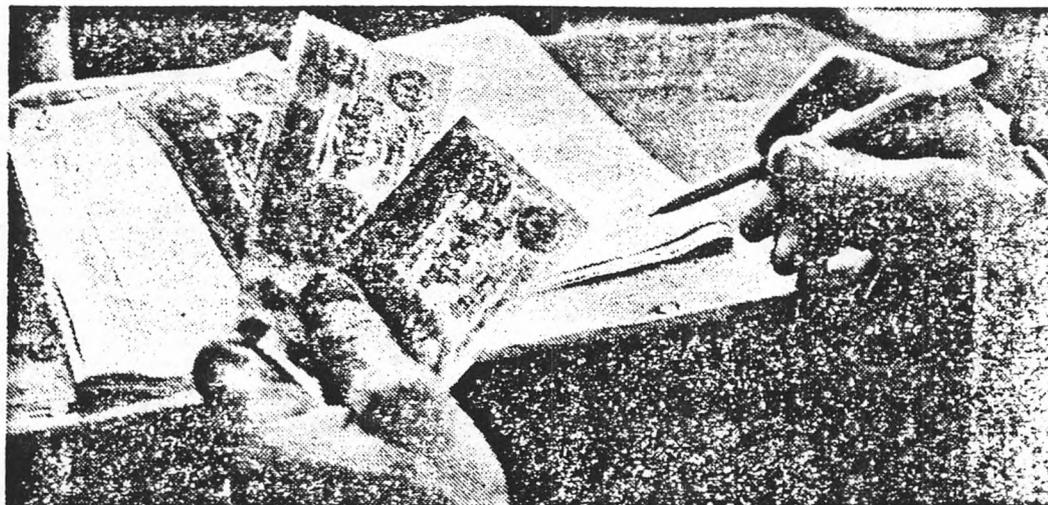
Масштабы катастрофы стали видны лишь в прошлом году, когда официально были сняты ограничения с публикаций по Чернобылю. За политику умолчания уже уплачено здоровьем людей. Теперь приходится платить новыми капложениями, средствами, материалами.

В местах, где работать и жить нельзя, по неведению строились дома, фермы. И вот сегодня в селе Святск крестьяне заколачивают окна коттеджей, в которых не успели новоселы толком обжиться. Пусты улицы деревень, окрестившихся в третьей зоне загрязнения. Молодежь уезжает своим ходом: ей легче с места сняться, проще работу

найти. Об эвакуации пока только разговоры идут, и старикам педаться некуда. Они остаются заложниками «зон», предоставленные себе и судьбе. С войны не знала Брянщина деревень, где не слышно детского смеха.

Вещи названы своими именами, но что изменилось! Как будто не должно быть больше причин для тревоги там, где внешний радиационный фон относительно невелик. Медики заверяют: в первой и второй зонах загрязнения здоровью людей ничто не угрожает, если пользоваться в основном покупными продуктами. Но где они! Вот так выглядит ходовой «набор» покупок в поселке Красный камень: хлеб и сухое вино (оно, говорят, радиацию «выгоняет»). Карточки, три года назад введенные в загрязненных районах, по сей день отовариваются в основном консервами. На этой пище долго не протянешь.

ТРИ ЧЕРВОНЦА ЗА СТРАХ

[Окончание. Начало на 2-й стр.]

А опасность не только в зелени или картошке, выращенной на огороде. Лесникам предписано ошкуривать заготовленный на дрова лес и кору закапывать. Но те, кем сия бумага писана, забыли указать, как практически это сделать, если даже малой деревушке для тепла потребны сотни кубометров дров. И становится печь «домашним Чернобылем»... Есть рекомендации и насчет полевых работ — механизаторам, к примеру, следует работать на тракторах с герметичными кабинами, пользоваться респираторами. Но эта техника

только-только начала поступать в хозяйства, да и то в малых количествах. Сидят трактористы в обычных кабинах, стоят мужики на сеялках, глотают радиоактивную пыль.

Так что дороже: зерно и мясо или здоровье людей? Ведь разумнее, человечнее было бы не выезжать в поле, пока почвы не прошли обработку от радиации, пока не получены необходимые средства защиты. Вроде ясно, как божий день, но... Ежедневно, ежемесячно подстегивает местные колхозы «валовка». Лишь одному из районов — Красногорскому — был уменьшен госзаказ на поставки сельхозпродукции. Остальным надо прежние планы выполнять: тут не до здоровья.

Впрочем, что на «верхи» кивать, если на местном уровне головотяпства хватает. На территории профсоюзного дома отдыха «Злынка» есть участки, где дозиметр фиксирует опасный для здоровья уровень радиации. По этой причине отдыхающих второе лето нет, зато в жилом корпусе хлопочут... строители. Собираются переоборудовать здание под квартиры для работников местной спичечной фабрики...

Пословица гласит: пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Над сотнями российских, украинских и белорусских сел гром грянул четыре года назад. Пора и тем, кто там живет, и нам с вами понять, что произошла катастрофа, чьи последствия при бездействии и попустительстве могут оказаться непредсказуемыми. Беду эту иначе, как всенародной помощью, принятием программы национального спасения пораженных регионов, не одолеть. Хочется верить, что это еще по силам.

В. ЩУРОВ.

Фото В. ЛЕОНОВА.

- АФ -

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ: ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ

"ТРУД"

Четверг, 26 апреля 1990 года

стр. 2

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ: ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ

стр. 2

Верховный Совет СССР принял вчера Постановление о единой программе по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

ЧЕТЫРЕ года мы шли к истине. Но по-разному. Одни, надеясь, что время притупит боль, скрывает реальные масштабы бедствия, другие, рассчитывая узнать правду, получить поддержку, помощь. Но время не стало лекарем, а истина за минувшие годы обрела только еще более горькие очертания. Скажем сегодня то, что вчера еще сказать было невозможно.

Правда то, что авария на Чернобыльской АЭС стала самой крупной катастрофой двадцатого столетия, общенациональным бедствием. Правда то, что десятки тысяч людей, проживающих в зоне повышенной радиации, до сих пор не отселены — невидимая атомная чума постепенно убивает их здоровье. Правда и то, что пострадали от аварии не только Украина, Белоруссия, но и РСФСР. Зоны, зараженные цезием-137, теперь мы это знаем, раковой опухолью выявлены в Калужской, Тульской областях, подступая на юг к Туле... И что 600 тысяч так называемых «ликвидаторов», людей, которые боролись с вышедшим из повиновения атомным исполином, остались брошенными на произвол судьбы — тоже горькая, как полынь, правда.

Да, на ликвидацию последствий катастрофы уже потрачены миллиарды, да, был героизм, самопожертвование — помянем сегодня тех, кто умер от острой лучевой болезни, спасая нас, ныне живущих, от еще более ужасных последствий. Да, мы отдавали пострадавшим, и в первую очередь детям, лучшие пансионаты и здравницы страны — спасибо за это. Но поток дезинформации, лжи и полуправды искажал, словно кривое зеркало, даже самые добрые дела. Мы строили для эвакуированных переселенцев поселки на тех зем-

лях, где жить было (теперь это точно ясно) нельзя. То и дело иссякает запас продуктов в магазинах тех деревень, где можно есть только чистые привозные продукты. Не хватает врачей и даже самых обычных лекарств там, где людям нужна постоянная медицинская помощь. Когда нужно было срочно эвакуировать пострадавших из опасных зон, правительство, словно администрация предприятия, где есть вредное производство, давало людям подачки. Но разве можно компенсировать ужас радиации, которая разъедает организм, уничтожая не только нынешнее, но и обрекая на мучительные болезни и будущие поколения?! На той же Брянщине резко выросло число заболеваний у детей, аномалий при родах...

В опасной зоне оказались более четырех миллионов человек, десятки тысяч гектаров пашни, леса — и это тоже правда. И размер ущерба, как теперь выясняется, гораздо более велик, чем говорилось до сих пор, — десятки миллиардов рублей. А как оценить страх и отчаяние сотен тысяч россиян, белорусов, украинцев, которых преступно обманывали, или обнадеживая, либо давая противоречивые указания?! Короткая строка постановления: в районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению, сложилась крайне напряженная социально-политическая ситуация... А как могло быть иначе, если даже самые простые дозиметрические приборы и сегодня в страшном дефиците, если матерям нечем прокормить маленьких детей?..

Государственная программа, утвержденная парламентом, должна решить многие проблемы. И главная из них — обеспечить охрану здоровья людей.

Но вопросы остаются. Почему так долго мы шли к правде, почему программа разработана только спустя четыре года после аварии, а не раньше? Почему мы не знаем, как дезактивировать зараженные районы, какие последствия оказывает на людей воздействие даже малых доз радиации в течение длительного времени? Хотя были у нас и до этого аварии и выбросы, и были люди, которые прошли через горнило атомных испытаний и учений. Кто конкретно отвечает за то, что весь этот опыт не был учтен, что вместо правды нам говорили ложь?

Поднималась на сессии и другая проблема. Нужны ли нашей стране АЭС как таковые, если ни наука, ни ведомства не могут гарантировать стопроцентную их безопасность? Ведь Чернобыль стал только самым страшным, но далеко не единственным звеном в цепи крупных и мелких аварий на отечественных станциях. Ленинградская, Армянская, Балаковская, Запорожская АЭС... Пожар в машинном зале, авария парогенератора, гибель обслуживающего персонала... Экономные якобы атомные исполины сегодня безжалостно ударили по экономике страны. В то же время альтернативные, нетрадиционные источники электроэнергии остаются словно бы экспонатами выставки. Почему? Почему до сих пор игнорировались предложения, в том числе и народных депутатов СССР, провести в стране референдум по вопросу строительства АЭС?

Конечно, было бы проще решать проблемы, имея здоровую экономику и полную, а не дырявую казну. Но, как подчеркивали депутаты, мы должны измерять проблему не деньгами, а милосердием, горем людей, которым необходимо во что бы то ни стало оказать помощь. Чернобыль вчера и сегодня, и завтра был и будет тем мерлом, которым народ оценивал и оценивает дея-

тельность нашего правительства. Пока выводы самые нелицеприятные: сложившееся положение, как было подчеркнуто на сессии, во многом является результатом неправильной оценки на всех уровнях государственного управления — в центре и на местах — масштабов и последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Не раз депутаты сравнивали чернобыльскую беду с последствиями войны. Они действительно сопоставимы по масштабу потерь, и по своим последствиям. Вот почему важно, и это тоже подчеркивалось, поднять социальную защищенность тех, кто пострадал в результате аварии. Предложения звучали конкретные: принять закон о статусе людей, подвергшихся воздействию радиации и оказавшихся в зараженных районах, приравнять пострадавших по льготам к инвалидам Великой Отечественной войны...

И еще об уроках трагедии. Она по сути дела стала наглядной иллюстрацией изъянов командно-административной системы. Когда на первом месте были интересы ведомства, когда очковитительство, показуха, погоня за славой любой ценой определяли судьбу страны. Когда правду подменяли ложью, демагогией, когда на первом месте была гонка за цифрами плана. К такому взврата быть не должно — это, пожалуй, самый главный урок Чернобыля.

И нам сейчас важно, чтобы разработанная и принятая программа не осталась, как многие из того, что мы намечали в свое время, на бумаге, а была как можно быстрее реализована. Потому что речь идет не только об авторитете парламента или правительства, но прежде всего о жизни и здоровье сотен тысяч наших соотечественников.

В. КАРПОВ.

— л ф —

► Эхо Чернобыля

ВОКРУГ БЕДЫ

Завтра исполняется четыре года со дня аварии на Чернобыльской атомной электростанции. Что-то забывается уже, что-то становится привычным. Но не происходит главного: время не лечит ран. Чем дальше в прошлое уходит черный день трагедии, тем больше откровенно проблем, рушится надежд.

Пусть не сложится впечатления, будто в «зоне» не делается ничего и никак. «Сельская жизнь» много раз писала об освоенных миллионах, заасфальтированных дорогах, отремонтированных больницах, самоотверженных вра-

чах и ученых, принципиальных партийных и советских работниках. Сегодня автору тех статей хочется поговорить о другом. О развитии процессов политизации вокруг чернобыльской трагедии, когда одни, прикрываясь ею, борются за честь мундира, другие—за власть, третьи—создают оппозицию той власти, четвертые—вульгарно наживаются, пятые... И сама «зона» начинает напоминать громадный пирог, от которого каждый рвется отхватить себе кусок быстрее и побольше! А люди, живущие там, уже никому не хотят верить.

ЭТО БЫЛО на наших глазах: переполненный гомельский вокзал, стихийные митинги, слухи об эвакуации и подспудная подготовка к ней, эшелоны на запасных путях, лихорадочный подсчет единиц автотранспорта...

Потом нахлынула другая волна, и она осталась в памяти: строительство поселков для переселенцев из тридцатикилометровой зоны, слезы прощания с родными местами, вереницы машин с пожитками.

Наверное, одно из самых сильных чувств того времени—чувство ожидания. Ожидали какого-то решения, рецепта. Хотелось, чтоб кто-то сказал, как жить. И такой рецепт поступил из Института биофизики АН СССР. Хлопотный, конечно, был рецепт, но конкретный: употреблять «чистые» продукты, стирать комбинезоны, мыть технику, герметизировать кабины тракторов... Тогда, сказали, есть возможность получить не более 70 (а потом 35) бэр за жизнь.

Что такое «бэр», никто не знал, но звучало все это утешительно. С надеждой взялись асфальтировать дороги, прокладывать водопроводы, строить. Давалось все с великими трудами, не хватало ресурсов, мощностей, рабо-

чих рук. Но надежды опять возлагались на центр. Ведь он у нас, как добрая бабушка в большой семье,— делит лимиты, фонды. «Этому дала, этому дала...» Иной раз выяснялось, что «...этому не дала». Но послушные «внуки» не протестовали. Настроенность была однозначной: выполнять рекомендации группы авторов концепции безопасного проживания, возглавляемой директором Института биофизики АН СССР Л. Ильиным. Тем более что иных концепций на тот момент не существовало. Были, разумеется, сомневающиеся, те, кто потом стали авторами так называемой концепции белорусских ученых. Но и они дисциплинированно молчали до марта 1989 года, когда секреты наконец были сняты.

Короче, прошедшие после аварии четыре года были годами надежд на центр. И в научном решении проблем, и в материально-техническом обеспечении. Люди «зоны» ведь еще не знали тогда, что, например, согласно распоряжению Совмина СССР № 2640 около 66 миллионов из денег, что поступили на счет 904 (в счет Чернобыля, на который шли народные пожертвования), отданы виновнику аварии — Минатомэнерго. Как не знали и того, сколь

пророчески верны предсказания известного белорусского ученого, профессора Э. Збаровского. В результате сильнейшего психологического стресса изменился образ жизни, снизился иммунитет, растет количество гипертонических болезней, сахарных диабетов, хронических бронхитов, ишемических болезней сердца...

Однако правительством республики только спустя 3,5 года была принята программа ликвидации последствий аварии, которая сейчас обсуждается Верховным Советом СССР. В декабре минувшего и январе нынешнего года Центральный Комитет партии и правительство республики приняли два постановления, направленных на ускорение реализации чернобыльской программы. В последнем из них, например, властям на местах предписывалось: «...обеспечить предоставление жилой площади переселяемым гражданам... в домах свободного жилищного фонда, а также в домах, вводимых в эксплуатацию в декабре 1989 — первом квартале 1990 года». Был решен наконец вопрос предоставления компенсации за утраченное имущество тем, кто решил уехать, не ожидая строительства поселков.

Но выполнение этого на первый взгляд нужного и

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ: ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ - 2 -

гуманного документа было сорвано. Трудовые коллективы в чистых зонах не рвались отдавать свое жилье переселенцам. А то, что отдавали в сельской местности, часто не взял бы и погорелец. И обвинять в этом кого-либо трудно, потому что и в городах люди ни в чем не виноваты. Когда ожидаешь квартиру два десятка лет, а тут ее пытаются у тебя отнять, вольно или невольно одна часть населения республики была восстановлена против другой.

Более того, получилось так: если в чистой зоне и пробуют выделять жилье, принимают переселенцев, то только трудоспособных. Те, кто на этой земле партизанил, восстанавливал после войны, создавал новую славу белорусских колхозов, — нынешние пенсионеры, оказались никому не нужными. Кто-то, получив компенсацию за свои ветхие домики, отправился было к детям, в города. Но и там, в малогабаритных нынешних квартирах, они оказались лишними. Поэтому многие возвращаются на насиженные места, в не свои, по существу, уже дома. Только в поселке Веприн Чериковского района Могилевской области, где уровень загрязнения превышает все допустимые нормы, около 50 таких стариков и старушек.

Можно согласиться, что за оставшееся им время они не наберут отведенные учеными 35 бэр, но как жить, когда все вокруг уедут?..

Словом, документ изначально оказался непродуманным. А недавно Бюро ЦК Компартии Белоруссии рассмотрело еще одно постановление: по ускорению выполнения двух ранее не выполненных. Ларчик открывается просто. Властям необходимо реабилитироваться за годы молчания и бездеятельности. К тому же надвигались выборы.

— Последние постановления руководства республики, — говорит первый секретарь Могилевского обкома КПБ В. С. Леонов, — при внешней привлекательности не решают проблемы. Переселенцы будут рассеяны по республике, их не будет как компактной массы — значит, не о чем говорить, ничем и заниматься не нужно. А не-

давно, 10 апреля, на заседании Президиума Совета Министров Белоруссии решено снять с пострадавших областей ресурсы для увеличения жилищного строительства в других регионах. Это продолжение все той же неядальной политики.

С учетом этого становится понятным и резкий поворот в отношении руководителей республики к центру. Если раньше, году так в 1987-м, меня во всех ведомствах просили: «Ради бога, не поссорьте нас с Москвой своими статьями», то теперь все иначе. И те же самые люди беспощадно критикуют центр. Дескать, нечего больше ждать от Москвы. Заместитель Председателя Совета Министров республики А. Кичкайло заявил недавно в телеинтервью, что, если так пойдет дальше, придется меньше поставлять в союзный фонд. Его коллега — также заместитель Председателя Советов Министров республики В. Евтух — на одной из прессо-конференций сказал, что именно он дал Чернобылю гласность. Здесь содержится такое количество, мягко говоря, неправды, что только диву даешься. В том же 1987 году именно он был одним из главных стражей на пути к открытости. Как, впрочем, и еще один из руководителей правительства — председатель Госагропрома республики Ю. Хусаинов, который четырежды отказывался от встречи с автором этих строк, потому что, по его словам, «у нас все нормально».

Если они и им подобные разгрызают теперь чернобыльскую карту для своих целей, то что же говорить о неформалах, объединенных под знаменами Белорусского народного фронта? С трибун, газетных страниц и телеэкранов уже звучат формулировки: «Чернобыль — целенаправленный геноцид белорусского народа!», «Чернобыль — продолжение сталинской политики тридцатых годов!»

«Поддают жару» и некоторые представители белорусской науки. Seriously работающие, такие, как Е. Петряев, И. Лиштван, Е. Конопля и другие, создали собственную концепцию ликвидации последствий. А другие

занимаются в основном разоблачениями. Слушаешь одного, второго, третьего и диву даешься: оказывается, все говорили, все предупреждали. Но до 1989 года печатных материалов за их подписью встречать что-то не доводилось. Говорят, не публиковали. А член-корреспондент АН УССР Д. Гродзинский захотел сказать свое слово об опасности малых доз радиации — и сказал в журнале «Знание — сила». Так, может быть, дело не в позициях изданий, а в количестве гражданского мужества, которое запоздало просыпается только теперь? Более того, кто-то же создал ситуацию, когда голоса самых крупных специалистов в области радиологии стали неслышны. Обращение девяностад двух ученых к руководителям страны назвали «безнравственным» и «антинародным».

Надо, наверное, извиниться за сравнение, но все это порой мне напоминает те времена, когда наука развивалась на основе идеологии и выродилась в лысенковщину. Самых крупных специалистов тогда тоже не принято было слушать. Их принято было обличать.

Свою игру ведет и наш брат журналист. Три года дисциплинированно молчавшая белорусская пресса вдруг загудела сенсациями, разоблачениями, обличениями. Чем громче крикнешь, тем больше шансов попасть в «спасители Отечества». Серьезные аргументированные материалы настолько редки, что можно назвать только несколько фамилий. А писать было и есть о чем. Тем более партийной прессе. Коммунистов пострадавших районов довольно часто исключали с формулировками: «за политическую незрелость, малодушие, проявленное в период радиационного загрязнения»; «достоинств нет»: «исключить, исключить, исключить». А газеты молчали. Вот Славгородский райком Могилевской области. Персональное дело члена КПСС, главного агронома местного РАПО Е. Воронцовой. Она уехала из «зоны», опасаясь за здоровье детей. Постановление — исключить.

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ: ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ - 3 -

Вот справка Краснопольского райкома партии. Выехало за пределы района коммунистов в 1986 году без согласия райкома — 14, в 1987-м — 76. Исключено из партии в 1986 году — 14, в 1987-м — 41.

Мне так и не удалось подсчитать все количество исключенных из партии с такими формулировками по республике. Но знаю точно: не измена делу партии продиктовала многим это непростое решение, а нормальное беспокойство за судьбу детей. Не пришло ли время признать ошибочность тогдашней жесткой линии?

Впрочем, о том, как было и как есть, говорить можно

много. А время идет, «бэры» накапливаются. Поэтому лучше перейти к выводам. Вот первый: дни, месяцы, годы, когда ожидали решений сверху, бесповоротно прошли. Но и попытки решать проблемы только собственными силами к успеху не приводят. В первую очередь потому, что республиканские силы расчленены. Каждый играет собственную игру. И тут пацану понятно: нужно объединение сил! Научных — центра и периферии, чтобы выработать наконец общие концепции. Общественных, способных хоть чем-то ускорить процесс. Хватит взаимных упреков! Никакая честь мундира не стоит того, чтобы ради нее жертвовать истиной, той, что воздействует на судьбы сотен, тысяч людей. Тем более что, скажем, тот же Белорусский народный

фронт немало сделал для активизации общественного мнения — пора руководителям республики признать это честно. Ведь какое бы решение ни принял Верховный Совет СССР, разобщенность сил в республике не позволит его выполнить.

И еще одно. Едва ли не главной причиной всех бед является отсутствие правовой защиты населения «зоны», законодательных актов регулирования условий проживания людей на загрязненной территории. Нужно наконец понять, что «зона» не подходит под обычные мерки, не укладывается в рамки стихийного бедствия, это — глобальная катастрофа. Поэтому нужен закон о «зоне». В нем должны быть оговорены права каждого ее жителя, и самое главное — право на государственную защиту на случай проявления отдаленных последствий. Вспомним, как мыкаются сегодня по медицинским институтам те, кто ликвидировал аварию на самой станции. И кто умирает сегодня в разных уголках страны. Но им говорят: к Чернобылю ваши болезни отношения не имеют.

Мы продолжаем жить не преодолением беды, а суетой вокруг нее. Как жаль, что это приходится констатировать и после четырех лет со дня трагедии. И сегодня, в этот грустный юбилей, жестокая реальность глядит в глаза, требуя наконец дела.

А. ГУЛЯЕВ.

(Корр. «Сельской жизни»).
Белорусская ССР.

- лф -

CODE / ITEM: Чернобыль

6.5.90

Андрей ИЛЛЕШ,
публицист

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ

№ 17, 29 апреля 1990 г.

стр. 3.

Четыре года после предательства

На шестом году перестройки и пятом году чернобыльской трагедии вновь выплывает ложь. Та самая, которой, как радиации в многочисленных особых зонах, пропитаны все поры нашего государственного механизма.

Как это было? Как лгали в 1986-м? Я вспоминаю май, самое его начало, безумную, сверхнапряженную работу одних у разрушенного реактора и пресс-конференции в Киеве и в Москве, которые вели, естественно, другие люди, пытаясь подменить трагедию привычной легендой об ударной стройке. Врали вполне беззащитно, ибо никто в стране толком не понимал, что, собственно, произошло. И я, передавая свои репортажи в «Известия», зачастую множил дезинформацию, которой меня щедро снабжали.

Потом наступило время вопросов, ответы на которые можно было получить лишь из документов с грифом «секретно». Были потрачены годы, чтобы маленький этот красный штамп сковырнуть и обнародовать известное только узкому кругу людей, в силу традиционного устройства государства считавших свой народ лишь средством для достижения намеченных целей. Но прибавилось ли таким образом правды о Чернобыле? Правда становится правдой, только когда ей врят. Одного произнесения ее недостаточно.

Сегодня меня приглашают поверить, скажем, членкору Израэлю, который в Верховном Совете рассказывает о том, что полную правду в самые страшные дни он (и его Госкомгидромет) передавал наверх. Но почему же, передавая «полную правду» в одно место с утра, в полдень на транслируемых на всю страну встречах он говорил иную «правду», называл иные цифры, показывал иные карты? Единожды солгавший, кто тебе поверит? Пытающихся снять с себя ответственность за чернобыльское предательство, вдруг прозревших нынче предостаточно.

Страшно даже не то, что прозрели они через четыре года, а то, что у этих людей вновь шанс обрести популярность, а стало быть, власть: ведь новые открытия опять тиражируются в миллионах экземпляров. «Ну, дает Израэль — Рыжкова не боится!» «Генерал, глянь, маршалов закладывает!» А смелость-то не от страха ли, не от желания сберечь свое кресло? Ибо не о народе обманутом думают, а о том, что, громко крикнувши «правду», можно попытаться сохранить свою «экологическую нишу».

И кричат эту «правду», и идут за ними люди. Самое разное, но глубоко народное антиядерное движение страны, охваченной ядерной аллергией, моментально обрело лидеров. Сегодня громче других в пораженных радиацией районах зачастую кричат те функционеры, что посылали гонцов в Москву для получения разрешения на строительство атомных станций в опекаемых ими местностях. И когда взорвался не блок, а система — стала уходить из-под ног почва, они совершили поворот на сто восемьдесят градусов. Проворно совершили — без популярности ныне в Советы не попадешь. А кратчайшая дорога к популярности — оказаться в рядах чернобыльских активистов. Ничего не могу с собой поделаться, но им я тоже не верю.

Для меня, кроме видных уже всем жертв Чернобыля — детей из зараженных зон Белоруссии, Украины, Брянщины, обманутых, использованных и отброшенных «ликвидаторов», — открылись еще жертвы Чернобыля. Это специалисты — врачи и физики. Лгали иные из представителей этих профессий (в основном те, кто был ближе к руководству, а потому управляемее)? Да! А вот недоверие сегодня — ко всем (даже к тем, кто работает, нагнув голову, в самых опасных местах). Недоверие — оборотная сторона лжи.

... Я спускался внутри саркофага по нескончаемым лестницам разрушенного четвертого реактора Чернобыльской АЭС. Позади были самые опасные отметки, которые приходилось пробегать, позади был холодный ужас от осознания того, что буквально руку протяни — за стеной лежит ядерное топливо. А впереди был свет и, казалось, воздух: дышать мне мешал респиратор. И тут увидел, как пожилая женщина, одетая в грязный резиновый фартук поверх униформы, держит в руках извивающийся шланг и моет дезактивирующей жидкостью комнату. Респиратор свой, мешавший работать, она сняла.

— Что вы делаете, мамаша?!

— Не шуми, мне, милый, детей не рожать, годы не те. А вот заработать сыну на новую хату надо...

Много видел я послечернобыльских трагедий — больных, людей с изломанными судьбами, просто умирающих, рыдающих переселенцев... Но забыть не могу именно эту женщину, добровольно глотающую ионизированный воздух. Она уже никому не верит, жизнь научила ее рассчитывать только на самое себя.

Если государство не предало и ее, то что тогда вообще предательство?

ЗАПИСКИ ВРАЧА О ЧЕРНОБЫЛЕ: "ЭТО БЫЛА НЕОБЫЧНАЯ ВОЙНА, НО МЫ БЫЛИ ЕЕ СОЛДАТАМИ"

- 1 -

«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ». 05.05.90. № 18 (1422)

стр. 8

ЧЕРНОБЫЛЬ

ЗАПИСКИ ВРАЧА

ЧЕТЫРЕ утра. Хлещет дождь. С двух сторон лес, сзади глинистая пустошь. Перед строем расхаживает приземистый подполковник и что-то кричит, но шум дождя мешает слушать. Дносятся отдельные слова: «Особая зона... военное положение... правительственное задание».

Слева, где стоят солдаты, слышен неясный гул, многие пьяны. Мы — тридцать офицеров запаса — в две шеренги замерли на правом фланге. Многих из нас связывала с армией лишь учеба на военной кафедре да короткие институтские сборы.

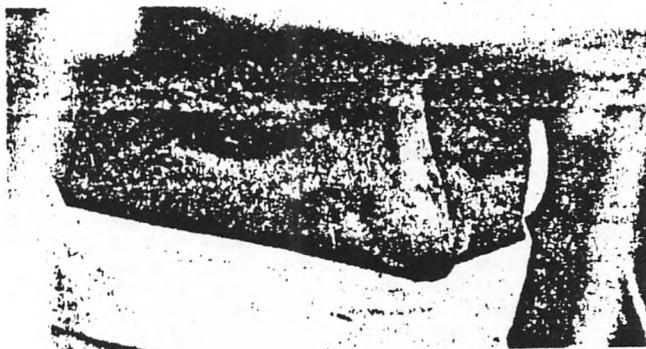
Я служил в Чернобыле в октябре, ноябре и декабре 1986 года, когда работам по дезактивации и конца видно не было. И добровольцев я видел, но не тех, кто приехал в Чернобыль по желанию, а тех солдат, которые соглашались работать при сверхбольших уровнях облучения. В таких добровольцах недостатка не существовало. Но и на обычных работах по дезактивации, на работы при средних для Чернобыля дозах облучения солдаты просто рвались, и самым большим наказанием

являлся запрет на поездки на реактор. А что радиация вредна, худо-бедно представляли все. К тому же поездок после пяти большинство начинало жутко кашлять, несмотря на респираторы, после рентгенов десятки у многих появлялись головные боли.

Приходит ко мне на прием изможденный солдат и просит:

— Только меня в лазарет не кладите, только от работ не освобождайте, дайте таблеток, и я пойду, мне надо на станцию...

Вот такая выходила петрушка. Конечно, с одной стороны, все просто, люди понимали, что дезактивация необходима, затем сюда и прибыли, но имелась и другая сторона медали. Очень хитрая была придумана штука: так как насильно посылать кого-либо в Чернобыль дозольно хлопотно и не очень демократично, то было решено нет-нет, не посылать

любого в Чернобыль, но любого военнообязанного мужчину в возрасте до сорока пяти лет призывать на шесть месяцев в армию. А уж солдата и офицера о желании не спрашивают, ему приказывают. Оказавшись же в Чернобыле, солдат или «партизан» — так звали всех нас, запасников, кадровые офицеры — быстро соображал, что за те шесть месяцев, на которые его призвали, свою предельную дозу облучения он получит обязательно, держать же облученного его здесь долго не будут, и вопрос о возвращении домой сводится к тому лишь, за какой срок получит он свою допустимую дозу — за пятнадцать дней или за сто восемьдесят.

За каждую поездку на реактор в дальнейшем выплачивалось по четыре дневных оклада, за нахождение в лагере — нет, а там тоже окружала со всех сторон радиация. Пусть в меньших дозах, но окружала, летала, смешанная с пылью, плавала в воде, пряталась в хвое, листьях, да и работ в лагере на всех хватало, не санаторий же — армия.

Но я не осуждаю наших руководителей. Для борьбы с этой вселенской катастрофой надо было иметь организацию мобильную, неотвратимую, мощную, а времени на то, чтобы создать иную, не оставалось — армия уже существовала. Надо

ЗАПИСКИ ВРАЧА О ЧЕРНОБЫЛЕ: "ЭТО БЫЛА НЕОБЫЧНАЯ ВОЙНА, НО МЫ БЫЛИ ЕЕ СОЛДАТАМИ"

- 2 -

стр. 8

учесть и то, что все они выросли в недрах брежневского аппарата, и какие бы прекрасные ни существовали у них замыслы, но управлять по-новому они в 1986 году не умели.

В конце ноября я еще с одним офицером был в командировке в Киеве. Удалось выкроить пару часов, заскочить к знакомым. Сидели, бахвалились, зубоскалили, как вдруг присутствующая при сем барышня язвительно заявляет:

— Сейчас-то вы шутите, а потом начнете врать, что подвиги здесь совершали.

Называть наши дела героизмом как-то тогда язык не поворачивался. Не жажда славы заставляла нас облучаться, мы вынуждены были идти в зону, потому что земля лежала зараженной и кто-то должен был ее спасать: скалывать радиацию, вырубать радиацию, смывать, выкапывать, вывозить, и хотя было трудно, страшно, но не обидно: кто-то делать это был должен. Выпало нам, а то сделали бы другие — при чем же здесь героизм?

Я все время правлю текст, я правлю написанное в моем мозгу слово «Чернобыль» на «Чернобыль», и хотя я уважаю имена собственные, но, поймите, в Чернобыле мы говорили Чернобыль. В нашей бригаде служили русские, что такое Чернобыль, мы не понимали, но каким точным казалось название Чернобыль — черная быль!

Но и многое иное переименовывалось солдатами. Стояла бригада у села Ораное, называли же его исключительно Ораное с обязательным добавлением соответствующего рифмующегося аллитерирующего прилагательного. В то время тогдашний американский президент Рейган еще не подружился с Горбачевым, и единицы измерения радиации мы обзывали рейганями. Я надеюсь, Вильгельм Конрад Рентген просит нас, как и Рональд Рейган.

Надо сказать, что если в стране не нашлось гражданской силы, способной взять на себя Чернобыль, то и армия выступила лишь как организационная структура, основную же тяжесть битвы с радиацией несли штатские в военной форме — «партизаны». Комплектовали части и мобилизовывали нас военные, и, чтоб служилось веселее, они с присущим им специфическим юмором иногда организовывали забавные шутки. Прислали, например, на должность начальника медслужбы соседнего батальона акушера-гинеколога. Он тоже окончил когда-то медицинский институт по общей врачебной специальности «Лечебное дело», но всю свою трудовую жизнь он лечил женщин, и не просто женщин, а женщин в положении.

Служил с нами кандидат наук, кардиохирург — круглый, розовый, самоуверенный блондин. Этот держался бойко и, как бывший аспирант, отменно чертил всячес-

кие красивые таблицы, схемы, стенды, что в армии очень ценится. Только однажды без дозиметра по ошибке он забрел на сильно зараженную местность. Дозиметра у него не оказалось, специалистам, которые по крови сумели бы оценить полученную им дозу, его тоже не показали — армейскому руководству нет ничего страшнее чрезвычайных происшествий. Я могу лишь пожелать ему здоровья, если он еще живет на Земле.

Начальником аптеки у нас был хмурый; сорокадвухлетний сержант, работавший на гражданке директором карьера. Наверняка и в Чернобыле дело по специальности, по уровню квалификации ему бы нашлось, но стояла в его военном билете почти четверть века назад проставленная военно-учетная специальность — санитар-инструктор и звание — сержант.

Хотя, может, зря я иронизирую, но так просто найти специалиста на все случаи жизни, тем более, когда в частях простейшие лекарства были дефицитом, диагностической аппаратуры и вовсе фактически не имелось, зато, кроме радиации, банальных гражданских болезней, имелись травмы, крысы, вши, вспышки инфекций — и это, неудивительно, в редкую неделю не прибывало по несколько команд пополнения, порядком помыкавшегося в дороге по пересыльным лагерям и военкоматам, вокзалам и аэродромам, по общим вагонам пассажирских поездов и кузовам грузовых автомобилей.

Совершенно все знать и нельзя, а встречались иногда случаи, когда мы даже не представляли, с какой стороны начинать ставить диагноз.

Военкоматы присылали, иногда таких бойцов, что их приходилось сразу же комиссовать и отправлять домой.

Но не так страшен лишенный здоровья, как лишенный разума. Однажды дозиметристы замеряют в лагере резкое повышение фона, начинают искать и находят в солдатской палатке, в тумбочке кусок графита с такой мощностью излучения, что пара суток соседства с ним привела бы к неминуемой смерти. Но не думайте, что владелец графита пытался кончить жизнь самоубийством или имел иной злой умысел, нет — кусок графита был лишь «дембельским» сувениром на память, сюрпризом для детей.

Меня, врача, знающего, что такое радиация, всегда поражало то, что в Чернобыле крали. Мой предшественник уезжал домой, нагруженный несколькими мешками с ботинками, шмотками, бельем.

— Что же ты делаешь, куда ты все это тащишь, отвык уже жить без радиации? Ты же врач, — убеждал я его, но он лишь, кряхтя, стягивал свои тюки.

И не только он. Воистину, когда Аллах

ЗАПИСКИ ВРАЧА О ЧЕРНОБЫЛЕ: "ЭТО БЫЛА НЕОБЫЧНАЯ ВОЙНА, НО МЫ
БЫЛИ ЕЕ СОЛДАТАМИ"

- 3 -

хочет наказать человека, он лишает его разума. Были и такие, что посылали моей продуктовые посылки — подарки из Чернобыля.

С машинами было худо, большинство из тех, что остались на ходу, так обмызгались, что редкие из них могли проскочить на Киев, да и то обычно выбирали хитрую дорогу, где служили довольно демократичные дозиметристы. Но что Киев, на станцию порой не на чем оказывалось везти солдат. По телевизору часто показывали, как идет колонна автобусов с гражданской сменой, но там не увидишь, как и до, и после нее в обе стороны едут и едут зеленые грузовики с затянутыми брезентом кузовами, в которых столько набито «наших стриженных ребят», что порой и уместиться им негде — сидят друг у друга на коленях, сопят в респираторы, продрогшие, невыспавшиеся.

Солдатами у нас служили не мальчишки — мужики в среднем лет двадцати пяти — сорока. Их оторвали от работы, от жен, от дома — для войны с радиацией, и они понимали, что надо кому-то ездить на БРДМ в радиационную разведку, кому-то дезактивировать реактор, кому-то — леса и поля, защищать от радиации воздух и воду. Не первый день жили они на нашей грешной земле и хотя иногда ворчали, но понимали и то, почему плохо с машинами, почему, кроме работы, надо еще и самим строить жилье, и дежурить по кухне, но что озлобляло и раздражало солдат, так это та нервная суета, которую организовывал кадровый офицерский корпус при малейшей угрозе появления ревизора.

Понимаете, какая штука: перед отъездом на реактор никто нас не выстраивал, мы стояли перед машинами вольно, курили напоследок, и даже те, кто уже десять — пятнадцать раз были в деле, хотели, чтоб время чуточку притормозилось.

Сейчас появилось много глубокоумных интеллектуалов, которые пишут, что вот русские не умеют работать и никогда не умели, теперь же и тренированность потеряли. Я готов основательно спорить с подобными типами, но не в этом повествовании, а сейчас хочу подбросить господам скептикам один факт: на реакторе все, почти без исключения, вкалывали. Вроде и зарплата была не сдельная, и нормы не маленькие. Армия. Радиация. Но вдруг в людях появлялось просто упоение, азарт, хотя да, в лагере комбата неделю приходилось орать на меня, чтоб мои бойцы перекрасили галюнь, да и я, честно признаюсь, инициативу не проявлял и так же,

как мои солдаты, считая комбата дураком, а он, наверно, нас — не умеющими работать разгильдяями. Но разве в умении работать тут дело?

У меня служили отличные ребята. Нет, был, правда, один, «но такого не хочу даже вставить в книжку». А вот служил у меня сержант-санинструктор, заточник из города Владимира Иванов Валерий Алексеевич. Это был носатый, большеротый, крикливый тридцатипятилетний мужик, он обладал огромнейшим достоинством — уверенностью; его можно было убить, но нельзя было унижить. Если требовалось сделать что-либо и вправду серьезное, он говорил:

— Есть, командир, — и стыдно было проверять.

Хочется писать о жизни, не о смерти, пусть страшное включат в тексты те, кто будет создавать книги по документам и нашим историям болезни, кто сам в Чернобыле не был, не преодолевал и жалость, и страх. Ведь и Теркин выиграл войну не только истекая кровью и убивая.

В Чернобыле случалось все, даже криминальное. Армия — дитя своего общества. В Москве представлялось, что в Чернобыле все должно быть как-то иначе — организованней, лучше. А на деле дозиметров обыкновенных не хватало, выдавались штуки три на команду, и выводили в конце смены среднюю дозу на всех. Я, как имевший ранее дело с радиацией, пытался сначала доказывать, что и замеры уровней радиации проводятся, на мой взгляд, в Чернобыле неверно. Командиры отвечали мне, что приказ есть приказ. Наконец я нашел и понимающего в радиологии полковника.

— Ну почему, — горячился я, — измеряется лишь гамма-излучение? Альфа-частицы, понимаю, здесь и измерять нечем, но почему бета-излучение не меряется?

Полковник ответил мне, что измерение альфа- и бета-излучения не производится в связи с их низким проникающим действием, от которого полностью защищают респиратор и форма.

— Но ведь облучение производится не из рентгеновской пушки, — не унимался я, — радиоактивные элементы летают здесь и в воздухе, лезут куда могут, испускают свои вредоносные ионизирующие частицы и со слизистой глаз, и с поверхности кожи, да и изнутри — сколько времени держат респираторы?

— Не горячись, лейтенант, — полковник подмигнул мне. — Ты еще походи здесь, присмотрись, может, тут еще что-то есть, а в случае чего заглядывай ко мне.

Но больше я к нему не обращался, ибо мне открылось, что статус-кво восстанавливали сами солдаты. На месте работ они находили точку с наиболее высоким уровнем гамма-излучения, прятали там все три дозиметра, выставляли караул; дело пахивало трибуналом. Затем проводилась несложная операция, доступная любому

ЗАПИСКИ ВРАЧА О ЧЕРНОБЫЛЕ: "ЭТО БЫЛА НЕОБЫЧНАЯ ВОЙНА, НО МЫ БЫЛИ ЕЕ СОЛДАТАМИ"

- 4 -

школьнику: допустимую для обычных работ дневную дозу облучения делили на мощность источника, получали время, в течение которого можно было находиться в зоне, а потом так вкалывали, что задолго до официального окончания смены выполняли урок, сидели в относительно чистой (в радиологическом плане) помещении, болтали, курили.

Мой начальник по службе майор Х., тот, который встретил меня ночью, удивил меня уже на следующее утро.

— Ты еще не содрал опереточные погоны? — поинтересовался он.

В Чернобыле все офицеры втыкали звездочки в обычные солдатские погоны, но само выражение — «опереточные погоны» — в устах кадрового офицера меня заинтриговало. А потом последовал вопрос:

— У тебя же освободилась в медпункте койка?

— Освободилась.

— А если я у тебя буду жить, возьмешь?

Вроде опасно иметь рядом с собой начальника, но и откажи ему попробуй! Я искоса взглянул на майора, в этот момент он с азартом ковырял в песке мыском ботинка. Улыбнувшись, я сказал:

— Беру.

Сначала все же я относился к своему соседу настороженно. Дня через четыре майор Х. вернулся в медпункт в три часа в состоянии фельдкурата Каца; как ни странно, это вызвало у меня симпатию к нему: почему-то в Чернобыле выпивка воспринималась не как процедура приема наркотика, но как акт вольнодумствования, как акт свободы. Наутро же я оценил всю стратегическую ценность нового соседства. То, что майор Х. сбежал с глаз комбрига, я понимал, но еще не догадывался, что он является охранной грамотой моего медпункта. Как раз на следующее утро проверять медпункт приперся командир части. Я в «предбаннике» писал какие-то бумаги, а за моей спиной раздавался залихватский храп.

— Это что такое?! — зарычал подполковник, кинулся в отсек с кроватями и сдернул одеяло со спящего.

Майор Х., мигая еще не смотрящими, заспанными глазами, решительно заявил:

— В чем дело? Докладывайте!

Подполковник замаялся:

— Извините, Юрий Николаевич, отдыхайте.

Хоть Х. был майором, но майором из управления бригады, и подполковник вынужден был считаться с ним. Выскочив в «предбанник», подполковник зашипел на меня:

— Что ты меня не предупредил?

— Не успел.

— А что он здесь делает?

— Живет.

— Зачем?

— Он все же командир, сказал, что будет здесь жить, и все, — слушавия я. — Не могу же я начеда бригады, майора взять и выгнать?

— Нужен он здесь больно, — промывчал уходя подполковник, но за все дальнейшее время службы медпункт проверять больше не заходил.

Майор Х. был удивительным офицером, наплечный звездопад словно не существовал для него. Он не суетился, не орал на

подчиненных, никого не грозился отдать под трибунал, извести, уничтожить, нет, но все у него отлично делалось свое дело. Он не старался казаться всезнайкой, как некоторые проверяющие полковники медицинской службы.

— Это надо делать так, а это, ребята — вы же лечебники, а не я, — вы должны знать лучше меня, вот и действуйте.

При своей кажущейся беспечности майор Х. был крайне целеустремленным человеком, он не разбрасывался, он мало говорил, но если что-то решал, то вцеплялся, словно бульдог. При угрозе эпидемии гриппа он за два часа развернул сто кооек. Я уже писал, что почти никакого оборудования у нас не имелось, да и специалистов-лаборантов тоже, естественно, не присылали. Вот Х. как-то на врачебном совещании заявляет:

— Но ведь нельзя здесь без гематологической лаборатории, что думаете?

— Нельзя, — отвечаем.

— Будет, — говорит, — лаборатория.

И пускай большинство добытых им приборов оказались выпущенными еще Свердловским и Новосибирским совнархозами, но через неделю лаборатория работала.

Когда по ошибке военкоматы вместо стоматолога прислали в бригаду кардиолога, у нас началась жуткая жизнь. В соединении одновременно служили несколько тысяч человек, и в редкий день у кого не заболел зуб. Не драть же их все подряд, хоть мы и «партизаны», но ведь и не на оккупированной территории, не в сорок втором году. А положение такое: пока кто-то из ныне служащих врачей дозу свою не наберет, даже заявку на специалиста в Москву подать нельзя, кругом же земля — своя — советская, а военный округ чужой — Киевский. Вздыхал, вздыхал Х., курил сигареты перед бригадным медпунктом.

— Ну все, завтра стоматолог будет, — взял машину и уехал. Вернулся вечером с капитаном стоматологом.

Но не это все поражало меня в Х., и не то, что, кроме службы, он еще писал какие-то картины, и не то, что знал три иностранных языка. Поражало то, что умел он наслаждаться жизнью и всех окружающих его заражал этой способностью. Откуда в Чернобыле радости? А он выцарапывал их при любой возможности.

Раза три Х. где-то доставал водку, это в особой-то зоне! Да простят меня ханжи,

ЗАПИСКИ ВРАЧА О ЧЕРНОБЫЛЕ: "ЭТО БЫЛА НЕОБЫЧНАЯ ВОЙНА, НО МЫ
БЫЛИ ЕЕ СОЛДАТАМИ"

-5-

но как же прекрасно было после отбоя, запершись в моем фургоне, витийствовать над жестяными кружками.

Майор Х. научил меня тому, что и на войне можно жить, а не прозябать, и это сильнее всех политпропаганд помогало бороться.

В конце ноября, когда у автора уже начала бунтовать его щитовидная железа, правда, об этом он еще сам не знал, просто стала слишком нервным и слишком часто заколотилось сердце, в бригаду прибыл еще один симпатичный майор с гитарой. Потом, как говорилось у нас, он полез на стенку, получит орден, от облучения облысеет, а пока, еще молодой и красивый, он стал по вечерам петь песни. Солдаты все время пели самодельные песни, а мы вот без них жили.

А как заиграл майор на гитаре, вдруг мы, офицеры, тоже запели, но все больше известные: про белую акацию, про господ юнкеров, про Боба Кеннеди и про то, как хочется домой, в Россию.

В те вечера, когда мы пели, казалось, все плохое уходит от меня прочь, но так только казалось, ибо моя щитовидная железа совсем сошла с ума, и после короткого загула в Киеве я все же вернулся в Москву, в которой все уже забыли про Чернобыль или считали его давно прошедшим событием, где везде можно было ходить без респиратора, ступать на обочины, забредать в лес!

Я не претендую ни на какие медали, не выпрашиваю никаких льгот. Высокие награды получают живые победители, а те, кто гибнет в первые дни войны, в том же июне сорок первого, не имеют порой и христианской могилы. Но и на Куликовом поле легли не только Пересвет и Ослябя. Да ведь погибли не зря, а за веру, за не родившегося еще арапчика Александра Пушкина, за потомка шотландца Лермонтова, за эксплуататора и феодала графа Льва Толстого, за то, что и сейчас, в 1990 году, мальчики по-русски признаются девочкам в любви.

Даже материалисты уверены в материальной природе мысли, тем самым невольно признают, что результат веры миллионов людей должен существовать объективно, а значит, и то, что есть грех и есть святость. Так ли важно, победили мы формально в Чернобыле или проиграли? Мы не отступили, мы сберегли честь и веру.

Это была необычная война, но мы были ее солдатами.

Михаил ВЛАДИМИРОВ

-109-

В ЦЕНТРЕ ДОНБАССА В РЕЗУЛЬТАТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ ОСТАНОВЛЕНО НЕСКОЛЬКО ШАХТ. УЛЬТИМАТУМ ШАХТЕРОВ ГОРЛОВКИ И ЕНАКИЕВА: ЕСЛИ ДО 15 МАЯ ГОРОДА НЕ БУДУТ ОБЪЯВЛЕНЫ ЗОНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕДСТВИЯ, ШАХТЕРЫ НАЧИНАЮТ ЗАБАСТОВКУ

ЦТ "ВРЕМЯ" 21.00 10.5.90

Кажется, совсем недавно исчезли тревожные сообщения с первых полос газет и из эфира о шахтерских забастовках. И вот, вновь тревожная информация из шахтерских краев - В РЕЗУЛЬТАТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ В ЦЕНТРЕ ДОНБАССА ОСТАНОВЛЕНО НЕСКОЛЬКО ШАХТ. Там проходят многотысячные митинги протеста.

Счет убытков идет уже на миллионы рублей. Виновник - Горловский химзавод. В шахтах, расположенных под этим предприятием, обнаружены вещества, вызывающие отравления шахтеров.

(На экране Горловский химзавод -мон) Здесь производят взрывчатку для промышленности. Мы попали на завод и впервые вели здесь съемку только с разрешения заместителя министра оборонной промышленности. Особую угрозу для здоровья жителей Горловки и Енакиева представляют скалад легковоспламеняющихся жидкостей и свалка отходов производства.

Завеса секретности породила улюдей мнение, что на заводе есть отравляющие вещества.

ГОВОРИТ ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПУЗЫРЕВ:

- Я могу ответственно заявить, что на этом заводе никогда отравляющих веществ не производили, не производят и сейчас. Это не профиль нашего направления.

ВЕДУЩИЙ. А что тогда попало в почву и проникло на такую большую глубину - до 600 метров?

ПУЗЫРЕВ. Был прорыв коммуникаций, и через этот прорыв, в результате халатности аппаратчика, ушло порядка 30-40 тонн хлорбензола. Но отравление шахтеров произошло, на мой взгляд, не только по причине попадания хлорбензола, потому что его токсичность не настолько высока, чтобы быстро отравить.

ВЕДУЩИЙ. Какие же токсические вещества и в каком количестве проникли на глубину и распространяются по угольным полостям? - Ответа на этот вопрос с декабря прошлого года так никто и не дал шахтерам. Продолжается межведомственная перепалка, а на шахтах множатся случаи отравлений, люди тревожатся за свое здоровье, спрашивают, не придется покидать шахтерские поселки.

Союз рабочих Горловки предъявил правительству республики свои требования.

ШАХТЕР. Основные требования на сегодняшний день шахтеров Горловки и Енакиева - это признать города зоной экологического бедствия и сказать жителям о тех отравляющих веществах, которые присутствуют в атмосфере шахт и города. И это требование выдвинуто, срок поставлен: до 15 мая если требование не будет выполнено, значит шахты остановят свою работу, объявив забастовку, и обратятся с обращением к жителям городов за поддержкой.

ВЕДУЩИЙ. Похоже на ультиматум, да, впрочем, так оно и есть, хоть язык ультиматумов в трудовых коллективах получил публичное осуждение, но

ЕСТУТ МОЖНО ПОНЯТЬ ШАХТЕРОВ: НА ИНОМ ЯЗЫКЕ, ЯЗЫКЕ ПРАВДЫ, ОТКРЫТОСТИ, С НИМИ, СУДЯ ПО ВСЕМУ, НИКТО НЕ ХОЧЕТ ГОВОРИТЬ, А ЭТОГО ОНИ ЯВНО НЕ ЗАСЛУЖИВАЮТ. ДО 15 МАЯ ОСТАЛОСЬ 4-е ДНЯ.

-бр-

blue-red

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЭКСПЕРТЫ ПРОВЕДУТ НЕЗАВИСИМУЮ ЭКСПЕРТИЗУ РАДИОЛОГИЧЕСКОЙ
ОБСТАНОВКИ В РАЙОНЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АВАРИИ

"ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК" №19/90 с.2

Взгляд со стороны

ЧЕРНОБЫЛЬ: «ДЕСАНТ» ЭКСПЕРТОВ

Правительство приняло распоряжение пригласить в нашу страну крупнейших зарубежных специалистов, которые обстоятельно изучат и дадут объективную оценку радиологических последствий чернобыльской аварии, их воздействия на здоровье людей и окружающую среду. Прокомментировать его наш корреспондент Г. Константинов попросил первого заместителя председателя Бюро Совета Министров СССР по топливно-энергетическому комплексу В. МАРЬИНА.

— Напомню предысторию — еще в июне прошлого года после встречи с народными депутатами СССР Н. Рыжков поручил пригласить в нашу страну экспертов из МАГАТЭ и ВОЗ. Минздрав СССР организовал тогда приезд трех специалистов из ВОЗ, однако их выводы, сделанные в результате краткосрочного визита, были встречены учеными Украины и Белоруссии с определенным недоверием. Тогда правительственные органы решили организовать более обстоятельную, глубокую и представительную экспертизу. Подготовка к ней, в сущности, почти завершена. В марте в трех республиках, пострадавших от аварии на ЧАЭС, высадился первый «десант» экспертов — они определили программу, наметили места предстоящих исследований.

— Сколько экспертов будет работать в загрязненных зонах, на каких проблемах они сосредоточат свое внимание!

— Предполагается, что этот проект займет 4—5 месяцев, участвовать в нем будут несколько десятков зарубежных специалистов самого разного профиля. Мы предоставим им данные о загрязнении территорий и сельскохозяйственной продукции, заболеваемости, индивидуальных дозах облучения — словом, всю инфор-

мацию, которой располагает наша страна. Ведь в задачу проекта не входит дублирование той крупномасштабной деятельности, которая была осуществлена в СССР. Однако независимая экспертиза должна подтвердить либо уточнить полученные данные и методологию, которую использовали советские ученые.

Эксперты ставят перед собой пять основных задач — изучение событий, приведших к нынешнему положению, и подробное его описание, подтверждение оценок загрязнения окружающей среды,

индивидуальных и коллективных доз радиационного облучения, клинически значимых их последствий для здоровья и общей медицинской ситуации. Кроме того, они дадут прогноз медицинской и экологической обстановки в загрязненных районах на 30—50 лет.

После завершения исследований предполагается провести совещание и подготовить обстоятельный отчет, который эксперты передадут правительству. Он будет доступен широкой общественности у нас в стране и за рубежом.

— Предполагает ли проект рассмотреть 35-барную концепцию, вокруг которой сейчас так много споров, в по-рой и просто агитация!

— Да, эксперты оценят различные критерии, необходимые для принятия решений, сопоставят предложения советских ученых с критериями, используемыми в других странах, и дадут свое заключение.

— Предстоит большая работа. Как она будет организована!

— Сразу подчеркну — проект осуществляется под эгидой Академии наук СССР, надеюсь, это снимет возможные упреки в «ведомственной» организации международной экспертизы. Специалисты приедут со своим оборудованием, перепроверят наши данные, они будут по своим методикам. Штаб-квартиру проекта намечено разместить в Гомеле, в три филиала — в Киеве, Минске и Новозыбкове. Нам уже сообщили, что четыре тысячи индивидуальных дозиметров на все лето раздадут детям. На автомобилях будут оборудованы передвижные лаборатории со счетчиками излучения — в каждой из них можно будет обследовать ежедневно более ста человек. Эксперты привезут свои компьютеры для обработки информации. Словом, работа по проекту уже начинается.

«Мы должны заставить КПСС «позеленеть»,
говорит известный эколог, депутат Алексей Яблоков

-1-

«НОВОЕ ВРЕМЯ» № 20 90

стр 46, 47

ЭКОЛОГИЯ

Отравлен хлеб, и воздух выпит...

Анатолий Горелов,
доктор философских наук

Лауреат Нобелевской премии мира Эли Визель в конце своего доклада на Глобальном экологическом форуме в Москве рассказал такую притчу. Люди сели в лодку для того, чтобы переправиться на другой берег. И вот во время плавания один из пассажиров стал вдруг пробивать дно лодки под тем местом, на котором он сидел. «Что ты делаешь? — забеспокоились соседи. — Мы все погибнем». «Какое ваше дело, — отвечал тот. — Это мое место. Я заплатил за него и что хочу, то и буду с ним делать».

Экологическое покаяние

Решение глобальных проблем предполагает честный и беспристрастный ответ на вопрос, почему «мы, люди, начали представлять опасность для самих себя». Каковы причины того, что на языке религиозных деятелей называется «Преступлением против Творения», причины, которые, как сказано в принятом на форуме обращении ученых, «не зависят ни от национальности, ни от поколения, ни от идеологии». Давайте откровенно признаем, что причина в нашем агрессивно-потребительском отношении к природе и людям, свойственном не только большинству людей (и каждому в отдельности), но и всем тем социальным структурам, которые развились в Новое время и привели к становлению капиталистического общества.

При чем, однако, здесь мы, живущие в обществе, называющем себя социалистическим, и отвергнувшие

72 года назад капиталистический выбор? Почему столь удручающее экологическое положение одной шестой части суши с гордым названием Советский Союз?

Сложившаяся кризисная экологическая обстановка имеет некоторые общие глобальные причины и следствия,

присущие всему миру, но помимо этого в каждом уголке земного шара имеются свои локальные причины, объясняемые как раз идеологическими, национальными, географическими и социальными моментами.

Экологический кризис в СССР не есть нечто случайное, он не только феномен науки и техники (хотя вызван в первую очередь отрицательными последствиями НТР), а определяется культурой и стилем жизни. И если, как отмечал Л. Уайт, научно-индустриальное давление на природу было вызвано на Западе религиозными причинами, то в СССР оно скорее объясняется идеологическим тезисом о современном индустриальном производстве как базисе развития общества и вытекающим отсюда практическим стремлением во что бы то ни стало догнать Запад по выработке основных видов промышленной продукции. Официальный образ жизни в СССР в индустриально-технологической области, по существу, копировал западный, а в социальной сфере, хотя и отличался от него, приводил к сходным результатам.

Известно, что марксизм сформировался на западной почве в условиях капиталистической системы

«Мы должны заставить КПСС «позеленеть», —
говорит известный эколог, депутат Алексей Яблоков

- 2 -

ведения хозяйства, когда на первом плане находились социально-экономические вопросы. Проблема отношения человека к природе не была для Маркса и Энгельса главной. К тому же отрицательные экологические последствия научно-технического прогресса в то время были не столь заметны, как сейчас. Точка зрения основоположников марксизма на проблему отношения человека к природе формировалась на основе диалектики Гегеля с ее «снятием» природы и человека и буржуазно-потребительской ориентации, идущей от эпохи Возрождения.

В советской экологической литературе упоминается диалектико-материалистическая концепция единства человека и природы. Для подтверждения тезиса об экологичности маркс-

сизма в печати цитируются слова Маркса о том, что природа наравне с производительными силами — основа общественного богатства. Между тем богатство Маркс понимал как совокупную производительную силу, направляемую на дальнейшее преобразование природной среды.

Понятие борьбы с природой, господства над ней трансформировалось в знаменитые афоризмы. «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача», — пожалуй, самое известное в СССР высказывание по проблеме отношения к природе, приобретшее популярность как раз в то время, когда над природой совершалось дикое и разнузданное насилие; высказывание, привлекающее своим пафосом агрессивности, но логически некорректное, поскольку как раз милости-то и нельзя взять, а можно их только дожидаться. Если чуть исправить этот афоризм, получится не очень привлекательно, но зато точно: «Взять у природы, не дожидаясь, все, что мы хотим».

В конце 20-х годов был взят курс на скорейшую индустриализацию, не считающуюся ни с какими экологическими параметрами, и ему следуют поныне, хотя обозначились все симптомы экологического кризиса и верным стало следующее положение: «Мы не можем ждать милостей от природы после того, что мы с ней сделали». Централизация и плановый характер производства, если они подчинены единой уста-

новке — догнать и перегнать, соединенные с коллективизацией, приведшей к бесхозяйственности в деревне и деградации земли в условиях, когда общественное мнение отсутствует, а правящий слой действует волонтаристски при полной пассивности масс, еще быстрее ведут к экологической катастрофе, чем капиталистическая анархия производства.

Наконец, еще одна причина — психологического свойства. Каждая система власти хочет зарекомендовать себя перед народом, акцентируя внимание на том положительном, что она принесла. Когда встает вопрос об оправданности господства, всегда можно сказать: до революции выплавлялось такое-то количество тонн стали, а сейчас в десятки раз больше. Если же говорить о сохранении окружающей среды, то ответят: «Эка невидаль — чистый воздух и вода были и при царе. Нет, вы скажите, что прогрессивного принесла ваша власть?»

Что есть прогресс?

В конечном счете все дело в том, что именно мы называем прогрес-

сом. Не является ли это понятие для нас еще одним способом достижения духовного комфорта? Действительно, начиная с Нового времени наука и техника развивались, и вполне успешно, как способ обеспечения господства над природой. Прогресс был налицо. Развитие достигло таких величин, что в середине XX века появился сразу был принят термин НТР. Но... через несколько лет пришлось говорить об экологическом кризисе, разбирая последствия применения ДДТ. Заместитель председателя комиссии Верховного Совета по экологии Алексей Яблоков сказал, что «30 процентов пищевых продуктов в СССР содержат пестициды, вредные для человека», включая 42 процента молока, предназначенного для детского питания, причем нижней границы безопасности применения пестицидов не существует. Если такую химизацию считать необходимой составной частью построения коммунизма (по из-

«Мы должны заставить КПСС «позеленеть», — говорит известный эколог, депутат Алексей Яблоков

- 3 -

вестной формуле
Н.С.Хрущева), то кто
будет в таком обществе жить?

Не все так просто с определением прогресса. Прогресс научно-технический, ведущий к деградации биосферы и ухудшению здоровья населения, не есть прогресс, нужный человеку и природе.

Конечно, положение в так называемых развивающихся странах и наиболее бедных не стоит идеализировать, тем более что большая часть из них постепенно втягивается в русло индустриализации со всеми вытекающими отсюда экологическими последствиями. Важнейшая задача, которая здесь встает, — обеспечение «отсталых» стран современными безопасными и малоотходными технологиями. Для этого нужен международный экологический фонд. Это, по Пересу де Куэльяру, один из вопросов Конференции ООН по окружающей среде и развитию, которая состоится в Бразилии в июне 1992 года. Поступили предложения также о создании Фонда климата Земли — в дополнение к функционирующему с 1987 года Международному фонду за выживание и развитие.

«Ядерные бочки» АЭС

Не по всем вопросам экологи способны достичь взаимопонимания. Особенно это касается перспектив использования «мирного атома». Это тем более обидно, что

главный экологический вопрос сейчас — АЭС, так же как главное экологическое событие последнего десятилетия — катастрофа в Чернобыле. Связав рост процессов демократизации в мире с наметившимся ограничением строительства АЭС в различных странах, Л. Браун выдвинул тезис: в условиях демократизации ядерная энергетика не выдержит. В самом деле, предположим,

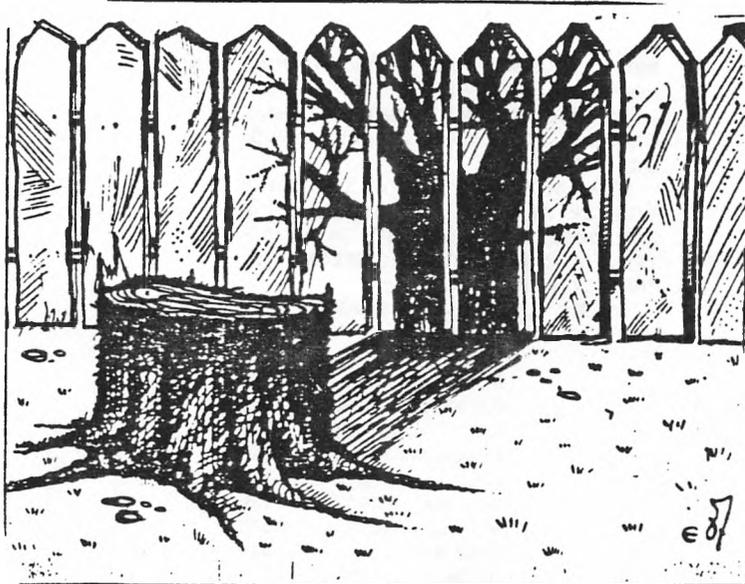

Рисунок Евгения Симчинова

что специалисты утверждают: безопасность с точки зрения возможности крупных аварий на АЭС составляет 99,99 процента. Центральным планирующим органам эта цифра может показаться вполне убедительной, и они примут решение о строительстве. Если же вопрос об АЭС будут решать люди, живущие вблизи ее, то их та же цифра явно насторожит.

Вице-президент АН СССР, председатель Международного фонда за выживание и развитие человечества Евгений Велихов справедливо говорил о том, что наука не может достичь полного знания о Земле, так как это с научной точки зрения возможно только, если бы мы могли проводить научные эксперименты со всей Землей, а это привело бы к гибели человечества, и, таким образом, человечеству приходится выбирать между полным знанием и самим существованием на планете. В то же время он говорил о разработке «безопасного» реактора под международной эгидой, как будто, не обладая полным знанием, можно действительно доказать научно безопасность реактора для среды и человечества.

В обращении ученых «Любить и беречь Землю — призыв к совместным действиям деятелей науки и религии» есть такие слова: «Каждая из экологических опасностей и все они вместе представляют собой ло-

«Мы должны заставить КПСС «позеленеть», —
говорит известный эколог, депутат Алексей Яблоков

-4-

вудку для человека как биологического вида, ловушку, которую мы сами себе ставим». Одной из самых опасных ловушек и является ядерная энергетика.

В последнее время появляется все больше литературы, посвященной экологии. Все как будто за экологию, но ситуация продолжает ухудшаться. Почему так?

Между словесным согласием и поведением человека большая разница. Человек может с чем-то соглашаться и в то же время поступать противоположным образом. Если спросить человека, хочет ли он, чтобы воздух в городе был чистым, то он, конечно, скажет да. Но попроси его ради этого отказаться от личной машины, поскольку транспорт в городах является главным загрязнителем воздуха, и он скорее всего откажется. Есть большая доля истины в горьких словах о том, что наши рассуждения об экологии выполняют ту же роль, что извинения древних охотников перед убиваемым ими медведем.

Все как будто понимают важность экологической проблемы. Современный человек уже не похож на героя А.Чехова, который, лежа на диване, думал примерно так: «Кислород — химиками выдуманный дух. Говорят, будто без него жить невозможно. Ерунда. Без де-

нег жить невозможно». Но знания и даже понимания еще недостаточно, чтобы действовать в соответствии с этим пониманием.

Отвечая на вопрос об идеологических помехах решению экологической проблемы в СССР, Алексей Яблоков сказал, что мы должны заставить КПСС «позеленеть».

Но мы знаем, что люди «зеленеют» не только от понимания экологической ситуации, но и от злости, когда к ним пристают с тем, что они не хотят принимать.

Переход к любовно-творческому отношению к человеку и миру — вот главный философский вывод из анализа современного положения в мире.

Нужна, по-видимому, Всеобщая декларация прав природы, аналогично Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 году. Для принятия ее вполне подходит Конференция по окружающей среде в 1992 году, которую, как заявил М.С.Горбачев, Советское государство предлагает провести на высшем уровне.

- 143 -

Кино

ЕГО ГОРЬКАЯ ЗВЕЗДА

Самоубийство академика В. А. Легасова многих повергло в растерянность и для всех осталось тайной. Как водится, поползли слухи, и даже гаденькие (но это-то вскоре стухало, слиняло, — ввиду совершенно очевидного своего неправдоподобия и неуместности)... Это произошло спустя два года после Чернобыля, когда еще не было сказано по-настоящему о том, что значит для нас трагедия на берегах Припяти.

АКАДЕМИК был среди первых ученых, причавшихся гасить ядерный пожар. Впереди него были только пожарные той злосчастной смены. А позади стоял его УЧИТЕЛЬ, академик А. П. Александров; творец РБМК (реактор большой мощности канальный). В средние века был моден сюжет о легкомысленном ученике колдуна, который высвободил адские силы, но не смог их унять. В XX веке все наоборот. Ученикам приходится обуздывать дьявола; выпущенного гулять на свободу не всегда дальновидными учителями.

Чем короче у общества память, тем оно горючее. Вот уже и Легасова стали забывать. Все-таки чернобыльцев миллионы, и они со всеми своими страданиями — с нами. Академик же покинул нас навсегда. Почему? Одни говорят, что он «почти физически ощутил ту пропасть, которая существовала между ним и его окружением».

Другие, и среди них вдова покойного, идут в своих догадках дальше. Маргарита Михайловна вспоминает, как остро Валерий Алексеевич переживал все нарастающий процесс дегуманизации общества. Исчезает исследователь, воспитанный на идеях Толстого и Достоевского, а на его место приходит прагматик, способный как во благо, так и во зло использовать все достижения химии, биологии, медицины и ядерной физики. Год за годом Легасов собирал информацию о самых разных авариях, анализировал ее и приходил к

обескураживающему выводу, что техногенные структуры уже развиваются как бы сами по себе, выходя из-под контроля человека...

Получается, что академик был готов к Чернобылю, может быть, полон тех же предчувствий, что и безвестный автор Откровения святого Иоанна, слова которого о звезде Полюнь, что «пала на третью часть рек и на источники вод», в свое время так его поразили. Единственное, что застало ученого врасплох и, по-видимому, ввергло в полное отчаяние, — потрясающая неготовность окружающих, да и, пожалуй, общества понять трагедию Чернобыля. Почитать и статьи иными...

РАБОТА сценариста Валентины Гуркаленко и режиссера Александра Сидельникова (киностудия «Леннаучфильм») над фильмом «Звезда Полюнь» началась, когда Легасов еще был жив. Вот он из вертолетного джипа заглядывает в огнендышащий кратер четвертого блока. Слепа по одному из бесчисленных коридоров АЭС, рассказывает на ходу, как 26 апреля поразило его багровое зарево над Припятью. Вот на самой площадке шутит с одним из «ликвидаторов» по поводу того, будут ли у него потом дети. Радиация — это, мол, как перец. В малых дозах только стимулирует. Главное, не перебрать. И тут же слова Маргариты Михайловны, как, вернувшись домой после Чернобыля, Валерий Алексеевич

долго ничего не рассказывал. Там, на станции, бегая вместе со всеми то от смерти, то ей навстречу, он был живым воплощением исторического оптимизма советской науки. Здесь, в своем кабинете, перед портретом учителя можно перестать

дыкавить. И он исповедуется... магнитофону.

На экране никого, только голос нравственно измученного человека, который признается, что проблемы физики и техники реакторов были запретной для него областью — как по образованию, так и по своему рода табу, которое было наложено А. П. Александровым и его подчиненными. Они очень не любили вмешательства в свои дела посторонних...

Не удивительно, потому что «с точки зрения международных и общественно-нормальных стандартов у этого аппарата (РБМК — П. П.) было допущено три крупных конструкторских просчета». Нужны две системы аварийной защиты. Сам доступ к системе должен быть защищен шифрами и прочими средствами, которые исключают произвол оператора. И наконец, реактор обязательно должен иметь герметическую упаковку — «контейнмент», исключающую выход радиации в окружающую среду. Если следовать так называемой «философии безопасности», принятой во всех цивилизованных странах, аппарат с такой конструкцией, как РБМК, просто не мог бы появиться на свет. А у нас их 28!

На юбилее А. П. Александрова — в то время президента академии и директора Курчатовского института — Легасов говорил: «В основном он борется всегда «за». Он борется всегда за новую идею, за данное предложение, за данного человека. И вот эта борьба «за» оказывается всегда весьма конструктивной... Увы, теперь оказывается, что не «всегда»...

«Сегодня из атомных станций в Советском Союзе, — это уже говорит сам Юбилер, — все, кроме двух, построены по нашим разработкам. Из тех, которые будут строиться в ближайшей пятилетке, все будут строиться по нашим разработкам».

Действительно, кино — великая вещь. Документ можно подправить, потерять, похоронить, наконец, за таким количеством замков, к каким никакая гласность ключей не подберет. А тут мы видим две совершенно разные векты, отсыпанные в разное время

я до совершенно разному пово-
ду. На одной мимо юбиляра-ака-
демика и президента шествуют
разряженные в чертей молодые
научные сотруднки-курчатов-
цы. На другой их ровесники в
противогазах и свинцовых фар-
туках орудуют лопатами в за-
правдашном атомном аду. Вроде
и там хроника, и тут, а вместе—
документ большой публицисти-
ческой силы. И можно предпо-
ложить, что подобная картина
встала перед мысленным взором
академика Легасова, когда он
узнал, что все его предложения
об учреждении государственно-
го института безопасности
практически отвергнуты и что
главным оппонентом их высту-
пил УЧИТЕЛЬ.

Когда я спросил Валентину
Гуркэлэнко, что было для нее
самым трудным в работе над
фильмом, она ответила: «Осмыс-
ление».

Скоро фильм появится на эк-
ранах, и с подобной же труд-
ностью столкнется едва ли не
каждый. А потому выйдет из
кинотеатра пусть немножко, но
другим. Немножко послечерно-
быльским...

П. ПЭНЭЖКО.

B10

blue-red

23.5.90

DAY MONTH YEAR

В УСПОКОИТЕЛЬНЫХ ЗАВЕРЕНИЯХ ОТНОСИТЕЛЬНО
РАДИАЦИОННОЙ ЗАРАЖЁННОСТИ НЕ ХВАТАЕТ ЛОГИКИ

"ОГОНЕК" № 20/90, стр.4

«SOS!»: РАДИАЦИЯ НА ПОЛЯХ ●

У нас в Калининградской области случилась беда: на полях Неманского, Правдинского, Черняховского и других районов уже использовано 1210 тонн фосфоритной муки, содержащей в избытке радий-226. Это минеральное удобрение закуплено в Сирии. В газете «Калининградская правда» главный санитарный врач области Н. Н. Загорский дал свое заключение по этому поводу. Выяснилось, что на складе удобрений действительно зарегистрированы аномально высокие уровни радиации, превышающие в десять раз естественный уровень. Нам объяснили, что все фосфорные удобрения содержат естественные радионуклиды независимо от места их производства. Тем не менее содержание радия-226 в фосфоритной муке отечественного производства колеблется от 3 до 16 пикокюри/грамм, а в закупленной оно составляет 35—44 пикокюри/грамм. Государственный санитарный надзор и Комитет по охране природы высказались вполне определенно: сирийская фосфоритная мука опасна для здоровья и ее применять нельзя.

Однако через несколько дней газета опубликовала выступление первого заместителя председателя облисполкома, он же председатель агропромышленного комитета, тов. Шевлякова, который заявил, что «внесение в почву этих удобрений, даже в повышенных дозах (до 4 тонн), а норма в нашей области 1—1,5 тонны на гектар, не оказывает неблагоприятного воздействия на здоровье людей, растительный и животный мир и не повышает радиоактивность выше фонового значения». Для сведения и успокоения читателей тов. Шевляков сообщил, что это удобрение закупают Италия, Венгрия, Австрия, Испания и т. д. Что за всеми продуктами в области ведется тщательный радиологический контроль.

Не чувствую логики в выступлении зампреда исполкома. Если уж эта мука такая безобидная, как он пишет, то зачем (по его же словам) «отобраны пробы муки и отправлены на анализ в институты Москвы и Ленинграда для получения заключений о дальнейшем использовании этих удобрений»? Зачем же к нам едут представители Минздрава РСФСР? И кто же прав: санитарный врач или зампред?

Неужели нам мало трагедии Чернобыля? Неужели не извлекли уроки? Кто ответит за эти закупки, «Союзатгрозимэкспорт»? Наши удобрения валяются бесхозные на полях и складах, в то время как мы тратим валюту и губим людей. И последний вопрос: с каких полей будут есть осенью овощи наши руководители?

Н. СУМЕНКО,
участник войны
Калининград областной

ЧЕРНОБЫЛЬ:**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ-**

это прежде всего преступление государства
против человека и только потом
преступление человека против государства

MEGAPOLIS

Возьмем за руку,
буря,
Чтобы не кровью
воспламенить!

EXPRESS

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОБЩЕСТВО

СОЦИАЛЬНЫЙ РАКУРС

12

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Зал Дома культуры в Чернобыле был полон. Судили шестерых человек из администрации АЭС: за нарушение правил техники безопасности на потенциально взрывоопасных предприятиях, повлекшее человеческие жертвы и иные тяжкие последствия. Всех признали виновными и приговорили к разным срокам лишения свободы. Председательствующий сказал еще несколько слов о продолжении следствия в отношении «лиц, не принявших своевременных мер по совершенствованию конструкции реактора», об ответственности работников министерств, городских властей, медицинской службы. Но было ясно, что точка поставлена.

СУД сыграл назначенную ему роль. Никто больше не понес ответственности за величайшую в истории технологическую катастрофу. Однако наивно полагать, что директор, главный инженер и другие сотрудники станции могли быть главными виновниками. Существует международный стандарт безопасности, требующий защиты реактора от любых ошибок, любых случайностей — вплоть до прямого падения на него тяжелого самолета. И никогда прежде ни в каких документах АЭС не назывались «потенциально взрывоопасным объектом».

Кто же виноват в смерти и болезнях тысяч людей, обреченных на переоблучение, в бессмысленной трате огромных средств, необходимых для помощи пострадавшим? Де-факто многие истинные виновники известны — их подписи стоят под документами. Но документы пока не оглашены, и люди эти спокойно живут, получают повышения по службе, правительственные награды.

Они сохраняют власть в масштабах лаборатории, организации, отрасли, региона, страны. И сами из элементарного чувства самосохранения своей вины никогда не признают, не откажутся от прошлых слов и дел: «В наш атомный век, в наш каменный век, на совесть цена пятая!»

Когда говорят о государственных преступлениях, однозначно подразумевают преступления против государства. Если же огромное количество людей страдают отнюдь не от стихийного бедствия, не от вторжения извне, но найти и наказать виновных даже не пытаются — логично говорить о преступлении государства против своих граждан. Едва ли что другое может быть опаснее для общества.

Введенная еще Лаврентием Берией, руководившим атомными проектами, секретность оказалась удобной для многих и сегодня. Перефразируя страшную формулу: «Нет информации — нет проблем». Скрыли бы и взрыв в Чернобыле, несмотря на перестройку, новое мышление и т.д. Первые два дня после взрыва весь мир узнавал о событиях на АЭС, о продвижении радиоактивного облака от американцев, ведших наблюдения через свой спутник. Молчать стало невозможно. Тем не менее первые официальные сообщения были о том, что после аварии обстановка нормализуется. Эту дикую ложь опубликовали не только центральные газеты. Об этом сообщала пресса Украины, Белоруссии.

В Западной Европе фермерам уже выплачивали компенсации за конфискованные и уничтоженные молоко, зелень, которых коснулась чернобыльская тень. А в охваченном паникой Киеве людей обязали выйти на первомайскую демонстрацию. Местное руководство приняло свои меры, предупредило коммунисты, эвакуирующие детей, будут исключены из партии.

Наконец в Москве приняли решение снять информационную блокаду. Была пробита брешь, которую до сих пор пытаются замуровать те, для кого секретность — основное условие существования.

В ОТДЕЛЬНО взятой зоне вокруг чадающего реактора вдруг перестало действовать фундаментальное правило: «Посторонним вход воспрещен». Можно было заходить и спрашивать, ездить и смотреть. Табу сохранялось только на уровне излучений. На крыльце здания правительственной комиссии известный ученый открыто говорил, что в начале мая суммарный выброс равнялся примерно трем Хиросимам. Но в печать эти слова попасть не могли. Оставалось довольствоваться хотя бы тем, что газетным репортажам верили больше, чем примитивно-успокоительным выступлениям министра здравоохранения Украины Анатолия Романенко.

Оказалось, что и это слишком много. Вскоре тогдашний председатель правительственной комиссии Лев Воронин объявил, что введено новое положение: все вопросы специалистам нужно предварительно согласовать с представителем КГБ.

Титулованные специалисты начали уклоняться от интервью, ссылаясь на то, что готовится доклад о Чернобыле для МАГАТЭ, где будут содержаться все выверенные данные. В общих же словах клятвенно уверяли: здоровье людей в полной безопасности, налажен строжайший дозиметрический и медицинский контроль.

Атомщики форсировали пуск остановленных после взрыва блоков станции. И постарались понадежнее защититься на будущее от критики. Под эгидой Госкоматома был создан цензурный орган, без визы которого не могла появиться ни одна публикация о катастрофе.

К ОХРАНЕ интересов ведомства в самом Чернобыле приставили «отдел информации», где регистрировали каждого приезжающего журналиста, составляли письменную программу экскурсии, приставляли провожатого, присутствовавшего при всех беседах. Руководить отделом поручили Александру Коваленко, получившему у иностранных газетчиков прозвище мистер Гласность. Он с готовностью отвечал на любой вопрос: от причин аварии до отдаленных последствий, устройства могильни-

ков и новых типов реакторов. Он возил посетителей издали посмотреть на саркофаг со специально оборудованной площадки, кормил их обедом в закрытой для других чернобыльцев столовой.

Трудно сказать, сколько нелепостей появилось в печати после разъяснений и интервью этого выпускника Высшей комсомольской школы по классу методиста коммунистического воспитания, выдающего себя за энергетика-ядерщика. Его патროнов это не беспокоило: главное — преданность. Мистер Гласность, кстати, однажды поведал мне, что цензурное послабление первых дней обошлось государству в десятки миллиардов рублей — столько якобы успели журналисты разболтать секретов.

Серьезным чиновникам подобное художественное вранье было не нужно. Как-то глава «высшей разрешительной инстанции» председатель Госкоматома Андраник Петросьянц, запрещая публикацию, сказал: «Знаю, что не секретно. Но представляет атомную энергетику в мрачном свете». Так же незастойлив был заместитель Председателя Совета Министров СССР Борис Щербина. Он не скрывал, что вообще присутствие журналистов в Чернобыле, все их «вынюхивание» считает нежелательным.

"МЕГАПОЛИС. ЭКСПРЕСС" "ЧЕРНОБЫЛЬ: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ"

Политические соображения¹ подкреплялись реальными действиями, преступными по своей сути. Вот только два документа из, по-видимому, множества подобных.

«У-2617 от 27.06.86. III Главное управление Минздрава СССР. Об усилении режима секретности при выполнении работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. П. 4. Засекретить сведения об аварии. П. 8. Засекретить сведения о результатах лечения. П. 9. Засекретить сведения о степени радиоактивного поражения персонала, участвующего в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Шульженко, начальник III ГУ Минздрава СССР».

«Военно-врачебная комиссия. 06.08.87. № 373. Военным комиссариатам. Разъяснение Центральной военно-врачебной комиссии МО СССР от 08.07.87г. № 205. 1. К числу отдаленных последствий, обусловленных воздействием ионизирующего облучения и находящихся в причинно-следственной связи с ним, следует считать: —лейкемия или лейкоз через 5-10 лет после облучения в дозах, превышающих 50 рад. 2. Наличие острых соматических расстройств, а также признаков обострения хронических заболеваний у лиц, привлекавшихся к ликвидации последствий аварии и не имеющих ОЛБ (острой лучевой болезни. — Ред.), не должно ставиться в причинную связь с воздействием ионизирующего облучения. 3. При составлении свидетельств о болезни на лиц, ранее привлекаемых к работам на ЧАЭС и не перенесшим ОЛБ, в пункте 10 не отражать факт привлечения к указанным работам и суммарную дозу облучения, не достигшую степени ЛБ. Начальник 10 ВКК полковник медицинской службы Бакшуттов».

Вот так извращаются постулаты «самой гуманной из профессий». Лишь бы было тихо и спокойно.

А главное, чтобы не платить вместо сегодняшней мизерной пенсии по «общему» заболеванию средний заработок, как положено потерявшим трудоспособность при выполнении производственного задания. Не платить детям, которые повинны лишь в том, что жили рядом с самым надежным в мире реактором.

Вице-президент Академии медицинских наук СССР Леонид Ильин клятвенно заверял, что практически никто из «ликвидаторов» не получил в зоне дозы выше безопасных 25 рентген. Позже стало известно, что военнослужащим были розданы дозиметры, регистрировавшие значения начиная от 50 рентген.

И после всего этого потерявших здоровье людей уверяют, что больны они лишь радиофобией — боязнью радиации. Происходит это потому, что засекречивание порождает бесконтрольность и распад нравственности во всех сферах. Потому что атомный комплекс обслуживает ведомственная наука, руководители которой кровно заинтересованы в благополучии своего кормильца.

Тот же академик Ильин однажды, увлекшись полемикой, публично проговорился. Для всех предприятий, сказал он, установлены предельно допустимые концентрации вредных веществ, выбрасываемых в воздух, содержащихся в сточных водах. Сохраняя беспороговый подход к радиации, мы ставим в неравное положение атомную энергетику, ставим под угрозу будущее АЭС.

БЕСПОРОГОВЫЙ подход предполагает, что любые повышенные дозы радиации опасны для человека. Отход от этого гуманного принципа привел ученых, поддерживающих Ильина, к созданию концепции безопасного проживания на территориях, где человек за 70 лет получит 35 бэр. «Безопасность» мотивируется тем, что разрешенная профессионалам доза — выше. Но профессионалы обучены, относительно защищены, постоянно под контролем, кроме того, существует для них ограничение: список 34 заболеваний, при которых работать с источниками радиации нельзя.

Словом, и тут экономия. Но пекутся специалисты не о сбережении средств, необходимых для отселения людей из районов, где нельзя возделывать землю, ходить в лес, купаться в реке, где детям нельзя пить молоко от домашней коровы и сорвать яблоко в своем саду. Их волнует цена киловатта электроэнергии, вырабатываемой АЭС, будущее программы строительства новых станций. А атомный киловатт стремительно дорожает: если согласиться с независимыми экспертами, потери от чернобыльской катастрофы могут достичь 250 миллиардов рублей к 2000 году. Это без учета ущерба, связанного с заболеваниями. Цифра, по-видимому, не завышена: несравнимо меньшая по масштабам авария на американской АЭС Три-Майл-Айленд потребовала затрат 135 миллиардов долларов.

К чему же привели попытки замолчать размеры чернобыльской катастрофы? К тому, что миллионы людей четыре года жили там, где жить нельзя.

Тысячи из них умерли и заболели, тысячи, несмотря на скорое переселение, заболели и умрут. Радиоактивные мясо, молоко, зерно из зараженных зон расходятся по стране — производство их не было прекращено.

К голодовкам обманутых «ликвидаторов», требующих в клиниках разных городов признания настоящей причины их болезней. К тому, что жители «грязных» районов боятся появления детей-мутантов, но вынуждены оставаться на месте, привязанные системой прописки и государственной субсидией на чистые продукты, которых нет в продаже. «Гробовыми» называют эти 30 ежемесячных рублей.

К бессмысленной трате огромных средств на строительство родильных домов, школ, поликлиник, жилья там, откуда сегодня приходится бежать. К появлению города энергетиков Славутича, выстроенного на радиоактивных пятнах.

К циничному развращению тех, кто знал правду, но вынужден был молчать. Ведь в том же засекреченном не меньше, чем производство ядерных боеголовок, Институте биофизики Минздрава СССР есть люди, которым запрещали говорить. По свидетельству вице-президента АН Белоруссии Александра Степаненко, радиобиологические конференции по проблемам Чернобыля ученых вынуждали проводить при отключенных микрофонах заставляли таиться от сограждан, тревожащихся за здоровье своих детей.

Три года молчали о Белоруссии, хотя тогдашний первый секретарь ЦК Компартии республики Николай Слюньков обязан был знать правду и сказать ее народу, пятая часть которого — более двух миллионов человек — оказалась на зараженной территории.

"МЕГАПОЛИС. ЭКСПРЕСС" "ЧЕРНОБЫЛЬ: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ"

Председатель Госкомгидромета СССР Юрий Изразль утверждает, что с первых дней докладывал достоверные данные Политбюро, правительственной комиссии. Тем не менее он, как и Леонид Ильин, как министры здравоохранения Украины и Белоруссии и другие официальные лица, три года уверял, что оснований для тревоги нет.

Результатом нагромождения лжи и секретности стало то, что лишь сегодня мы можем прочитать: «Чернобыльская авария—величайшая катастрофа за всю историю Земли, однако это еще предстоит осознать человечеству. Ликвидация всех ее последствий невозможна, ибо они вечны, сейчас лишь начался процесс их осмысливания. Следует говорить о приспособлении, адаптации человечества, всей биосферы к новому, необратимому постчернобыльскому состоянию». Так сказано в заключении закончившей недавно работу Государственной экспертной комиссии.

Возвращаясь к 26 апреля 1986 года, хочу привести выдержки из материала, подготовленного учеными, участвовавшими в аварийных работах. Проанализировав факты, они пришли к выводу, что беда была неизбежна. Необязательно в Чернобыле, возможно—в Ленинграде, Курске или на другой станции, где работают реакторы РБМК: постоянно нарушались основные правила безопасности при конструировании, строительстве. Многие дефекты РБМК этого поколения принципиально неустранимы и, следовательно, остались неустранимыми сегодня. Ученые пишут:

«... Становится очевидным факт умышленного направления расследования аварии по ложному пути с целью сокрытия истинных причин. Кому это понадобилось, чего хотели этим добиться? Вопросы остаются для многих открытыми. Ясно одно, что при таком подходе к безопасности АЭС невозможно исключить повторения подобных аварий. Только открытое для всех правдивое изложение первопричин чернобыльской трагедии (как, впрочем, и других) позволит избавиться от внедрения непродуманных решений в атомной энергетике и обеспечит эффективный контроль со стороны общественности за нашей безопасностью».

ПРАВДЫ, непредвзятого расследования всего, что связано с чернобыльской трагедией, требуют миллионы людей. Если это не под силу прокуратуре, задачу должны взять на себя народные депутаты — организовать специальную комиссию.

Однако, когда речь об этом зашла на Верховном Совете СССР, заместитель Председателя Совмина страны Виталий Догужиев произнес обескураживающее: надо не «ковыряться в прошлом», а решать сегодняшние и завтрашние проблемы! Как решать их, не зная правды? Как поручать решения тем, кто, скрывая правду, творил тем самым преступление?

Четыре года они твердили нам: «Все в порядке». Сегодня Украина и Белоруссия вынуждены обратиться к Генеральному секретарю ООН с просьбой о помощи мирового сообщества. Минздрав СССР просит помочь Всемирную организацию здравоохранения. Но большая часть правды по-прежнему от нас скрыта.

Андрей ПРАЛЬНИКОВ

ВРЕМЯ

18.6
ПОНЕДЕЛЬНИК
1990

ГАЗЕТА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР
№17 стр. 3

МЫ ДО СИХ ПОР НИЧЕГО НЕ ЗНАЕМ О ЧЕРНОБЫЛЕ

Эти снимки в редакцию принесли люди из Зоны: инженер Александр Самлыгин и слесарь Владимир Шинкаренко. Они считают, что средства массовой информации Союза до сих пор не сообщают правды о чернобыльской катастрофе и ее истинных последствиях.

Александр Самлыгин был рекомендован Киевским обкомом КПСС для фотосъемки ликвидации аварии. Снимал в Зоне с мая 86-го, в 87-м перешел на работу в объединение «Комбинат», созданное специально для работ на Чернобыльской АЭС. Вскоре был уволен за интервью видеоприложению «Огонька».

Самлыгин: — Я сказал в интервью то, о чем говорить не полагалось. В объединении «Комбинат» есть отдел информации. Его задача — формировать общественное мнение строго определенным образом, жестко контролировать информацию о происходящем в Зоне. Журналисту несложно сюда въехать, и он даже может поспрашивать, что ему показали все, что он хотел. Но маршруты отработаны, факты отобраны... Я же сказал о другом: например, о «радионаркомании».

— Что это такое!

Самлыгин: — Люди, работающие в Зоне, привыкают к радиационным полям, к постоянной энергетической подпитке организма. Уезжаешь — хуже себя чувствуешь. Портятся сон, аппетит. Возвращаешься — снова жить хочется. Радиоактивный саркофаг — наш кормилец...

— Исследуют ли это явление специалисты!

Шинкаренко: — Во время медицинских комиссий нам предлагают беседу с психологом — по желанию... Не знаю. Все приказы в Зоне — негласные, мы с ними не знакомы.

Самлыгин: — В 86-м году на АЭС провозносили «героев», которые работали не щадя себя. В 87-м ввели «5-бэровую» концепцию (если человек набрал 5 бэр, он должен уехать со станции) и начали убирать из Зоны всех, кто слишком много знал и видел.

Шинкаренко: — В прессу идет ложная информация — что все вычищено, дезактивировано. Ложь! Например, радиоактивные дома нельзя просто закапывать, для их обломков надо готовить бетонные бункера с гидроизоляцией. А в Зоне дома просто крушат бульдозерами и закапывают «под себя». Радионуклиды переносятся грунтовыми водами. На последнем заседании Берховского Совjeta Украины прозвучали слова о том, что через пять лет в Киеве может быть такая же ситуация, как сейчас в Чернобыле, — зараженные грунтовые воды придут туда.

Самлыгин: — Под воздействием радиации в Зоне идут мутации живых организмов. Первыми, как самые чувствительные, отреагировали сосны и ель. Увеличилась скорость роста, размер игл. Потом началось у лиственных. Ветка у клена не круглая, а плоская, как ремень, на конце шар из листьев.

Шинкаренко: — Я видел грача с двумя клювами. Но не было с собой фотоаппарата. Есть спецпредприятия, где животных кормят специально радиоактивным кормом — смотрят, что получится.

— А люди!

Шинкаренко: — Обычно медки говорят, что времени пока прошло мало, ничего еще нельзя сказать, а если есть какие-то уродства у нескольких новорожденных, то нет уверенности, что виновата тут радиация... Мой друг работает патологоанатомом в Славутиче, у него —

самая настоящая кукла-камера. Уродцы без голов, без рук и ног... Кстати, сейчас Славутич «грязный», а там есть и дети, и беременные женщины. Но об этом не пишу...

Я слушал ребят и вспоминал свою поездку в Зону обжигающим июнем 86-го.

У станции в воздухе висели тонкая опасная пыль и могучий, помогающий жить и работать мат. В холле станции на листах фанеры вповалку лежали молчаливые солдаты с печальными восточными глазами. В карманы гимнастеров у них были покатыканы радиометры.

Приданный нам взвод с топотом тащил по узким бетонным коридорам бухту кабеля, аппаратуру и нелепую раскоряку — робота, которого предстояло испытать.

Управлять роботом решили с пульта третьего блока, расположенного в четверти километра от кратера четвертого. Тут я наткнулся на находку.

На пульте лежал новенький журнал дежурных, заполненный на единственной странице в ночь с 26 на 27 апреля. Шли четкие записи: по команде с центрального пульта в такое-то время сделано то-то и то-то, в такое-то время — то-то и то-то... Потом косым сползающим почерком через страницу было нацарапано непечатное слово, рифмующееся со словом «конец». На обложке шли колонки цифр — видно, ребята подсчитывали свои дозы.

Когда я оторвался от журнала, экран монитора уже светился, и ученые, подвывая от восторга, следили за эволюциями своего детища. Кабель управления то и дело путался, и один из специалистов выскочивал из-за защиты толстых бетонных стен, распутываял.

Я спросил, можно ли посмотреть. Мы вылезли по грохочущей металлической

лесенке через узкую дверцу на внутреннее перекрытие, делящее объем машинного зала пополам. В двухстах пятидесяти метрах высилась груда обломков — кратер.

Ребята, не церемонясь, гнали нас обратно — там, где мы стояли, было четыре рентгена.

Это были какие-то безумные дни. Дтояла адская жара, спины взмокали, в духоте освинцованных бронетранспортеров, в кузове каждой машины брякал ящик-другой минералки. Ее пили и ею чистили зубы: вода из-под крана не годилась. Все мужики в городе подвязывали штаны бельевыми веревками: свои ремни не носили, их потом пришлось бы оставлять в Зоне. Особым успехом пользовались редкие женщины, которые, несмотря ни на что, умело применяли макияж. Увидев их, мужики внимательно вглядывались в мешковатые очертания женских комбинезонов, а затем с новой силой продолжали яростно базарить о работе, о станции. Юные капитаны-вертолетчики раз за разом уходили на своих набирающих рентгены, обреченных машинах в точку над кратером, забрасывая его доломитом. Капитанами руководил непреклонный генерал с налитым кровью затылком — когда он открывал рот, уцелевшие вороны валились с деревьев.

На летном поле лежал не мужик более, набирающий рентгены свинец — ружейная дробь со всей Российской Федерации. Хотели ее покидать в реактор, но раздумали. Дробь было на семнадцать миллионов рублей в розничных ценах.

Там же, на летном поле, к нам выбежал ласковый щенок и, понизгивая, повалился на спинку. Его никто не гладил: он «светил».

Я вспоминаю в мелочах, о смешном и трагичном. Газеты писали тогда сплошь о героизме. Это тоже правда, он был, но люди есть люди, а где они, там есть высокое и обыденное; было и страшное, но о нем не писали.

Возвращаясь, я пролетел над Зоной на вертолете. Запомнил сильнее всего загончики для скота, где стояли, спрессованные, коровы и умирали под палящими лучами солнца. Газеты писали, что обреченный скот милосердно убили. Но коровы просто умирали от жажды и зноя.

Мы не знали этого тогда. Мы не знаем очень многого и сейчас. Мне рассказывали о первых солдатах, которых выпустили на крышу убирать радиактивный графит, там были совершенно сумасшедшие поля радиации, а они ходили с метелками и совками. Что теперь с этими ребятами? Сотни тысяч человек прошли через Зону. Сколько из них нуждаются в помощи медицины и где они получат ее в нашей разоренной стране?

Прошло четыре года. Мы все еще ничего не знаем о Чернобыле. Только сейчас, под давлением людей, территории объявляются зонами национального бедствия — в России, Белоруссии, на Украине. Минздрав все еще пичкает нас успокоительными заявлениями и разрешает потреблять «безопасные» продукты с зараженных территорий. Что за люди сидят там, в ведомствах, ответственный за все это?

Иногда мне кажется, что самые страшные мутации произошли за последние семьдесят два года в Зоне, занимающей одну шестую земного шара.

Игорь СИДОРОВ

Фото Владимира ШИНКАРЕНКО
и Александра САМЛЫГИНА

ВЮ

ИНТЕРВЬЮ С В. БРЮХАНОВЫМ, БЫВШИМ ДИРЕКТОРОМ ЧАЭС, НАХОДЯЩИМСЯ
В КОЛОНИИ ОБЩЕГО РЕЖИМА. - 1 -

РОДИНА
3/90

СТР 30-32

Литература о Чернобыле поистине необъятна и вбирает в себя множество голосов людей, чьи судьбы оказались так или иначе затронуты самой страшной катастрофой нашего столетия. Но до сих пор еще не выслушаны те, кто был признан — официально, по суду — виновником происшедшего. Интервью, сокращенный вариант которого предлагается вниманию читателей нашего журнала, было взято в колонии общего режима в 80 километрах от Ворошиловграда. Многие высказанные в нем суждения явно субъективны. Но этим они и интересны, оставаясь, разумеется, целиком на совести нашего собеседника.

ПЕРИОД ПОЛУРАСПАДА

С Виктором БРЮХАНОВЫМ,
бывшим директором
Чернобыльской АЭС,
беседует
Андрей КАРАУЛОВ

А. Караулов. Виктор Петрович, может быть, мы начнем вот с чего. Что же произошло в тот день на четвертом блоке? Когда вы узнали, что взорвался реактор? Как все это было?

В. Брюханов. Наверное, нет нужды говорить, что этот день перевернул всю мою жизнь... говорить трудно, особенно здесь, в «зоне». 25 апреля, накануне, я на станции не был, разговаривал в Киеве с первым секретарем обкома партии. Приехал домой, меня встретили дочь и зять, вечером позвонил на станцию, все в порядке, блок готовился к плановой остановке. Тогда я уехал на дачу, машину поставил во дворе. Примерно в половине второго ночи — звонок.

Я поднимаю трубку — говорит начальник термического цеха. «Виктор Петрович, не звонили вам?» «Нет, а что такое?» «Какая-то страшная авария на четвертом блоке». Я попытался дозвониться начальнику смены — не получилось, быстро оделся и выбежал на улицу. Сел в дежурный автобус и приказал гнать на станцию, на четвертый блок. Подъезжаем, вижу: верхнее строение полностью отсутствует, оно снесено. И — зарево. Я понял, что случилось что-то очень страшное. Прошел к себе в кабинет, опять пытался позвонить — не получилось, побежал на блок, там был заместитель главного инженера Дятлов, спросил, в чем же дело. Все пожимают плечами, разводят руками — непонятно, что произошло. Я развернулся, опять в кабинет, даю команду телефонистке: всеобщий сбор. (По этому сигналу собирается все руко-

ИНТЕРВЬЮ С В. БРЮХАНОВЫМ, БЫВШИМ ДИРЕКТОРОМ ЧАЭС, НАХОДЯЩИМСЯ
В КОЛОНИИ ОБЩЕГО РЕЖИМА.

-2-

водство станции.) Уже начали появляться руководители цехов и служб. Я прошу: коротко пробежать по станции, собрать информацию и доложить — мне надо звонить в Киев. Все разбежались, через какое-то время собрались, говорят: произошел какой-то взрыв, а что — неизвестно, ничего нельзя понять. Я тут же позвонил начальнику главка, все рассказал как есть, говорю, что причины не выяснены, персонал пытается дать воду на охлаждение реактора. Ну вот... Потом позвонил первому секретарю обкома партии, все доложил, затем — министру энергетики. Конечно, началось столпотворение...

Дали команду вывести весь персонал. Мы остановили третий блок, а первый и второй продолжали работать.

А. К. А радиацию мерили?

В. Б. Мерили, конечно. Это была первая обязанность. Оказалось, тысяча миллирентген.

А. К. На сколько это превышает норму?

В. Б. Норма — 0,8 миллирентгена. А тысяча, я прикинул, это 3,6 рентгена в час. Как оказалось впоследствии, у наших дозиметристов просто прибор такой, где шкала была всего до тысячи. И ее зашкаливало, а там, конечно, было больше. Утром мы с начальником штаба гражданской обороны Соловьевым замерили уже по «периметрам» — в отдельных местах были «прострелы» до 50 рентген в час. А в одном месте — 200 рентген. Буквально сразу, когда я вошел в кабинет, появились исполняющий обязанности первого секретаря Припятского горкома партии и председатель райисполкома. Я говорю: нужно готовить город к эвакуации. Председатель райисполкома возразил: «Ты что думаешь, ведь это паника будет!» «Какая бы ни была паника, — отвечаю, — вы готовьтесь». Они ушли, потом он мне позвонил: жди, скоро приедет руководство из области. И примерно в половине одиннадцатого утра появился второй секретарь обкома, чуть раньше — заведующий промышленным отделом обкома. «Что делать?» — спрашиваю. «Нужно готовить информа-

цию». «Хорошо». Секретарь парткома набросал, там были указаны уровни радиации — 1000 миллирентген на блоке и в городе от 2 до 4 миллирентген. Я тут же подписал. И вот эта бумага впоследствии оказалась криминальной.

А. К. Почему?

В. Б. Суд посчитал, что я, используя служебное положение, специально занижил уровень радиации и тем самым ввел в заблуждение руководство области. За это я получил десять лет по статье 165 УК Украины — использование служебного положения в личных целях.

А. К. Но вы объясняли суду, что вы тут ни при чем? Что информацию о 1000 миллирентген вам дал начальник дозиметрического цеха?

В. Б. Я говорил. Но суд меня не слушал. Вы знаете, мы хоть и признаем, что должна соблюдаться презумпция невиновности, но в суде все происходит наоборот, суд исходит как раз из презумпции виновности, так мне теперь кажется...

А. К. Мы об этом еще поговорим, а пока вернемся на станцию. Что же было потом?

В. Б. В двенадцатом часу дня секретарь обкома собрал в Припяти совещание секретарей партийных организаций. Сказал: выезжает правительственная комиссия, пока не паникуйте, ничего предпринимать не будем. А еще утром я созвонился с начальником стройки и попросил его прекратить все

работы на строительстве пятого блока. Он любил смешками отделываться: «Что, там что-нибудь серьезное?» Я говорю: «Очень серьезное. Выводите всех людей». Как потом оказалось, он этого не сделал, и основная масса людей, которые переоблучились и погбли, были именно строители.

А. К. Он получил срок?

В. Б. Нет, конечно. Он Герой Социалистического Труда и депутат Верховного Совета Украины. Суд его не коснулся. А потом приехала правительственная комиссия, военные, мы облетели четвертый блок на вертолете, и только тут все поняли, что реактор полностью вышел из строя.

ИНТЕРВЬЮ С В. БРЮХАНОВЫМ, БЫВШИМ ДИРЕКТОРОМ ЧАЭС, НАХОДЯЩИМСЯ
В КОЛОНИИ ОБЩЕГО РЕЖИМА.

-3-

А. К. Я боюсь даже представить себе ваше состояние, когда вы узнали, что реактор именно взорвался.

В. Б. Да... это... трудно вспомнить.

Ну вот... Комиссия начала работу, меня они не вызывали. Практически я занимался только эвакуацией персонала. Больше всего меня поразило, что на следующий день или в тот же, не помню, наш министр вышел от Щербины, председателя комиссии, вызвал меня, начальника стройки, проектировщиков и говорит: «Составляйте график восстановления четвертого блока». Я не поверил: «Как четвертого блока?» «Составляйте и все...» Проектировщики и заместитель главного инженера что-то набросали, я сижу безучастный... зачем заниматься чепухой? Приехали Рыжков и Лигачев, всех собрали в райкоме, и министр сразу докладывает: «Уважаемые товарищи члены Политбюро, Николай Иванович, Егор Кузьмич, мы составили график восстановления четвертого блока, к осенне-зимнему сезону он будет работать!» Они слушают, одобряют. «И будет работать пятый, даем слово». Понимаете, сейчас гласность, никто ничего не боится, а в то время была привычка все скрывать или показывать в радужных тонах. Показали и на этот раз. Это был позор...

А. К. Что же произошло с реактором, Виктор Петрович? Насколько я знаю, во всех наших книжках и учебниках написано, что реактор ни при каких обстоятельствах взорваться не может.

В. Б. Да. Это было не только в учебниках, но и во всей нашей документации. Везде писали: самое страшное, что может случиться с реактором, это когда он останется без воды. Тогда расплавляется топливо, получается «козел», как говорят у нас,— это долгие восстановительные работы. Конструкторы считали, что другая авария исключена. А то, что реактор может взорваться,— этого, я думаю, они и сами не знали.

А. К. Кто был научным руководителем проекта?

В. Б. Считается, что «отец» этого типа реакторов — Доллежал, а руководителем института Курча-

това, когда он разрабатывался, был академик Александров. Это их детище.

Уже в тюрьме я узнал: в Государственном комитете по техническому надзору есть заключение независимой группы инженеров, что в самой конструкции этого типа реакторов имеются 32 ошибки, 32 нарушения правил ядерной безопасности. Может быть, не все они ведут к аварии, но... реактор-то взорвался! Наш персонал сделал одно нарушение, допустим. За это нам дали по десятке. А за 32 ошибки — ничего!..

А. К. Насколько я знаю, многие из тех, кто непосредственно отвечал за Чернобыль, после аварии получили ордена и повышение по службе — Копчинский, Марин...

В. Б. Это было потом, когда я уже сидел. Все-таки я не могу понять: как можно награждать тех, кто хоть в какой-то мере причастен к этой аварии? Копчинский и Марин — это работники ЦК КПСС, заведующий сектором и заместитель заведующего отделом. Они вели всю атомную энергетику в стране. Копчинский, если я не путаю, получил орден Трудового Красного Знамени, Марин — орден Октябрьской Революции; сейчас они работают в Совете Министров СССР, так же занимаются атомной энергетикой — в ЦК произошла реорганизация, и их перевели в Совет Министров...

А. К. За решеткой, значит, оказались вы, главный инженер...

В. Б. Я, главный инженер, заместитель главного инженера, начальник смены, начальник цеха и инспектор технадзора. Главный инженер недавно погиб — сошел с ума в лагере. Еще на следствии, как мне потом стало известно, он дважды пытался линзами от очков вскрыть себе вены.

А. К. Вы общались с ним на суде?

В. Б. Нет. Не разрешено. На суде нельзя ни с кем общаться.

А. К. Виктор Петрович, вот сейчас, анализируя уже задним числом события тех дней, скажите: в ликвидации последствий аварии были допущены большие ошибки, как вы считаете?

В. Б. Во-первых, виноват я. Как

ИНТЕРВЬЮ С В. БРЮХАНОВЫМ, БЫВШИМ ДИРЕКТОРОМ ЧАЭС, НАХОДЯЩИМСЯ В КОЛОНИИ ОБЩЕГО РЕЖИМА.

- 4 -

директор. Ну вот смотрите: погибло столько пожарных. Их руководитель, Телятников, стал Героем. Недавно я видел по телевизору, его благодарил Маргарет Тэтчер. А пожарные, если говорить честно... Ничего они не тушили.

А. К. Как...

В. Б. В этом легко убедиться, взяв в руки тома следствия и прочитав показания самих пожарных. Они погибли... как бы это помягче сказать, людей-то уже нет... по их большой любознательности, скажу так. И я уверен, по очень большой вине их руководителя — Теляникова. Он погнал их на крышу четвертого блока, не выяснив, какая обстановка, не спросив разрешения: дал приказ — и все, неизвестно зачем. А ведь, судя по показаниям самих пожарных, там не было какого-то очень опасного пожара. Они сапогами сбрасывали куски графита. Когда же я приехал, Телятников сразу мне доложил, что все в порядке...

А. К. Вы рассказывали это на суде?

В. Б. Нет. Суд и так все знал. Дальше: мне кажется, правительственная комиссия — Щербина и Велихов — приняла неверное решение забрасывать реактор мешками со свинцом и песком. Резон в этом был: хотели снять дополнительное тепло. Но когда мешки кидали с вертолета, поднялось целое облако пыли. Она разносилась по округе, и радиационная обстановка резко ухудшилась.

А. К. Вы говорили Велихову, что так нельзя?

В. Б. Меня уже никто не слушал. Я был не у дел. Меня заочно сняли с работы, потом, 13 августа, вызвали в прокуратуру. Домой я уже не вернулся. А до этого, 3 июня, на заседании Политбюро меня исключили из партии.

А. К. Вас из партии исключали на Политбюро? Как это произошло?

В. Б. Накануне мне позвонил начальник главка, сказал, что нужно срочно выезжать в Москву, билет заказан. Я начал собираться, захватил в обком, попрощался со вторым секретарем. Мы поцеловались, — я сразу понял, что меня ждет что-то серьезное. Всегда были натянутые отношения, а тут по-человечески... так хорошо про-

стились. Вечером прилетел в Москву. А на следующий день, в 11 часов, заседание Политбюро. В Кремле, там, где оно обычно и заседает. Вел Михаил Сергеевич. Сначала докладывал Щербина, потом подняли меня, я коротко все объяснил, были один или два во-

проса. Горбачев спросил, знаю ли я о последствиях аварии на станции в штате Пенсильвания, в США. Я ответил, что знаю...

А. К. Как Горбачев себя держал?

В. Б. Да нормально держал, чем выше уровень аппарата, тем более культурно все происходит. Если взять горком или райком, там страшно что делается, на тебя орут, можно инфаркт получить. Люди часто болеют после таких совещаний. Обком партии — уже полегче, хотя приятного тоже мало. А в Кремле все было спокойно. Нормальный разговор. После меня выступал заместитель министра, кто-то еще, еще... Позже сочувствующие мне люди сказали, что я вел себя правильно. Заседание шло с 11 дня до 7 вечера. Объявили решение: Брюханова исключить из партии, министру — строгий выговор без занесения в карточку, заместителю министра — строгий выговор и снять с работы... ну, и так далее.

А. К. Вы не пробовали сказать, что это решение вам кажется поспешным?

В. Б. На таком уровне в то время было как-то не принято говорить подобные вещи.

А. К. Вы большую дозу получили, как вы думаете?

В. Б. По предварительным данным, около 60 рентген.

А. К. Виктор Петрович, я забыл спросить вот о чем. Как известно, 1 Мая в Киеве была трагическая «праздничная» демонстрация, Щербицкий стоял на трибуне и все время поглядывал на часы. Как я понимаю, руководители Украины имели точную информацию об уровне радиации. Так это или не так?

В. Б. Они знали все как есть. Уже 26-го вечером и 27-го работали военные, они ездили по округе, мерили радиацию, у министра Израэля уже имелась карта с точным указанием уровня загрязнений Припяти, Киева...

ИНТЕРВЬЮ С В. БРЮХАНОВЫМ, БЫВШИМ ДИРЕКТОРОМ ЧАЭС, НАХОДЯЩИМСЯ
В КОЛОНИИ ОБЩЕГО РЕЖИМА.

-5-

А. К. Значит, та бумага, которую подписали вы, вообще никакой роли не сыграла?..

В. Б. Конечно. Нужно было найти статью, поэтому ее и вытащили на свет.

А. К. После Чернобыля в газетах писали, будто вы лично докладывали Брежневу, что четвертый блок можно пускать досрочно.

В. Б. Ну, посудите сами. Есть же кому докладывать. Я не та фигура. Есть первый секретарь обкома партии, министр энергетике Украины, союзный министр и так далее...

А. К. Четвертый блок действительно сдавали раньше срока? У вас были ощущения, что он не готов к эксплуатации?

В. Б. Ни один блок на Чернобыльской АЭС раньше срока не сдавали. А четвертый блок был сдан лучше всех остальных. На нем было сделано все.

А. К. Вот это да... В таком случае скажите: в какой мере у нас безопасны другие атомные станции, как вы считаете?

В. Б. После Чернобыля на многих станциях, где стоят такие же реакторы, как у нас, — Ленинградской, Курской, Смоленской, — были проведены серьезные технические мероприятия. По-моему, Чернобыль не повторится. Другое дело, что нужно навести порядок в работе самих атомных станций. Скажем, избавить их от выпуска товаров народного потребления...

А. К. А это еще что такое?

В. Б. Вы же знаете, есть мнение, что все промышленные предприятия должны выпускать товары народного потребления. А атомная станция — это промышленное предприятие... Или другой пример. В марте — решение бюро обкома партии: Брюханову поручается построить два сенохранилища на 400 тонн каждое. Иди и выполняй. Не выполнишь — влепят наказание по партийной линии. Если захотят, выгонят с работы. Вот все и дрожали...

А. К. Вот тогда, в мае, вы понимали, что именно вас во всем и обвинят? Что вы окажетесь за решеткой?

В. Б. Я понимал, что какое-то наказание понесу. Я — руководитель, следовательно, должен отвечать за свой персонал. Но я никогда не думал, что мне... дадут десять лет.

А. К. Приговор был для вас полной неожиданностью?

В. Б. Полной.

А. К. Вы пытались как-то бороться, писать?

В. Б. Куда там... Сидишь в камере один, дают только «Правду» или «Радянську Україну», — куда можно писать в такой обстановке? Месяц или два я вообще сидел один, хотя это и не положено. Но по сравнению с тюрьмой МВД следственный изолятор КГБ — это рай, там хоть человеческие отношения. А все эти этапы и тюрьмы — вот это самое страшное. Там ты не человек.

А. К. Но здесь, в колонии, вас уважают, я разговаривал с зеками, говорят: «Зазря сидит», они быстро во всем разобрались...

В. Б. Да как будто нормально...

А. К. Рыжков после Чернобыля

сказал: «Мы все вместе шли к этой аварии». Как вы думаете, это справедливо?

В. Б. На сто процентов. Но вы меня поймите, все-таки я — директор Чернобыля, мне трудно об этом говорить. Вон одна наша газета написала, что Брюханову нужно было повесить на грудь табличку и водить из города в город, чтобы все видели... Так когда-то хотели сделать с Гитлером.

А. К. Кстати, Виктор Петрович, о Чернобыле очень много написано — и о самой аварии, и о причинах. Какие из статей, на ваш взгляд, серьезные?

В. Б. Честно написал Головков в «Огоньке», но вот после того как я прочитал... что меня на веревочке надо водить, я стараюсь их не читать... Знаете, я понял, что многие журналисты, писатели, особенно те, кто не обладает большим талантом, — им надо зарабатывать. У них, наверное, семьи, я их понимаю. Но уж если писать, так не врать по крайней мере. В Чернобыле был героизм, были настоящие подвиги, но как-то так получилось, что о них забыли. Например: на станции любой блок имеет определенный запас водорода. Если бы он взорвался, были бы колоссальные разрушения, новые жертвы. И вот один человек — Леличенко... запомните эту фамилию... Леличенко, заместитель начальника электроцеха, вошел в здание, где был

ИНТЕРВЬЮ С В. БРЮХАНОВЫМ, БЫВШИМ ДИРЕКТОРОМ ЧАЭС, НАХОДЯЩИМСЯ
В КОЛОНИИ ОБЩЕГО РЕЖИМА.

- 6 -

водород, заместил его азотом, отключил резервные запасы водорода... Эту тяжелую и длительную работу он проделал в условиях сумасшедшей радиации. Он погиб. На глазах у всех человек совершил героический поступок, но награды нет, даже посмертно...

А. К. После того, что произошло, у вас, наверное, есть желание никогда больше не возвращаться на АЭС, бежать от этой атомной энергетики куда подальше?..

В. Б. Если удастся уговорить жену, я обязательно вернусь на АЭС и, по правде говоря, хотел бы в Чернобыле.

А. К. Честное слово?

В. Б. Да.

А. К. А чем вы здесь занимаетесь, в колонии?

В. Б. Слесарь в котельной. Работа почти по специальности, так сказать...

9 декабря 1989 года

Беседу записала
Ольга ДРЕМИНА

- ЛФ -

L000058

KRUSCHINO

25-JUL-1990 11:18:12

КАЛИНИНСКАЯ АЭС ГРОЗИТ ЗАРАЖЕНИЕМ РАДИОАКТИВНЫМИ ПРОДУКТАМИ ОГРОМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ

/ "МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ", № 29, 22.7.90, стр. 15/

Чернобыль для столицы?

Волна ведомственных проверок, прокатившаяся после чернобыльского взрыва по объектам Минатомэнергопрома, не обнажила серьезных дефектов на действующих в стране АЭС. Однако частые аварийные выбросы радиоактивной воды на Калининской атомной электростанции привлекли внимание общественных экспертов, которые обнаружили строительный брак и серьезные недочеты в проектировании. Безопасность станции ставится под сомнение. Корреспондент «МН» побывал в Твери и встретился с председателем президиума областного общества охраны природы профессором Юрием Шербаковым и главным гидрогеологом Калининской геологоразведочной партии ПГО Центргеология Николаем Гладковым.

Ю. Шербаков: При принятии решения о строительстве Калининской АЭС руководство Минэнерго интересовало, похоже, только то обстоятельство, что это место на географической карте страны еще не украшала красная лампочка — в сети атомных объектов была прореха. Иначе как объяснить то, что АЭС построена на водоразделе бассейнов Невы и Волги, на месте древних разломов земной коры, «дыхание» которой слышится и сегодня. В случае попадания радиоактивных продуктов в воду зараженными окажутся огромные территории России. Опасность же такая, судя по всему, существует. Во-первых, станция строилась долго и неряшливо.

По данным недавно проведенной общественной экспертизы, во время строительства произошла опасная просадка одного из блоков станции. Строители были вынуждены укреплять фундамент. Много брака было допущено и при монтаже оборудования, сварке труб водяного охлаждения и так далее.

Н. Гладков: Вторая угроза безопасности Калининской АЭС — дефицит воды. Весь запас воды из озер Удомля и Песьво расходуется на охлаждение действующих первого и второго энергоблоков. Для охлаждения строящихся третьего и четвертого блоков придется извлекать подземную воду, а этого допустить никак нельзя. По данным нашей экспедиции, которые были подтверждены и результатами общественной экспертизы с участием геологов разных специализаций, Калининская АЭС построена на карстовых известняках. Это хрупкие породы, изобилующие пустотами и трещинами. На протяжении как минимум полутора десятков лет строители откачивают из них воду, что ускоряет образование подземных пустот. Конечно, никто сейчас не скажет, когда на данном месте случится провал, но подобные провалы, как правило, бывают внезапными и катастрофическими. Станция может провалиться под землю в буквальном смысле слова. В данном случае не имеет значения, когда это случится, завтра или через сто лет...

Сергей БУРА.

МИТИНГИ И ПИКЕТИРОВАНИЯ ПОДЪЕЗДОВ К БАЛАКОВСКОЙ АЭС "ЗЕЛЕНЫМИ"
ПРИВЕЛИ К СТОЛКНОВЕНИЮ С МИЛИЦИЕЙ
"МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ", №29/90, стр.2

БАЛАКОВО

«ЗЕЛЕНАЯ» БЛОКАДА

С 1 июня у Балаковской АЭС в Саратовской области был разбит валяточный лагерь «зеленых», организованный представителями экологических групп многих городов страны.

Собраны 50 тысяч подписей за прекращение строительства новых блоков Балаковской станции (пока действуют три, первый из них — на ремонте). На митинге 24 июня, собравшем 5 тысяч жителей, выдвигались требования немедленно приостановить строительство четвертого, не допустить сооружения пятого блока, провести экологическую экспертизу станции Госкомприродой с участием общественности и референдум жителей города Балакова. Однако эти требования не были услышаны. На следующем митинге было решено прибегнуть к крайнему средству — блокаде станции. 16 июля «зеленые» пикетировали подъезды к станции и не пропустили на нее рабочих. Блокада, впрочем, продлилась недолго. Ее участники были задержаны милицией, и некоторые в тот же день предстали перед судом. На него не были допущены ни свидетели, ни народные депутаты Балаковского Совета. Яков Кочкарев из Перми (осужден на десять суток) и Андрей Шахарев из Куйбышева (осужден на пять суток) в знак протеста против решения суда начали «сухую» (без воды) голодовку. Их поддержали еще шесть задержанных. ■

НА УКРАИНЕ НЕТ БОЛЕЕ ВАЖНОЙ ПРОБЛЕМЫ, ЧЕМ ЛИКВИДАЦИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ЧЕРНОБЫЛЯ

Точка зрения

1 августа 1990 года

Народный депутат УССР В. ШОВКОШИТНЫЙ:

«Сплотиться, чтобы выжить»

— Почему возникла необходимость обсуждать чернобыльскую проблему после того, как ее рассматривала сессия Верховного Совета СССР!

— Мы уже имели несчастье убедиться, что многие законы, решения, принятые всесоюзным парламентом, — мертворожденные. То есть, они не работают. Все это происходит потому, что изменяется ситуация в стране, и сейчас основные законодательные акты принимаются в республиках. И мы должны сами решать, что нам делать с Чернобылем. Это вовсе не умаляет и не отменяет решений всесоюзного парламента и Совета Министров СССР. Тем более, что катастрофу нам «подсунуло» всесоюзное ведомство.

— Достаточен ли тот перечень мероприятий, который утвердил с подачи Рыжкова Верховный Совет СССР!

— Он никогда не может быть полным. Занимаясь чернобыльской проблематикой четыре года, я пришел к выводу: это многогранная, сложнейшая тема. И она будет еще долго диктовать нам свои условия.

— Володя, ты — член парламентской комиссии по Чернобылю. Как думаешь, какие решения должны быть приняты уже сейчас в Верховном Совете Украины!

— Считаю, что «чернобыльской» комиссии необходимо придать статус чрезвычайной, наделить председателя полномочиями заместителя Председателя Верховного Совета рес-

публики. У нас нет сейчас более важной проблемы, чем ликвидация последствий аварии на АЭС. Ведь речь идет о жизни и здоровье большого количества людей, здоровье всей нации. Необходимо принять постановление по Чернобылю, обсудить весь комплекс проблем, поставленных самой жизнью. Будем готовить пакет законов: о статусе ликвидатора и эвакуированного и так далее. Необходимо параллельно рассматривать проблему моратория на строительство новых АЭС на Украине.

— Каково твое личное отношение к проблеме строительства атомных станций на Украине!

— Я против подобного строительства. Мы сейчас имеем две станции, которые практически полностью работают на бывший «социалистический лагерь» — Ровенскую и Хмельницкую. Мы имеем одно из самых энергоемких в мире производств. Мораторий нам крайне необходим хотя бы на пять лет. Чтобы за это время перепрофилировать экономику республики на энергосберегающие технологии. Это потребует больших затрат. Но зато позволит не строить АЭС.

Мораторий должен стать лакмусовой бумагой: можем ли мы вообще обходиться без атомной энергетики. Думаю, можем. Только структурной, организационной перестройкой экономики мы можем достичь многого, чтобы выйти на такой уровень потребления

энергии, который позволит обойтись Украине без атомных станций. Я за то, чтобы в будущем АЭС в наших краях не сооружались, а действующие постепенно выводились.

— Вот что еще многих интересует. На недавних слушаниях во всесоюзном парламенте, по сути, вновь спустили на тормозах вопрос, кто же все-таки виноват в катастрофе! Козлами отпущения, как это у нас водится, сделали «стрелочников». Надо ли украинскому парламенту возвращаться к этой теме!

— В Декларации о суверенитете прошла моя строка: «Украина имеет свою национальную комиссию радиационной защиты населения». В Союзе подобную возглавляет академик Ильин, роль которого в первые послечернобыльские дни видится явно неприглядной. Создав свою комиссию, мы приобретаем независимость в подходах к проблеме. Не сомневаюсь, что мы должны рассматривать и сакраментальный вопрос: кто виноват! Причем в двух аспектах — с точки зрения морали и с точки зрения Закона. Мы можем говорить, что тот же Израэль или Ильин поступали антигуманно с позиции нравственности, обманывая «розовыми» цифрами, давая добро на проведение первой майской демонстрации на Крещатике. Но нельзя сбрасывать со счетов, что система заставляла и их, и Романенко, и еще многих-многих должностных лиц поступать не так,

ШОВКОШИТНЫЙ. 2

как требует совесть. Но вины конкретных лиц это не уменьшает.

— Но ведь те же люди продолжают служить той же системе.

— Вот я и говорю, что надо менять всю систему, включая и устаревших исполнителей никому теперь не нужных ролей.

Я начал говорить о комиссии радиационной защиты не случайно. Ее деятельность позволит оградить Украину от влияния ведомственного диктата центральных «монополий». Так что проблему «кто виноват?» нельзя привязывать только к конкретным лицам. Да, виноват Израэль. Но мы с тобой были на слушаниях в Кремле. Израэль тогда, как помнишь, «сдал» куда более крупных руководителей — они тоже оказались винтиками системы. Ведь с 26 апреля все всё знали! И зачем все списывать на персонал?

— Володя, как сложились судьбы тех, с кем ты работал в Чернобыле в 86-м?

— Я поддерживаю контакты со многими. И потому, что являюсь президентом союза «Чернобыль», и потому, что многое нас с этими людьми связывает. Эта катастрофа искалечила судьбы, разрушила семьи, здоровье людей. Вот, скажем, мой друг и доверенное лицо во время выборов Валерий Зосимов. Он был лучшим спортсменом Припяти, сейчас — инвалид. А всего-то 35 лет от роду! По семь месяцев в году находится в различных лечебных учреждениях. Недавно мы похоронили журналиста Игоря Литвина. Чтобы его спасти, необходимо было 220 тысяч долларов. Их собрать не удалось. Умер от лейкемии. Многие начали пить после Чернобыля. В общем, я не знаю ни одной счастливой семьи после аварии.

Сейчас, когда мы объявили Украину независимой державой, мы должны сплотиться вокруг проблемы выживания. Нет важнее проблемы, чем экологическая.

Интервью
В. ДОЛГА

22 сентября 1990 года • «Казахстанская правда» • 3

ТИХИЙ ЧЕРНОБЫЛЬ,

или Исповедь человека из палаты № 6

Чернобыль и мирный атом никак не уживаются в сознании. Чернобыль стал синонимом разгильдяйства полупрофессионалов и технического бескультурья. Беды, которые принес Чернобыль, не подсчитать и через десятки лет. Бесчеловечно сравнивать убытки развалившегося четвертого

блока АЭС с развалившимися судьбами переселенца, с потерянными жизнями и потерянном здоровьем. Казалось бы, теперь, после случившегося, просто необходимо выявить подобные очаги разгильдяйства и поставить железобетонный заслон на пути питекантропии XX века. Но, увы, все далеко не так.

Я СЕЙЧАС назыву город который находится за тысячи километров от Чернобыля и который давно нуждается в подобных заслонах. В нем не взрывались реакторы, хотя этот город причастен к ним. В этом городе заряжают ТВЭЛы для атомных реакторов. Этот город — Усть-Каменогорск. В нем не безопасно жить человеку. Здесь почти все заводы находятся чуть ли не в центре. Мне особенно хочется остановить внимание на одном из них. Раньше он именовался почтовым ящиком № 10, теперь УМЗ. Так вот, этот завод с 1949 по 1990 год выбросил в черте города Усть-Каменогорска около 100 тысяч тонн радиоактивных отходов. Он гигант среди всех заводов подобного типа в Советском Союзе. Он один выпускает более 80 процентов всех редкоземельных и радиоактивных элементов. Остальные десятки заводов добывают недостающие 20 процентов нужной продукции.

Создается впечатление, что в городе должна быть немисли-

мая радиация. Нет, радиация по гамма-фону такая же, как и в Москве. Подчеркиваю: по гамма-фону. Но вот что странно. В Восточно-Казахстанской области онкологических заболеваний встречается в одиннадцать раз больше, чем в Алма-Атинской, и в два раза больше, чем в Семипалатинской областях. Я понимаю, что кроме УМЗ приложили руку, если можно так выразиться, и другие заводы Усть-Каменогорска. Но хочу остановиться вот на каком обстоятельстве. Среди радиоактивных элементов, которые выбрасывает завод УМЗ, два элемента основные: уран-238 и торий-232. Согласно справочнику, уран-238 имеет 98 процентов альфа-распада, торий-232 почти 100 процентов альфа-распада.

В Усть-Каменогорске на Дворце спорта висит прибор, который показывает текущее время, температуру окружающего воздуха и гамма-фон в микрорентгенах. Можно обвезить весь Усть-Каменогорск

подобными приборами, и везде будет гамма-фон в пределах нормы. Но те радиоактивные отходы, которые лежат на свалке, создают почти на 100 процентов альфа-фона. А чтобы измерить альфа-фон, нужны специальные приборы. Такие приборы имеются на заводе УМЗ, его специалисты делают замеры, но попробуйте узнать о результатах, вам ответят, что все хорошо, все в пределах нормы. И еще они ответят, что приф «секретно» с завода до сих пор не снят и что любые измерения, проводимые на территории завода и на территории свалки, не подлежат огласке. Они также могут сказать, что альфа-излучение не опасно, что от него может защитить любая одежда или просто газетный лист.

Но учебники по радиологии говорят противоположное. Альфа-излучение представляет опасность, когда его источник с пылью попадает в легкие, желудок. Через некоторое время в том месте внутренний орган будет поражен и

ВОСТОЧНО-КАЗАХСКАЯ ОБЛАСТЬ ОБЪЯВЛЕНА ЗОНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЕДСТВИЯ

- 2 -

никто не даст гарантии, что здесь не образуется злокачественная опухоль. И независимо что от альфа-излучения можно защититься обыкновенной газетой, важно то, что альфа-частица при соприкосновении с веществом отдает ему всю энергию.

ХОЧУ РАССКАЗАТЬ о том, как я предпринял одиночное исследование радиоактивных отходов завода УМЗ и что из этого получилось. Слышал я о них много, но, как говорится лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. И вот осенью 1989 года я на велосипеде совершенно свободно заехал на территорию свалки, прихватив с собой самодельный счетчик Гейгера. Я называю место свалкой, хотя официально оно именуется хвостохранилищем. И то, что я увидел, заставило меня уже в который раз разочароваться в нашей действительности.

Представьте себе овал высотой метров 5—6 и размером примерно 250 на 250 метров. Здесь и находились радиоактивные отходы. У подножия лежали десятки капроновых емкостей, при приближении к которым мой счетчик начал бешено трещать. Как я впоследствии узнал, в них находились отходы урана-238. Многие из этих емкостей под действием радиации или под действием каких-то других факторов развалились на части, и содержимое их выпало в песок. Я представил себе, как все это поднимается в воздух — стоит лишь подуть сильному ветру. Совсем рядом находилось озеро, в него из труб лилась какая-то жидкость. Подойдя к озеру, я понял по счетчику, что жидкость из труб выливается радиоактивная и берега его тоже радиоактивные. Берег озера был песчаный, наверняка и песок разносит ветром.

Примерно через неделю я снова оказался возле хвостохранилища и теперь решил объехать его по периметру. И вновь увиденное повергло меня в ужас. Все пять ворот оказались открытыми настежь. Ограждение во многих местах было повалено или частично отсутствовало. И никакой охраны! Не было ни единого хотя бы предупреждающего плаката. По территории свободно

ходили коровы и телята, какие-то люди косили траву. И лишь у одних ворот стояла охрана. Через эти ворота самосвалы привозили отходы. Если на территории хвостохранилища находятся радиоактивные отходы, то эта территория, во-первых, должна вся охраняться, во-вторых, на ограждении должны висеть запрещающие плакаты примерно такого содержания: «Стоять! Вход строго запрещен, радиация!». В-третьих, все пять ворот должны быть закрыты. Но, к сожалению, все было наоборот.

Приехав домой, я долго размышлял, как поступить. Если обратиться к администрации УМЗ, то хорошего не жди. Десять лет администрацию устраивало состояние хранения отходов. Наверяд ли они, послушав меня, обыкновенного человека, что-то изменят. Вот если сверху кто-то им скажет о безобразиях на хвостохранилище, тогда можно рассчитывать на изменение в лучшую сторону...

Первое письмо я написал в газету «Известия». Очень быстро пришел ответ. Мне сообщили, что, когда появится необходимость в такой статье, то фрагменты моего письма будут включены в нее, а пока... Второе письмо отправил на Центральное телевидение в программу «Взгляд». Довольно скоро получаю ответ: мое письмо переадресовано в облисполком. Через некоторое время получаю ответ из облисполкома, из областной СЭС и от администрации УМЗ. Все три ответа, как близнецы-братья, повторяли друг друга: на территории хвостохранилища все в пределах нормы, ветер никогда не разносит радиоактивную пыль такое просто исключено.

Я не тешил себя надеждой получить от этих людей другой ответ. В сердцах пишу второе письмо в программу «Взгляд». Поразмыслив полгода, «Взгляд» отправил письмо в апреле 1990 года в Госкомприроду СССР. Но это было в апреле, а до этого у меня произошли встречи в природоохране Восточного Казахстана и с народным депутатом СССР полковником Н. Петрушенко. Природоохранные органы г.

Усть-Каменогорска выслушали меня, нетерпеливо перебивая мол, у них давно горит зуб на это предприятие, но пока нет официального разрешения на посещение и проверку, потому как предприятие закрытого типа. Полковника Петрушенко я впервые увидел на встрече с шахтерами рудника Белоусовка. Уже в конце встречи я подошел к нему и спросил:

— Известно ли вам товарищ Петрушенко, что в черте города Усть-Каменогорска завод УМЗ выбросил на свалку огромное количество радиоактивных отходов и что ветер разносит радиоактивную пыль по всему городу?

— Да, — ответил полковник. — Я знаю об этих отходах, но что они находятся в таком состоянии, не знаю и, если это правда то я подаю в суд на администрацию УМЗ через Генерального прокурора СССР.

После этих слов он подал мне свою визитную карточку и попросил в ближайшие дни позвонить ему. Вторая встреча с полковником Петрушенко разительно отличалась от первой. Прочитав мое заявление и те письма-ответы, он вдруг легко перешел на «ты» и громким, хорошо отработанным голосом заговорил:

— Кто ты такой? Что ты понимаешь в радиации? Электромеханик Медведев, но не специалист в радиологии! Привыкли все лезть не в свое дело! Критиковать все мастера а что ты предлагаешь в данной ситуации?

Опешив от такого напора я начал говорить о том, что можно создать независимую комиссию, и если она обнаружит, что нарушены условия хранения радиоактивных отходов и ветер разносит радиоактивную пыль по городу, то сделать так, как вы предлагали то есть подать в суд на администрацию УМЗ.

— Хорошо, я дам ход твоему заявлению, — ответил полковник, забрав заявление и те три ответа.

Почему он и письма-ответы взял? Может быть, для того, чтобы уличить казенных людей во лжи? С такими мыслями я вернулся домой. Это бы-

blue-red

ВОСТОЧНО-КАЗАХСКАЯ ОБЛАСТЬ ОБЪЯВЛЕНА ЗОНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЕДСТВИЯ

- 3 -

ло в феврале. В марте я снова побывал в областной природоохране. «Ждем, когда растает снег, тогда и займемся», — утешили меня.

И вот наступило 17 апреля. В этот день нагрянул представитель из Госкомприроды СССР Денисов (это взглядовцы передали ему мое второе письмо). Из Госкомприроды Казахской ССР прилетел Люсенков. Они создали в городе Усть-Каменогорске комиссию, в состав которой вошли: от областной природоохраны заместитель председателя Савельев, от УМЗ зам. главного инженера Хлебников и специалист по химии и радиологии Слободин от СЭС МСЧ Самойлов, начальник хвостохранилища Солопов, сюда же вошли три дозиметриста и я.

Мы на автомобиле точно так же, как когда-то я, совершенно беспрепятственно заехали на территорию хвостохранилища. Прошли по маршруту по которому прошел впервые я. Комиссия увидела у подножия отвала то же, что и я осенью прошлого года. Капроновые емкости фонили по 500—600 микрорентген в час. Примерно в 70 метрах от радиоактивного озера прибор показывал 50 микрорентген в час. Вокруг на песке хорошо просматривались свежие следы коров и телат.

Был составлен протокол, в котором говорилось о том, чтобы к 1 июня завод отремонтировал ограду и вывесил на ней соответствующие для данного хвостохранилища плакаты, чтобы все ворота были закрыты и выставлена охрана, предписывалось захоронить капроновые флаги с отходами и радиоактивный песок...

С этого дня я начал вести дневник.

23.04.90 г., понедельник. Утром ко мне домой подкатила черная «Волга» главного инженера УМЗ. Вошел Слободин и сказал:

— Все убрано, все засыпано. Песок, где лежали флаги, имеет радиацию меньше, чем грузинский чай.

Но когда приехали и сделали замеры, то увидели, что радиоактивной грязи еще много. Начальник хвостохранилища Солопов и зам. главного инженера УМЗ Хлебников сказали глядя на это:

— В ближайшие дни будет чисто.

Поднялись чуть вверх по отвалу радиоактивных отходов. И увидели в большой вырытой яме множество капроновых флагов. Сверху, не спускаясь вниз, сделали замер. Прибор показал 400 микрорентген в час.

— Засыплем в ближайшие дни, — не сговариваясь, сказали Солопов и Хлебников.

В тот же день я приехал в областную природоохрану к зам. председателя Попозой и Савельеву, рассказал о виденном. Предложил создать свою комиссию с независимым радиологом - дозиметристом и пройти по всей территории захоронения радиоактивных отходов. Решили предпринять такой выезд 27 апреля.

27.04.90 г., пятница. Ни Попова ни Савельев не поехали, сославшись на занятость. Вместо них поехал дозиметрист из «Алтайгеологии». К сожалению, не помню его фамилии. Это был профессионал, отлично знающий свое дело. Мы обнаружили столько радиоактивной грязи что мне стало до слез обидно оттого, что комиссия 17 апреля во главе с Денисовым ничего этого не видела. Мы обнаружили сотни, если не тысячи капроновых флагов с радиоактивными отходами, здесь же валялись металлические детали от оборудования, все это фонило по несколько сот микрорентген в час. Рядом с нами суетливо шныряли самосвалы с наглухо закрытыми окнами. Шоферы в масках. Они возили землю и засыпали радиоактивный гипс. Целое футбольное поле гипса, разбитого самосвалами до состояния пыли. Были и просто кучи гипса. У одной из таких куч стоял дозиметрист и крутил переключатель пределов измерения. Куча фонила более 1000 микрорентген в час.

Так как я и дозиметрист были просто людьми, а не просто депутатами, увиденное нами на хвостохранилище не обрело формы протокола. Едем с дозиметристом к председателю природоохраны Адамову и рассказываем обо всем. Выслушав нас, он сказал:

— Нужно срочно провести на хвостохранилище пешую

съемку гамма-фона в в дельнейшем и аэросъемку всего города.

3.05.90 г., четверг. В этот день я встретил в третий раз народного депутата СССР полковника Н. Петрушенко.

— Я посылал комиссию из Семипалатинска в Усть-Каменогорск на хвостохранилище УМЗ, — начал полковник. — Комиссия была заинтересована найти чужую радиацию, потому что все ругают, Семипалатинский атомный полигон но на хвостохранилище радиоактивные отходы хранятся без нарушений, радиация в пределах нормы.

3.06.90 г., воскресенье. В полдень подул очень сильный почти ураганный ветер. Ломало ветки деревьев, в воздухе носилась пыль. Специально

еду на хвостохранилище посмотреть как хранятся радиоактивные отходы «без нарушений». С отвала широким шлейфом несло белую и серую пыль. Несло на жителей улицы: Защита-2. Им «повезло» больше всех. Их улица находится между заводом УМЗ и хвостохранилищем. Решил объехать вокруг хвостохранилища, чтобы посмотреть, в каком состоянии ограждение, плакаты, ворота. В протоколе было написано: «кустарить к 1 июня», сегодня 3 июня. Убеждаюсь, что ограждение отремонтировано, плакатов нет никаких из пяти ворот трое настежь, двое закрыты и с охраной.

6.06.90 г., среда. Сегодня в больнице у меня взяли кусочки ткани на исследование по поводу онкологического заболевания.

В этот же день я поехал на улицу Защита-2 и взял с собой счетчик Гейгера. О ужас! Как живут эти люди! Воды нет — призовая. Душит газ заводов: то УМЗ, то СЦК, то ГЭЦ, то асфальтовый, то ТМК, то несет пыль с золоотвала ТЭЦ то радиоактивная пыль с хвостохранилища УМЗ. Сорок девять частных домов, похожих на лагучи, несколько барачков времен первой мировой войны. Через их улицу проходит эстакада труб, по которым завод УМЗ на хвостохранилище откачивает жидкость включая и радиоактивную. За десятки лет эксплуатации эти трубы давят течь. Земля вокруг этих труб

blue-red

ВОСТОЧНО-КАЗАХСКАЯ ОБЛАСТЬ ОБЪЯВЛЕНА ЗОНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЕДСТВИЯ

- 4 -

радиоактивная. Здесь же ходят коровы, свиньи, гуси.

Ко мне подошли мальчишки лет двенадцати, с любопытством смотрят, что я делаю. Объясняю им: нельзя к этим трубам допускать домашний скот, т. к. земля и трава вокруг них радиоактивные. Захожу в дома и объясняю взрослым. Они согласно кивают головами и равнодушно смотрят на меня. Оказывается они уже никому и ничему не верят. За многие годы бесполезных мытарств по поводу улучшения жилищных условий бюрократическая глухота сломала их.

8.06.90 г., пятница. Звонил на УМЗ Слободину по поводу исследования радиоактивных отходов на альфа-распад. Лаборатория УМЗ должна была это сделать согласно протоколу еще в мае.

— Да, исследования проведены, — ответил Слободин.

— Обнаружили альфа-распад?

— Нет, не обнаружили.

— Что, совсем не обнаружили?

— Понимаете, гриф «секретно» до сих пор не снят с нашего завода, поэтому, возможно, в лаборатории так и ответили, — последовал намек специалиста по химии и радиологии завода УМЗ.

В тот же день я встретился с депутатами от завода УМЗ и передал им о своих невеселых делах по хвостохранилищу. Меня поразила их совершенная неосведомленность о радиоактивных отходах завода, на котором они по многу лет работают.

В этот же день снова ходил на улицу Защита-2. Мне казалось, что я все знаю про этих людей, но реальная действительность заставила удивленно поднять брови. Оказывается, мальчишки с этой улицы ходили купаться на радиоактивное озеро. «Вода там щиплется», — рассказывали они. И это не все! Они приносили с хвостохранилища капроновые емкости из-под отходов урана и хранили в них воду. Вода-то приозная. Я ходил по дворам, заглядывал в огороды и видел десятки этих емкостей. Конечно, мальчишки одинаковые везде, но то, что администрация УМЗ намеренно умалчивает о радиации на хвостохранилище, никогда этим

людям не объясняла о существующей опасности, я считаю это преступлением. Всех жителей улицы Защита-2 обязаны переселить в безопасное для проживания место. Для этого достаточно одного 100-квартирного дома.

14.06.90 г., четверг. Звонил в Москву, в Госкомприроду СССР, разговаривал с Денисовым. Рассказал ему все, что узнал нового по поводу хвостохранилища. Просил снова приехать, но теперь уже со своими специалистами и приборами, чтобы наконец-то узнать истину. На что Денисов ответил, что он глубоко сочувствует нам, жителям города Усть-Каменогорска, но во время его приезда к нам в апреле месяце имел разговор с Люсенковым — представителем Госкомприроды Казахской ССР. Люсенков сильно переживал «вторжение Москвы в дела независимой республики» и наемкнул на то, что сами, мол, с усами, обойдемся без центра.

Вечером присутствовал на экологическом митинге в городе. Жалею, что не выступил сам. Зато встретился со спечкором «Известий» В. Миролевичем и собкором «Казахстанской правды» А. Аквой. Рассказал им о бедах экологии и о радиации.

Аква попросил меня все, что я знаю, написать и отослать в газету «Казахстанская правда».

18.06.90 г., понедельник. Познакомился с Садыковым Женисом, председателем движения «Невада — Семипалатинск» в Восточном Казахстане. Он пригласил меня к себе в гости. Говорили очень много и допоздна.

19.06.90 г., вторник. В больнице у меня взяли вторично ткань на исследование по поводу онкологического заболевания.

20.06.90 г., среда. Заезжал на улицу Защита-2. Попросил одну из активных женщин написать заявление народному депутату СССР О. Сулейменову с подробным описанием всех нужд и бед. Заодно сделал фотоснимки трупоб.

28.06.90 г., четверг. Диагноз подтвердился. Я болен.

28.06.90 г., четверг. Поехал на городской экологический митинг. Не утерпел, выступил. «Дирижер» митинга ограничил

пятью минутами, жалею, что не все сказал. Смотрел я на присутствующих и делал вывод. Проблемы наши, наверное, можно решать только с женщинами. Первые многочисленные ряды занимали только женщины, только в их глазах я видел участие и заинтересованность. За ними виднелись кучки «отцов города». Возле них ходили в штатском какие-то фотографы. И совсем далеко как бы случайно оказавшиеся мужчины курили в тени деревьев...

02.07.90 г., понедельник. Прямо с утра заявился на Усть-Каменогорскую студию телевидения. Наверное, вид у меня был взъерошенный, мое состояние передано режиссеру и оператору. Кратко рассказал им о своих тревогах. Недолго раздумывая они посадили меня в автомобиль, и вот мы у тех злополучных мест. Отсняли издали отвал, где покоились 100 тысяч тонн радиоактивных отходов потом сюжет с трущобами и их жителями. И снова я убедился в активности женщин. К нам подходили только женщины, говорили они резко, с болью и обидой. Говорили о том, что на их улице нет ни единого здорового человека, что женщины рожают уродов или таких же как они сами, то есть больных, что живут в ужасных условиях. Некоторые по шесть человек на одиннадцати квадратных метрах. Нет школы рядом, нет магазина, воды и т. д.

Вечером я улетел в Алматы на лечение.

03.07.90 г., вторник. Промаявшись ночь в аэропорту, утром поехал на республиканскую студию телевидения. Рассказывал часа полтора. Вижу, что заинтересовались. Обещали помочь и отснять материал с моим участием. В полдень приехал в штаб «Невада — Семипалатинск». Приняли хорошо, выслушали, обещали принять участие в оздоровлении экологии Восточного Казахстана. Вечером меня положили в больницу.

12.07.90 г., четверг. Наконец-то после многочисленных анализов и еще одного подтверждения в онкологическом заболевании меня начали лечить, и то благодаря вмешательству профессора Колочевой Нелли Ивановны.

blue-red

26.07.90 г., четверг. Сегодня на студии телевидения отснят сюжет в передаче «ЭХО» с участием Вдовиченко, заведующего отделением информации населения о радиационной обстановке республиканской СЭС. Вторым был я.

15.08.90 г., среда. Написал и отправил два письма в Верховный Совет Казахской ССР. Одно письмо — в отдел здравоохранения, другое — в отдел защиты природы. Описал то, что волнует и не дает покоя. Через несколько дней позвонил им, узнал, что Верховный Совет отправляет комиссию в Усть-Каменогорск.

29.08.90 г., среда. Был на республиканской студии телевидения. Звонили на Усть-Каменогорскую студию телевидения. Узнал новость. Дирекция УМЗ запретила показ по областному телевидению того материала, что отсняли у хвостохранилища. Военные объекты не снимали, тайну никакую не разглашали. В чем дело? А дело, видимо, в том, что все увидят блеф, мнимую заботу о людях.

Потом звонил в штаб «Невада — Семипалатинск», разговаривал с физиком-ядерщиком, профессором Тусевым Багдатом Тотиевичем. Узнал от него радостную новость. Четырнадцатого сентября из Москвы в Усть-Каменогорск вылетает специальная комиссия от Академии наук с новейшими приборами. Господи, помоги стронуть с мертвой точки дела наши праведные!

03.09.90 г., понедельник. Сегодня отнесу свое писание в газету «Казахстанская правда». Очень надеюсь на публикацию.

Геннадий МЕДВЕДЕВ,
временно безработный, г.
Алма-Ата, Институт онкологии и радиологии, палата № 6.

ОТ РЕДАКЦИИ

Когда эти записки готовились к печати, пришло сообщение о том, что в бериллиевом производстве УМЗ произошел аварийный выброс радиоактивной пыли.

Президиум областного Совета народных депутатов после обстоятельного обсуждения ситуации принял постановление о закрытии бериллиевого производства на объединении «Ульбинский металлургический завод». Минатомэнергопрому предложено разработать мероприятия по конверсии производства. Этим же постановлением Восточно-Казахстанская область объявлена зоной экологического бедствия

- АФ -

Б/КР-196

ДЛЯ ЧЕГО НУЖЕН ОБЪЕКТ "УКРЫТИЕ" НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС?

● 3 стр. ● РАБОЧАЯ ГАЗЕТА ● Среда, 31 октября 1990 года

Чернобыль: труд и быт

Начало продолжения

У объекта «Укрытие» — один хозяин

Об объекте «Укрытие», в просторечии «Саркофаге», возведенном над разрушенным четвертым энергоблоком Чернобыльской АЭС, написано немало. Читатели уже знают и о его конструкции, и о том, как он возводился, как эксплуатируется сейчас, какие работы и научные исследования там проводятся и какие есть предложения о его дальнейшей судьбе.

Однако на днях произошло событие, о котором многие еще не слышали: создано новое предприятие, коллектив которого будет обслуживать «Саркофаг». С директором предприятия «Объект «Укрытие», заместителем генерального директора ПО «Чернобыльская АЭС» по ликвидации последствий аварии В. Г. ЩЕРБИНОЙ беседуют журналисты.

— Владимир Григорьевич, какой необходимостью вызвано создание предприятия, которое вы возглавили, что за задачи будет выполнять его коллектив?

— Сейчас уже стало ясно, что этап научно-исследовательских работ, который проводился на объекте «Укрытие» учеными различных институтов и, в первую очередь, комплексной экспедиции Института атомной энергии имени И. В. Курчатова, в принципе завершен. Необходимая информация получена, и теперь необходимо сосредоточить все усилия на инженерном претворении в жизнь тех рекомендаций, которые выданы наукой. То есть обеспечить безопасную эксплуатацию объекта «Укрытие» и его консервацию. Это первая задача. Вторая — продолжение дезактивации оборудования станции и на территории промплощадки. Третья — дезактивация и создание безопасных условий проживания в Славутиче. И четвертая — это ретроспективный анализ доз облучения, полученных участниками ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, в 1986 году.

— Какими силами и возможностями вы располагаете?

— Наше предприятие создано в составе ПО «Чернобыльская АЭС». Персонал привлекается в основном со станции. Рассчитываем привлечь для работы на предприятии и крупных специалистов с предприятий всей отрасли, из научных организаций, готовы даже пойти на то, чтобы они работали вахтовым методом. То, что они не будут проживать в Славутиче, в данном случае препятствием для приема на работу не будет.

— Но все же, сколько человек будут работать на предприятии «Объект «Укрытие»?

— До 1990 года на объекте работали, если не учитывать работников СМУ, которые переданы НПО «Припять», где то 2,5 тысячи человек. Это сотрудники комплексной экспедиции ИАЭ имени И. В. Курчатова, военнослужащие и персонал реакторного цеха № 4 Чернобыльской АЭС. Теперь предполагается оставить для работы на аварийном блоке около 1200 человек и при этом

полностью отказаться от помощи военнослужащих. Это не простое решение, поскольку из тех 2,5 тысячи человек две тысячи менялись четыре раза в году. То есть, исходя из дозозатрат, на блоке ежегодно работало 10 тысяч человек.

Теперь люди меняться не будут. И в полный рост встает проблема переобучения персонала, чего допускать нельзя. Мы планируем выйти из этого трудного положения за счет лучшей организации труда и работ, самой серьезной подготовки и обучения персонала, широкого использования механизмов, тщательной подготовки каждой операции. Но, тем не менее, ситуация сложная, поскольку головную дозу в пять бэр мы превысить не можем. Да у нас есть еще основания считать, что с поправкой на альфа-активность в воздухе мы вынуждены будем уменьшить разрешенную дозу.

Финансирование работ на аварийном блоке остается на том же уровне, что было и до создания нашего предприятия. С учетом всех организаций, которые будут привлечены для работ на объекте «Укрытие», ежегодно мы будем тратить около 85 миллионов рублей.

Наша техническая вооруженность — это те механизмы и машины, которые были разработаны в процессе ликвидации последствий аварии. Однако в этой части пока больше обе-

шаний, чем реальных дел. По этому одной из главных задач нашего коллектива будет создание целого набора дезактивационных устройств, механизмов, методик, которые должны позволить продолжить ликвидацию последствий аварии и на четвертом блоке, и на территории станции с минимальными дозозатратами персонала. Мы надеемся, что те разработки, которые уже сделаны специалистами, помогут нам в решении этой задачи.

— Насколько мы понимаем, отныне объект «Укрытие» переходит под полную юрисдикцию ПО «Чернобыльская АЭС», и, в частности, вашего предприятия? Вы будете его полными хозяевами и вы же будете нести полную ответственность за все, на объекте происходящее?

— Да, мы будем единственными

ДЛЯ ЧЕГО НУЖЕН ОБЪЕКТ "УКРЫТИЕ" НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС?

(2)

ными хозяевами со всеми вытекающими отсюда правами и ответственностью. Однако у нас будет, да он и есть, научный руководитель — Институт атомной энергии имени И. В. Курчатова, который определяет всю научную политику на объекте. У нас будет генеральный проектировщик — ВНИПИЭТ, который расположен в Ленинграде. Его задача выполнять все проекты.

— Коллектив производственного объединения «Спецатом», мы знаем, и об этом писала «Рабочая газета», занимался разработкой техники для работ в «Саркофаге». Теперь все это становится ненужным?

— Все разработки ПО «Спецатом», доведенные до возможности использования, будут нами задействованы.

— У руководства ПО «Спецатом» были предложения и проработки по демонтажу объекта «Укрытие» до «зеленой лужайки». Как вы к этому относитесь?

— Существуют две позиции по дальнейшей судьбе объекта. Первый вариант — это строительство объекта «Укрытие-2». Второй — разбирать «Укрытие» и его начинку до «зеленой лужайки». Это очень сложный вопрос. Речь идет об огромных затратах, об опасности для окружающей среды. Так что выбор может быть сделан только на уровне правительств республики и Союза, на основе анализа мнений всех крупнейших научных авторитетов страны. Здесь никакой авантюризм, никакой авторитарный нажим, никакое своеволие не должны иметь места. Нужен четкий, взвешенный научный и инженерный анализ с учетом реально достигнутых возможностей нашей науки и техники, а также того, что дозы облучения персонала должны быть минимальными. Подход, которым мы пользовались в 1986 — 1988 годах (достижение цели любой ценой), теперь не проходит.

— Говорят, что проект «Укрытие-2» стоит около миллиарда. А Ю. И. Самойленко, генеральный директор ПО «Спецатом», стоимость разработки «Саркофага» до «зеленой лужайки» определял в 1,5 миллиарда рублей.

— Это реальные цифры.

— Скажите, Владимир Григорьевич, а НПО «Припять» будет теперь иметь какое-либо отношение к объекту «Укрытие»?

— К работам внутри самого объекта «Укрытие» НПО «Припять» отношения иметь не будет. Но нельзя забывать, что «Припять» несет главную ответственность за всю зону в

целом. Поэтому естественно, что ПО «Чернобыльская АЭС», в том числе и наше предприятие как его часть, будут тесным образом взаимодействовать с НПО «Припять». Я вижу сотрудничество по таким, в частности, направлениям, как контроль за тем, чтобы работы на объекте «Укрытие» не сопровождались радиоактивным загрязнением территории, использование могильников «Припять» для захоронения радиоактивных отходов с четвертого энергоблока, использование техники и технологий предприятия «Вектор» (если оно будет создано) для переработки и компактирования этих отходов. Без базы НПО «Припять» нам не обойтись при проведении работ по дезактивации территории станции и Славутича.

— Если будет принято решение о закрытии Чернобыльской АЭС, предприятие «Объект «Укрытие» останется? И не станет ли оно основным работодателем для высвобождающегося персонала станции?

— Я не любитель строить догадки. Единственное, могу сказать о том, что какие бы сроки ни были установлены по закрытию ЧАЭС, а точнее — по выводу из эксплуатации энергоблоков станции, персонал выполнит его безоговорочно. Это — общее мнение подавляющего большинства нашего персонала. Прямой связи между проблемами вывода из эксплуатации энергоблоков станции и проблемами обеспечения безопасности и консервации объекта «Укрытие» я не вижу. Хотя на вопрос, будет ли использован опыт, накопленный при работах на объекте «Укрытие» при выводе из эксплуатации энергоблоков ЧАЭС, можно ответить положительно. А вот в каком объеме — это покажет время.

— Еще один вопрос, Владимир Григорьевич. Весной этого года в печати промелькнули сообщения о том, что на объекте «Укрытие» смонтирована и запущена в действие система пылеподавления. И вот сейчас становится известно, что на днях эту самую систему приняли в эксплуатацию. Это надо понимать так, что первое сообщение не соответствовало действительности?

— Да, в мае этого года на объекте «Укрытие» была смонтирована система пылеподавления. Ее функция заключается в том, чтобы при необходимости впрыскивать пенкообразующий раствор в шахту реактора аварийного блока. Этот раствор захватывает пыль,

полимеризуется, и радиоактивные частицы не поднимаются до тех пор, пока пленка не разрушится. Это хорошая идея, и была она достаточно толково выполнена. Однако в ходе приемки был выявлен ряд недостатков, которые представители станции потребовали устранить. К сожалению, в этот период комплексная экспедиция Института атомной энергии имени И. В. Курчатова уже отошла от вопросов эксплуатации объекта, а наше предприятие еще не было создано. Так

и вышло, что поторопить проектировщиков, которым было поручено подготовить проект переезда, оказалось некому. И этот проект был готов только в августе. В это же время был подписан приказ о создании нашего предприятия, и мы взялись за доведение системы до кондиции вместе с монтажниками и строителями НПО «Припять».

Сегодня все дефекты и недоделки устранены. Рабочая комиссия под председательством главного инженера предприятия «Объект «Укрытие» В. В. Грищенко в составе представителей от монтажников, строителей, технической инспекции ЦК профсоюза, Госатомэнергонадзора, Госсаннадзора проверила ее в действии и приняла. Мелкие недостатки, которые выявили в ходе приемки, устранили в течение нескольких дней, и 3 октября было проведено, по нашему мнению, окончательное испытание.

Весь ход приемки системы мы засняли видеокамерой и обязательно покажем в Славутиче по системе кабельного телевидения, чтобы у людей не оставалось сомнений в эффективности работы установки пылеподавления. По проекту она предназначена для работы в аварийном режиме и вводится в действие в случае появления опасности выноса радиоактивной пыли за пределы объекта. В таком режиме мы будем эксплуатировать эту систему в течение года. А за это время попытаемся разработать проект перевода ее в непрерывный режим. Сложность здесь заключается в том, что пылеподавляющий состав может полимеризоваться внутри емкости, где он хранится, и надо найти способ поддерживать его в горячем состоянии. В этом направлении сейчас уже ведутся изыскания проектировщиков.

ДЛЯ ЧЕГО НУЖЕН ОБЪЕКТ "УКРЫТИЕ" НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС?

131

Но на первых порах нас устраивает и существующий режим работы системы.

— Но все же, почему преждевременно появилось сообщение о том, что система пылеподавления смонтирована и действует?

— Да, отрапортовали тогда, когда систему смонтировали и произвели первое испытание. И поспешили. Если бы наше предприятие тогда существовало и мы вели нормальный, как вообще принято на АЭС, технический надзор за монтажом, то систему пылеподавления в мае бы и приняли. Но поскольку хозяева на аварийном блоке были разные — чем-то занималась наука в лице комплексной экспедиции ИАЭ имени И. В. Курчатова, чем-то — строители и монтажники, а принимали систему представители ЧАЭС, — то недостатки устранялись не в процессе работы, а после предъявления к сдаче. Это, кстати, еще одна из причин создания нашего предприятия. У объекта «Укрытие» должен быть один хозяин.

— Значит, с мая по август система пылеподавления на аварийном блоке не работала? Но говорит ли это о том, что все мы в этот период подвергались повышенной опасности? Работники ЧАЭС, Славутича, окружающих районов, Киева, 30-километровой зоны?

— Надо сказать, что длительный период времени аварийный блок эксплуатировался вообще без этой системы. Сейчас возникла необходимость в ней. Почему. Дело в том, что происходит разрушение бетона и появляется большая пылеобразующая компонента. Вот и встал вопрос о системе пылеподавления. Пока угрожающей ситуации нет, но в будущем разрушение бетона и конструкцией блока с образованием большого количества мелкодисперсной пыли с очень высокой радиоактивностью будет прогрессировать. И система действительно нужна для периодического пылеподавления. Но пока, я хочу это подчеркнуть, у нас запас времени есть.

Ю. ДРОНЖКЕВИЧ,
спец. корр. газеты «Вестник Чернобыля»;

В. ДЕМЕНЕВ,
спец. корр. газеты «Импульс».

